

Академия наук СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

Х.-М. Хашаев
Доктор исторических наук

**ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА
в XIX веке**

Махачкала — 1959.

9д
X-294

Академия наук СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

Х.-М. ХАШАЕВ
Доктор исторических наук

**Занятия населения Дагестана
в XIX веке**

13648

107766

Д. И. С. А. Ф. И. Л. И. А. Л.
Академия наук СССР
Научно-исследовательский институт истории

Махачкала — 1959.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I	5
Природные условия и население Дагестана	5
Природные условия	5
Этнический состав населения Дагестана и его территориальное размещение	17
Глава II	33
Полеводство и садоводство	33
Глава III	48
Животноводство	48
Глава IV	63
Кустарная промышленность	63
§ 1. Обработка шерсти	65
§ 2. Обработка металла	68
§ 3. Обработка дерева, кожи и глины	74
§ 4. Рыболовство, пчеловодство, охота, горный промысел и отходничество	77
Глава V	84
Дороги и торговля	84
§ 1. Дороги	84
§ 2. Торговля	89
Краткие выводы	113

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей работа является одной из глав докторской диссертации автора. В ней дается краткое описание природы, этнического состава и занятий населения Дагестана XIX века.

В Дагестане проживали и проживают в настоящее время до 30 народов и народностей. В их материальной и духовной культуре преобладают общие черты, однако их культура имеет и ряд специфических особенностей, обусловленных хозяйственной деятельностью и природными условиями.

В дореволюционной историко-этнографической литературе, а также в некоторых работах, написанных в советский период, встречаются утверждения о том, что Дагестан является «каменным мешком», что горцы «сидят на учарах и стругают палочки» или, что источником их существования являлись набеги и т. п. За горцами признавали только умение заниматься полукочевым животноводством.

Подробное изучение трудовой деятельности населения Дагестана XIX в. показывает, что горцам была чужда праздность, источником их существования являлся неимоверно тяжелый труд, который осложнялся неблагоприятными природными условиями горного Дагестана. Как известно, террасное сельское хозяйство горцев не имеет себе равного и для его создания потребовался титанический труд многих поколений, приспособивших крутые склоны гор под пахотные поля и цветущие сады.

Жители горной зоны Дагестана, так же как жители равнинной его части, занимались прежде всего полеводством и садоводством, знали сравнительно передовую для того времени трехпольную систему земледелия, приемы удобрения и искусственного орошения полей и садов. Занимались они также разведением как крупного, так и мелкого рогатого скота.

У жителей высокогорной зоны Дагестана в хозяйстве преобладало животноводство, особенно овцеводство. Однако им не чуждо было и земледелие.

Трудящиеся Дагестана выделяли из своей среды десятки тысяч искусных мастеров. Далеко за пределами Дагестана были известны их изделия из металла, шерсти, кожи, дерева, камня и глины. Кубачинские златокузнецы, лакские ювелиры, уцуккульские мастера инкрустации по дереву, микрахские и табасаранские ковровщицы, даргинские мастерицы по производству шалей, особенно из верблюжьей шерсти, андийские бурочницы, амузгинские и куядинские кузнецы, кумыкские мастера по производству холодного оружия, Базалай и его ученики, сулевкентские и балхарские гончары, цудахарские и куппинские шорники, сапожники и шапочники прославили себя и свой народ высококачественными произведениями своего труда.

Трудящиеся Дагестана массами уходили на отхожие промыслы в другие области и губернии царской России, работали там на промышленных предприятиях, в кустарных мастерских, на нефтяных промыслах, на стройках, а также у кулаков и помещиков.

Наша работа не претендует на разрешение всех вопросов, связанных с историей трудовой деятельности многочисленных народов Дагестана. Автор лишь знакомит читателей с разнообразнейшей трудовой деятельностью населения Дагестана в XIX веке.

ГЛАВА I

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И НАСЕЛЕНИЕ ДАГЕСТАНА

Природные условия

Слово «Дагестан» состоит из двух слов: тюркского «даг», что значит гора, и иранского «стан», что значит страна, следовательно, Дагестан — «страна гор».

В начале XIX в. Дагестаном называли не только территорию современного Дагестана, но и всю территорию, прилегающую к Кавказскому хребту, начиная от города Баку до р. Койсу (Сулак). «Под именем Дагестана разумеется,— писал О. Евецкий, провинция Бакинская, Дербентская и Кубинская, к коей причисляют 4 вольные лезгинские общества: Алтыпаринское, Ахтынское, Докузпаринское и Таркальское, расположенных в ущельях Кавказских гор, владения шамхала Тарковского, хана Джунгутайского, хана Казикумухского и кадия Табасаранского, наконец, вольные общества: Даргинское, Акушинское, Рутульское, Сургинское и Кубачинское»¹. Из этого определения, однако, выпадали: ханство Аварское, многочисленные вольные общества Аварии и владения кумыкских князей.

О границах Дагестана в «Обзрении российских владений за Кавказом» говорилось: «Дагестаном, т. е. горною странюю, именуется вся восточная покатость Кавказских гор к Каспийскому морю, часть главного хребта и приморской равнины, ограничиваясь морем Каспийским, землями казнкумьков, аварцев, реками Самуром и Койсу»².

С. М. Броневский в состав Дагестана включал: владение шамхала Тарковского, земли акушинцев, джунгутаевцев, улма Каракайтатского, кадия Табасаранского и ханства Дербентского³. Отдельно, как особую страну, рассматривал он «Лезгистан»; причем в Лезгистан входят, по Броневскому,

¹ О. Евецкий. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835, стр. 223.

² Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Ч. IV. СПб., 1836, стр. 187.

³ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I, М., 1823, стр. 58, 294.

только земли Аварские, Казикумухские, Дидойские и Джарские¹. Поэтому Броневский писал, что «Дагестан простирается от реки Койсу вдоль по западному берегу Каспийского моря на 200 верст до реки Самура, ширина его от берега морского к горам и в самые горы от 50 до 80 верст»². Граничат с Дагестаном, по Броневскому, к северу кумыки, к западу аварцы и казикумыки, а на юге, по реке Самур, кубинцы³. В своем географическом описании Дагестана Броневский следовал С. Гмелину и преимущественно Маршал-фон-Биберштейну.

В 1831 г. в понятие Дагестан офицер-топограф Лишников включал всю территорию, начиная от правого берега Койсу до реки Куры⁴. В 1844 г. капитан Генерального штаба Вранкен писал: «Под названием Дагестана мы разумеем всю страну, заключающуюся в треугольнике, коего вершина находится при Барбало (на границе Хевсурии), а основанием служит берег Каспийского моря от гор. Баку до укрепления Низового»⁵. В это определение кроме Бакинской губернии входит весь современный Дагестан, так как укрепление «Низовое» находилось недалеко от устья р. Терек.

П. Зубов, следуя Броневскому, наоборот, название «Дагестан» приписывал только «Приморской стране, занимающей западный берег Каспийского моря на протяжении 200 верст, от устья реки Койсу до устья р. Самур и отрезанной от Северного Лезгистана, Аварии и казикумыков хребтом Кохмадагских гор»⁶. Это определение исключало всю горную часть Дагестана и владения кумыкских князей, входившие позже в состав Терской области под названием Хасав-Юртовского округа.

Штабс-капитан Генерального штаба Мочульский, составивший в 1844 г. интересное описание Дагестана под названием «Война на Кавказе и Дагестан», определяет границы Дагестана следующим образом: «От леденистых гор Барбалы и Качу в Тушетии на юго-восток тянется широкий пояс высоких гор до северной оконечности бывшей Джарской области, спадая постепенно к Каспийскому морю, от 41°50' до 43°20' северной широты и от 63°20' до 64°30' восточной долготы, что составляет 25 тыс. кв. в.»⁷.

¹ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I, М., 1823, стр. 59.

² Там же, стр. 293.

³ Там же.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 414, д. 301, л. 165.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 545, л. 6.

⁶ П. Зубов. Картина Кавказского края. Ч. III, СПб., 1835, стр. 221.

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. 2, л. 1.

Таким образом, в определении как границ, так и территории Дагестана не было единого мнения до образования в 1860 г. Дагестанской области. В Дагестанскую область входила территория от Самура до Койсу и от берега Каспийского моря вверх до гребня Главного Кавказского хребта. Длина сухопутной границы Дагестанской области составляла 700 верст, морской — 265 верст. Плоскость занимала 125 кв. миль, или 0,2 всей территории области, остальные 0,8 представляли собой чрезвычайно пересеченную горную местность, сложную систему хребтов, отличающуюся почти полным отсутствием равнин. Ровные места имелись лишь на плоскогорьях и занимали незначительное пространство¹.

Естественными границами современного Дагестана являются: с юга и запада Главный Кавказский хребет, с севера — река Кума, с востока — Каспийское море. С Дагестаном граничат: на севере и северо-западе — Ставропольский край, на западе — Чечено-Ингушская АССР, на юге и юго-западе — Грузинская и Азербайджанская ССР, на востоке от устья р. Кумы до устья р. Самур тянется берег Каспийского моря. Бывший Хасав-Юртовский округ Терской области, имевший 499543 кв. дес. площади², присоединен к Дагестану в 1921 году, а в начале 1957 г. в состав Дагестанской АССР вошли Кизлярский, Тарумовский, Крайновский, Караногойский районы и гор. Кизляр.

Территория Дагестана в настоящее время составляет 19911 км².

В географическом отношении Дагестан можно делить на 4 зоны: 1) плоскость, 2) предгорья, 3) горный Дагестан и 4) высокогорный Дагестан.

Плоскость, или Северо-Дагестанская и Приморская низменность, тянется от устья р. Кумы до устья р. Самур полосой по берегу Каспийского моря на расстоянии более 500 км; ширина ее составляет от 20 до 200 км на севере, где значительная часть равнины лежит ниже уровня открытого моря. Незаметно опускаясь к берегу Каспийского моря, она слегка повышается к западу, юго-западу и югу, приближаясь к горам. В отложенных морем песках и песчаных глинах по всей равнине обнаруживаются раковины морских моллюсков, являющиеся доказательством того, что равнина эта еще недавно была морским дном. П. С. Паллас, посетив берега Северного Каспия, писал, что «прикаспийские степи до сих пор находятся в таком состоянии, как будто они

¹ Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Жан-Шура, 1912, стр. 2.

² «Кавказский календарь» на 1902 г. Отдел III, стр. 40.

совсем недавно вышли из-под воды»¹. Советские ученые установили, что на берегах Каспия прослеживается три береговые террасы на высоте 26, 16 и 11 м над уровнем Каспия. Все это говорит о колебаниях уровня Каспия, которые продолжаются и поныне. Н. Ханьков, посвятивший Каспийскому морю специальную статью, назвал ее: «О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря»².

Вследствие падения уровня Каспия «остров Челекен превратился в полуостров, со дна моря в районе Баку появилась крепость «Караван Сарай». За последнее время Каспий потерял 32000 км² своей площади»³. За 1830 лет нашей эры амплитуда колебаний Каспийского моря достигает 7,5 метров⁴.

Н. И. Фадеева в своей диссертации «Рельеф Восточного Дагестана» указывает, что поверхность позднечувальской террасы в районе Каякента, покрытая слоем пролювия до 2 м, вышла из-под уровня моря примерно 6—8 тыс. лет назад, что дает скорость накопления на ней пролювиального покрова в 0,1—0,3 мм в год⁵.

Почвы приморской части Дагестана Н. Данилевский характеризует следующим образом: «Обратив взгляд на низменные долины Дагестана, лежащие между морем и горами, можно заметить по всему протяжению западного берега моря, что они вообще глинисты, но весьма плодородны; предгорья, соседственные с долинами, скалисты, перерезаны узкими равнинами и вообще лесисты... по краям морского берега почва песчана, но также плодородна, — что зависит от множества рек, способствующих плодородию почвы и растительной силе на тучных пастбищах. — Между р. Дарбахом и гор. Дербентом — болота... От Дербента к реке Самуру природа представляет роскошную долину»⁶.

Дагестанская плоскость имеет континентальный, сухой климат. На Терско-Сулакской равнине температура в январе —3,6°, в июле +23,5° и количество осадков — до 300 мм, а на Прикаспийской низменности в январе +1°, в июле 25°, количество осадков — до 360 мм. С северных границ до южных климат постепенно смягчается, а в южной части проявляются признаки субтропического климата.

¹ В. А. Шлямин. Каспийское море. М., 1954, стр. 9.

² «Залиски Кавказского отделения Русского географического Общества», кн. II, 1853.

³ Ш. Д. Алиев. Исторический обзор и анализ карт Каспийского моря до начала XIX в. Автореферат диссертации. 1947, стр. 2.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ Н. И. Фадеева. Рельеф Восточного Дагестана. Автореферат диссертации. 1946. Стр. 6.

⁶ Н. Данилевский. Кавказ и его жители в нынешнем их положении. М., 1846, стр. 67—68.

Ближе к морю растет полынно-соляничная, полынно-эфмерово-злаковая, полукустарниковая и солончаковая растительность. В дельте Самура — густые ольховые и дубово-грабовые леса с лианами. В дельте Терека и по берегам озер — тростниковые заросли. Ближе к предгорьям — степная растительность (полынь, типчак, ксерофитные кустарниковые заросли) с держи-деревом и рассеянные жесткие и колючие полукустарнички и травы с южными васильками, каперцы, различные виды шалфея.

Предгорье граничит с плоскостью полосой предгорных хребтов, от 20 до 40 км ширины, со средней высотой 500—600 м. Хребты эти в трех местах почти вплотную подходят к морю (у Махачкалы, у мыса Буйнак и у Дербента).

Предгорные хребты резко поднимаются крутыми склонами и тянутся дугообразной полосой от западной до южной границы, длиной около 260 км. Наибольшей ширины они достигают у Махачкалы, Буйнака и Дербента, т. е. там, где эти хребты подходят почти к морю.

Предгорный пояс представляет собой множество отдельных сводовых хребтов, идущих рядами, параллельно и друг за другом. Они вытянуты от северо-запада к юго-востоку. Между сводовыми поднятиями расположены плодородные широкие долины, низины и котловины. Склоны хребтов местами круты, местами пологи, покрыты лесами и богатой растительностью, везде легко доступны. С удалением от моря высота хребтов постепенно увеличивается до 1000—1200 м над уровнем моря.

Наивысшими хребтами предгорий являются Кукур-тау, Эльдамский куполовидный хребет (с которого берут начало р. р. Параул, Озень и Губден Озень), Таркитау (над Махачкалой, 725 м над уровнем моря, 8 км длины и 4 км ширины) и гора Джалган над Дербентом. «Дагестанские горы ближе к востоку, своей формой и свойством способствуют к производству на оных земледелия с великим успехом»¹, — писал Н. Данилевский.

Полоса предгорий довольно сухая, с жарким летом внизу и более влажным и умеренным климатом выше 500 м (температура в январе —2,5°, в июле +23°). Годовых осадков здесь более 450 мм. Северные склоны возвышающихся над предгорьями гребней имеют влажный и умеренный климат.

Горный или внутренний Дагестан представляет собой непрерывную цепь моноκлиальных известковых гребней свыше 2000 м высоты, наклонно падающих в сторону предгорий и круто вглубь гор.

¹ Н. Данилевский. Указ. соч., стр. 68.

Отдельные хребты горного Дагестана достигают 2000—2500 м высоты. Они разделяются глубокими и большей частью крутыми долинами рек. Горный Дагестан пересечен системой четырех бурных рек: Андийское Койсу, Аварское Койсу, Каракойсу и Казикумухское Койсу, собирающих свои воды в реку Сулак. В южном Дагестане протекает вторая по величине река Самур. Направление этих рек имеет колебательный тип, с продольными и поперечными участками глубоких долин. Продольные долины более широки и удобны для заселения.

В целом рельеф известковых гор внутреннего Дагестана необычайно сложный, величественный и трудно доступный.¹ Горный или иначе внутренний Дагестан «представляет как бы одну повышенную массу, изрезанную глубокими ущельями... Нет горной страны угрюмее, суровее и бесплоднее внутреннего Дагестана»¹.

В юго-западном Дагестане известковые толщи гор чередуются с рыхлыми и легче размываемыми породами, создающими местами пологие склоны, удобные для человеческих поселений, путей сообщения и возделывания полей и садов. В горном Дагестане имеются и ровные места (Хузахское плато, Гунибское плато, Арах-меэр, Турчи-Даг и др.), однако их очень мало.

Мощными массивами западного и частично среднего Дагестана являются хребты Андийский, Богосский и Чукатль, которые тянутся в высокогорную зону.

Горный Дагестан беден растительностью. Не только скалы, но и целые склоны гор лишены растительного покрова. Процесс эрозии и частые оползни постепенно лишают горы почвенного покрова. Тем не менее долины больших и малых рек и многие склоны гор пригодны для земледелия и садоводства. Северные склоны гор и различные выступы в известковых скалах используются для сенокосения.

По преданиям, нынешние склоны гор когда-то были покрыты густыми лесами. В сел. Н. Батлук Кахибского района старики рассказали нам, что вокруг этого селения был большой сосновый лес. Пользуясь прикрытием леса, богосцы (так называют жителей сел. Тижди) напали на батлукцев и уведили скот, ввиду чего весь лес был вырублен. В настоящее время лес сохранился только в отдалении от селения на довольно крутых склонах известковых хребтов, вокруг же селения нет и следов бывшего леса. Таким же образом лес был истреблен и во многих других местах горного Дагестана.

¹ Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912, стр. 2.

Выше 500—600 м над уровнем моря и до 1500—1600 м в предгорьях и на северных склонах передовых хребтов растут дубовые, дубово-грабовые и сверху буковые леса, а выше лесного пояса — кустарники.

Юго-восточная половина внутреннего или горного Дагестана по рельефу и ландшафту отличается от северо-западного Дагестана. Известняки, которыми изобилует эта часть горного Дагестана, здесь встречаются редко, большая часть местности состоит из темных глинистых сланцев с прослойками песчаника. Хребты тянутся с северо-запада к юго-востоку (Самурский хребет). Обрывистые склоны и мощные отвесные стены хребтов, а также глубокие ущелья рек здесь встречаются редко. Реки протекают в довольно широких долинах, склоны хребтов хотя местами круты, но не отвесны. Ландшафт более пригодный для человеческого поселения и обработки земли.

Весь горный Дагестан имеет умеренный, полусухой климат, сравнительно мягкую и ясную зиму и сухое, жаркое лето в долинах. На хребтах климат полувлажный, умеренно холодный (температура в январе $-2,4^{\circ}$, в июле $+17^{\circ}$, выпадают осадки от 340 до 500 мм).

Высокогорный Дагестан. Горный Дагестан переходит на западе в пояс более высоких гор с заостренными гребнями и пиками, достигающими 3500—4000 м высоты. На их вершинах вечные снега и ледники, спускающиеся языковидными выступами в долины, где берут начало ручьи и речки. Граница вечных снегов проходит на высоте 3400 м. В состав этого пояса входят две главные цепи гор: водораздельный гребень Б. Кавказа (3000—3500 м), причем Дагестану принадлежит северный склон, и Боковой хребет, распадающийся на отдельные вышеупомянутые массивы, разделенные долинами рек. Среди них мощный Богосский массив, высотой более 4000 м, с наибольшими в Дагестане ледниками.

Мощные массивы высокогорной области расположены также на юго-западе и юге Дагестана. Это Дюльти-Дагский и Такликский хребты, питающие истоки рек Самура, Казикумухского Койсу и Каракойсу. Вершина Дюльти-Дага находится на 4131 м выше уровня моря, а вершина Таклика — на 4042 м. Эти массивы образуют два отрога. Один на северо-западе разделяет реку Тленсерух от реки Хатар, его высшая точка 4100 м. Другой тянется к востоку и юго-востоку, имея ряд вершин, покрытых вечным снегом (Вираало, Нусса-даг, Алахун-даг, продолжение последнего Сурфун-ял). Мощные горные хребты расположены и на юго-востоке Дагестана, в пределах Рутульского и Ахтынского районов. Они отделяют р. Самур от ее правого притока Ахтычая, высота этой цепи достигает 4010 м. Другая цепь, Базар-Дюзц, — самая высокая

точка Дагестана, с высотой 4480 м, покрытая вечными ледниками. Между массивом Базар-Дюзи и Самуром поднимается величественная пирамида Шалбуа-дага, высотой 4150 м, с небольшим ледником на границе Дагестана и Азербайджана. На юго-востоке Дагестана расположена гора Шахдаг, высотой 4250 м.

Высокогорный Дагестан имеет холодный, влажный климат; земля за редкими исключениями непригодна для полеводства. Здесь выпадает до 800 мм осадков¹.

Высокогорная зона Дагестана представляет собой в летние месяцы прекрасные альпийские пастбища для овец. Осенью, с первой половины сентября, горы этой зоны покрываются снегом.

Огромное хозяйственное значение имеют реки Дагестана, которые используются для орошения полей и садов во всех, кроме высокогорной, зонах Дагестана. Реки Терек, Аксай, Ямансу, Ярыксу, Акташ и Сулак протекают по Терско-Сулакской низменности, на территории бывших владений кумыкских князей, ныне — территории Бабаюртовского, Хасавюртовского и Кизил-Юртовского районов Дагестанской АССР.

Река Сулак, мощная водная артерия Дагестана, собирающая воды Андийского, Аварского, Казикумухского Койсу, Каракойсу, протекает по так называемому Сулакскому каньону и на протяжении 20 км стремительно несется в необычайно глубоком и почти неприступном ущелье, прорезывая мощную стену Салатауско-Гимринского хребта.

Над Сулаком на высоту более 2 тыс. м поднимается гора Салатау с крутыми обрывами. Еще грандиознее по крутизне отвесы горы Рогдо-меэр, подымающиеся над рекой. По предгорной зоне Сулак проходит 35 км и у сел. Чир-юрта выходит на равнину, орошая территорию Присулакской низменности и впадая в Каспийское море.

В 1923 г. проведен канал от р. Сулак до г. Махачкалы. Воды этого канала орошают большие пространства пахотных земель, на протяжении около 100 км, и питают г. Махачкалу. Канал назван Каналом имени Октябрьской революции.

Река Андийское Койсу берет начало в Грузии. Ее истоками являются Пирикительская Алазань и Тушинская Алазань, сливающиеся вместе и образующие Андийское Койсу недалеко от границ Дагестана. Андийское Койсу принимает большое число притоков с горных массивов Диклос-Мта, Сабакушеви, Богосского и Андийского хребтов. От слияния Алазаней до своего впадения в Сулак Андийское Койсу имеет длину

134 км. Долина Андийского Койсу и долины его многочисленных притоков как справа, так и слева имеют места, удобные для хозяйственного использования. Андийское Койсу и многие притоки служат для орошения прибрежных садов и полей.

Река Аварское Койсу берет начало от слияния рек Джурмута и Самбирисхеви. Джурмут является ее главным источником. Его длина — 55 км. Он протекает с юго-востока к северо-западу у подножья водораздельного гребня Б. Кавказа, справа над ним поднимаются снеговые массивы Бутну-Мицер и Нукатль. Справа и слева Джурмут принимает большое число притоков.

Самбирисхеви течет с юго-запада к северо-востоку, сначала у Главного гребня, а затем вдоль Богосского хребта, также принимая много притоков. Длина Самбирисхеви — 50 км. При слиянии Джурмута и Самбирисхеви выше Андуса образуется Аварское Койсу; длина его — 110 км.

В пределах среднего течения и до впадения в Сулак воды Аварского Койсу орошали значительные площади, однако из-за глубины ущелья и крутизны берегов эти воды теперь не везде доступны. Когда ложе Аварского Койсу находилось гораздо выше теперешнего, отдельные места его долины, как справа, так и слева, были в цветущем состоянии. Ложе углублялось, вода стала недоступной для орошения и постепенные сады и пашни были заброшены. Остались только разрушенные террасы садов и развалины селений.

Река Каракойсу составляет в высокогорной сланцевой зоне две реки: Хатар и Тленсерух, берущие начало со снеговых высот Таклика и Дюльты-дага. Слева впадает в нее значительный приток Каралазул-ор, питающийся снегами и водами Нукатлинского хребта. Воды Каракойсу орошают территорию Гунибского района. У сел. Гергебиля Каракойсу впадает в Казикумухское Койсу. Длина Каракойсу 80 км. На р. Каракойсу вблизи Гергебиля построена в 1935 г. горная гидроэлектростанция, снабжающая электрическим светом ряд аулов Гунибского района, а также город Буйнакск.

Река Казикумухское Койсу берет начало с массивов Алахун-Даг и Дюльты-Даг. Казикумухское Койсу протекает по территории Лакского района и у сел. Цудахар пробивает меловые известняки и уходит вглубь узкого каньона. Далее Цудахара и до слияния с Каракойсу у сел. Гергебиля воды Казикумухского Койсу используются для орошения главным образом цудахарских, хаджал-махлинских и гергебильских садов и полей.

Общая площадь бассейна всех четырех Койсу, вместе с Сулаком, составляет 12875 кв. км, из коих 10109 кв. км

¹ Б. Ф. Добрынин, География Дагестанской АССР, Буйнакск, 1926, стр. 28.

находятся на высоте от 1000 до 3000 м над уровнем моря, а 559 кв. км — выше 3000 м¹.

Реки Шура-Озень, Манас, Инче, Уллу-чай, Дарваг-чай, Рубас и Гурген-чай орошают Прикаспийскую низменность, начиная от бывших шамхальских владений до р. Самур.

Реку Шура-Озень питает ряд ручьев, сбегających с северного склона Гимринского хребта и сливающихся в одну речку близ г. Буйнакск. Через солонцеватую котловину и через Атлыбуйонский гребень Шура-Озень прорывается на низменность у сел. Кумторкала и идя на северо-восток, постепенно иссякая и пересыхая, не доходит до Каспийского моря. Длина ее — 72 км, площадь бассейна — 1000 кв. км.

Река Манас состоит из двух речек: Параул-Озень и Губден-Озень, начинающихся в пределах горной зоны, огибающих с двух сторон Эльдамскую предгорную куполовидную возвышенность и сливающихся у сел. Карабудахкент. Длина Губден-Озень 70 км, Параул-Озень 65, Манаса 15 км. Воды как истоков Манаса, так и собственно Манаса полностью используются для орошения земель, начиная от предгорья до берегов Каспийского моря.

Река Инче впадает у мыса Буйнака в Каспийское море. Длина ее 35 км. Река Гамри-Озень впадает в Каспийское море возле сел. Каякента. Длина ее 35 км.

Река Уллу-чай состоит из двух горных речек — Бугана и Уллу-чая, сливающихся выше сел. Маджалис. Длина Уллу-чая — 88 км, а Бугана, до его впадения в Уллу-чай, — 32 км.

Река Дарваг-чай, длиной 32 км, выходит на низменность у Мамед-кала и орошает значительные площади севернее Дербента. Река Рубас протекает к югу от Дербента. Длина Рубаса — 80 км.

Самая южная часть Дагестана орошается двумя крупными реками — Гурген-чаем и Самуром.

Гурген-чай образуется двумя истоками — Чирах-чаем и Курах-чаем, берущими начало с высот Алахун-дага и Сурфун-яла и сливающихся у сел. Касумкент, образуя реку Гурген-чай. Длина Гурген-чая вместе с Курах-чаем составляет 128 км.

Река Самур с ее системой собирает воды в альпийской высокогорной зоне. Низовье Самура и его дельта образуют южный район Приморской низменности. Здесь Самур составляет границу с Азербайджаном. Истоки Самура берут начало с горных массивов Таклик, Дюльти-даг и Гудур-Даг. В Самур впадает Кара-Самур, питающийся водами гор Вираало, Нусадага и Алахун-Дага. Затем Самур протекает у южного

¹ Б. Ф. Добрынин, Указ, соч., стр. 39.

подножья горы Сурфун-яла и принимает справа значительные реки — Ахты-чай и Усук-чай, питающиеся водами Главного хребта. У впадения Ахты-чая в Самур находится сел. Ахты. Далее Самур отклоняется к северо-востоку и вступает в предгорья, а в Приморской низменности образует ряд рукавов, вливающихся в Каспийское море. Воды Самура используются для орошения Ахтынского и Докузпаринского районов.

Состояние лесных массивов в Дагестане во второй половине XIX в. характеризуется следующими приблизительными данными:

Наименование округов	Площадь лесов в десятинах	% ко всей площади округа
1. Кайтаго-Табасаранский	60315	20
2. Хасав-Юртовский	42841	8,5
3. Кюринский	34388	10,7
4. Темир-Хан-Шуринский	33329	5,8
5. Самурский	10600	3
6. Андийский	5843	1,1
7. Даргинский	2393	1,5
8. Апарский	2149	1,8
9. Казикумухский	780	0,61

Из животного мира в плоскостной части Дагестана встречаются: сайгак, степная антилопа, лисица-корсак, степной хорек, песчаный барсук, заяц, еж, орел-мопильник, орел-курганник, степной сарыч, скворец, дикий кабан, камышевый кот, шакал, полосатая гиена, медведь, волк и различная водоплавающая птица. В горах: куница, белодушка, хомяк, лиса, волк, курочка, голубь и др. В высокогорной части: медведь, волк, барс, косуля, лиса, куница, заяц, рысь, кавказский олень, коза и тур.

Географические зоны Дагестана отличаются друг от друга не только по рельефу, климату и животному миру, но и по почвам и растительности.

На плоскости почвы светлокаштановые с признаками засоленности, солопчаки, на аллювиальных грунтах — луговые, лугово-болотные и болотные, в предгорьях — светлокаштановые, темнокаштановые и черноземные, в горном и высоко-

¹ Б. Ф. Добрынин, Указ, соч., стр. 57.

горном Дагестане, в альпийской и субальпийской зоне — горно-луговые, черноземовидные и горно-лесные бурые почвы¹.

Путешественники и ученые, побывавшие в горном Дагестане, отмечали исключительную суровость этого края. «Итак, — писал В. В. Докучаев, — значит, ни о каких нормально лежащих почвах, ни в гористой части Крыма, ни в центральном Кавказе не может быть и речи; и это несмотря на то, что коренные породы здесь сравнительно очень древние, а количество метеорных осадков, вероятно, вполне достаточно для хорошей растительности. Объяснение данного явления высказано мной еще в 1878 г. Говоря тогда вообще о влиянии рельефа местности на характер почвы, я, между прочим, заметил следующее: «Когда мне лично пришлось убедиться в существовании того страшного хаоса, в каком находятся пласты земной коры в Крыму, Дагестане и Центральном Кавказе, когда мне своими глазами удалось увидеть тамешние горы обыкновенно в виде острых пиков и чрезвычайно крутых гребней и тамешние долины, являющиеся перед нами в форме узких глухих ущелий, по которым с адской силой несутся горные ручьи и реки, то нам невольно представился вопрос: где же здесь образоваться и накапливаться почвам? Пусть данные местности проживут на дневной поверхности еще столько, сколько жили, пусть на них образуется в 10—100 раз больше перегноя, чем в средней черноземной России, но все-таки ни мы, ни будущие поколения никогда не увидят здесь и следов чернозема»².

«Мало найдется, — писал А. Берже, — стран суровее и беспощаднее внутреннего Дагестана. Она вся состоит из громадных возвышенных плоскостей, реки здесь стремятся в глубокие ущелья, с шумом и ревом прокладывая себе ложе между крутыми и скалистыми берегами; ... горы скалисты и обнажены»³. В другой статье А. Берже указывал, что Дагестан — самая суровая и труднодоступная часть Кавказа⁴.

В одной записке дается следующая характеристика Дагестана: «Дагестан на всей своей поверхности пересекается в различных направлениях отрогами Кавказского хребта, большей частью скалистыми, голыми и высотой почти равными с Главным хребтом. К берегам Каспийского моря, омывающим эту страну, горы становятся ниже и покрыты лесами, фрук-

товыми деревьями и, наконец, к самому морю прилегают равнины, изобилующие произведениями жарких климатов. Многие потоки, имея начало свое от самых вершин гор, прорезывая на пути своем скалистые громады и соединяясь в две главные реки, впадают в Каспийское море. Сулак между владениями кумыкских князей и шамхала Тарковского, Самур между Кубинской провинцией и Дербентским округом»¹.

Хотя природа горного Дагестана внешне сурова, однако там больше солнца и влаги, чем на плоскости, и это дает возможность культивировать здесь все виды злаков и фруктовых деревьев, не исключая некоторых субтропических. В Губне бывает почти 300 солнечных дней в году. В Гимрах прекрасно чувствуют себя японская хурма и лимоны. При прочих равных условиях земля в горах дает не меньший, а больший урожай, чем на плоскости. Если обеспечить эту землю орошением, то многие долины гор станут цветущими садами, а если превратить богатейшую водную энергию в электрическую, то горы не будут знать недостатка воды для орошения полей и садов.

Вышеописанные физико-географические условия наложили свой отпечаток на хозяйственную специализацию горных районов Дагестана и породили своеобразные формы борьбы человека за покорение природы.

Этнический состав населения Дагестана и его территориальное размещение

Одной из отличительных особенностей Дагестана является его этническая, а наряду с тем и языковая дробность. С древнейших времен Дагестан был известен не только как «страна гор», но и как «гора языков». До 30 отдельных народностей и этнических групп, говорящих на различных языках, издавна населяли Дагестан.

Коренное население Дагестана принадлежит по языку к собственно кавказским, тюркоязычным и ираноязычным народам. Из числа народностей, говорящих на кавказских языках, выделяются пять групп: аварцы, даргинцы, лезгинцы, лакцы и табасаранцы. Языки этих народов родственны между собой. Вокруг некоторых из них группируются близкие к ним по языку, культуре и быту небольшие этнические группы, сохранившие до наших дней свои специфические особенности. Так, вокруг аварцев группируются: андийцы, ахвахцы, багулалы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, тиндалы и чамалалы (эти 8 этнографических групп составляют

¹ «Исторические сведения о бывших вольвых обществах Кубинской провинции, составляющих ныне Самурский округ». ЦГВИА, ф. ВУА, л. 18488, лл. 1—2.

¹ А. С. Солдатов. Некоторые итоги изучения почв летних пастбищ Южного Дагестана. Махачкала, 1949; его же. Почвы высокогорных районов Южного Дагестана. Махачкала, 1950; Сельское хозяйство Дагестана. Издание Академии наук СССР, 1946.

² В. В. Докучаев. Сочинения, т. III, стр. 398—399.

³ А. Берже. Прикаспийский край. «Кавказский календарь» на 1857 год, стр. 275.

⁴ «Живописная Россия» СПб М. Т. IX, 1883, стр. 73.

13648

701766 47
Дагестанский филиал
Академии наук СССР
Научная библиотека

индийскую подгруппу), далее, дидойцы, бежтинцы, хваршинцы, гинухцы и гуззебцы (составляют дидойскую подгруппу). Вокруг даргинцев группируются кайтагцы и кубачинцы, вокруг лезгин: агулы, рутулы, табасаранцы, цахуры и арчинцы, а также обитающие в пределах северного Азербайджана хиналугцы, будуги, крызы и удины. Лакцы же говорят на языке, который имеет только диалектальные различия.

К тюркоязычным дагестанским народностям принадлежат кумыки, азербайджанцы и погайцы. Наконец, ираноязычными народностями являются горские евреи и таты. Тюркоязычные и ираноязычные народы занимают почти целиком всю плодородную зону Дагестана. Большую часть Терско-Сулакской и Приморской низменностей населяют кумыки, которые граничат с севера с чеченцами, с запада с аварцами и даргинцами, с юга с табасаранцами и дербентскими азербайджанцами; на востоке их земли омываются Каспийским морем. Кумыки живут в Бабаюртовском, Хасавюртовском, Кизил-Юртовском, Буйнакском, Карабудахкентском, Каякентском и Кайтагском районах. Шесть кумыкских селений входят в Ленинский район города Махачкалы. Несколько кумыкских селений расположены на территории ЧИАССР и Северо-Осетинской АССР. В городе Дербенте и в Дербентском районе проживают азербайджанцы, таты и горские евреи, последние живут и в других городах Дагестана.

Область расселения аварской группы простирается широкой полосой от северной низменности (с. Чир-Юрт) через Хасавюртовские и Буйнакские предгорья вглубь во внутреннюю горную и альпийскую зону и через гребень Кавказского хребта до Алазанской низменности, т. е. до пределов бывшего Закатальского округа. Ширина этой полосы достигает 80 км, а длина составляет более 200 км. С аварцами граничат на севере и на востоке кумыки, на северо-западе жители ЧИАССР, на западе — жители Грузинской ССР, на юге — жители Азербайджана, на юго-востоке — лакцы и даргинцы. Аварцы населяют районы: Гергебильский, Гумбетовский, Гунибский, Казбековский, Кахибский, Тляртинский, Унцукульский, Хунзахский, Чародинский, Ботлихский, Цумадинский, Цунтинский, Ахвахский, частично Левашинский, Буйнакский и Кизилюртовский, а также одно селение Рутульского района (Кусар). В Азербайджанской ССР аварцы живут в Закатальском и Белокаганском районах.

Андейцы занимают часть южного ската Андийского хребта и бассейн р. Мундерил-Тлар (левый приток Андийского Койсу). К юго-западу от андейцев, у подножия южного ската того же Андийского хребта, в котловине и в бассейне р. Ансадирил Тлар (левый приток Андийского Койсу), живут

ботлихцы, западнее от них — годоберинцы. Напротив сел. Ботлих, на правой стороне Андийского Койсу, на западном скате Богосского хребта живут каратинцы. Южнее от них на северном скате и частично на восточном скате Богосского хребта в верховьях Ахвахской речки — правого притока Андийского Койсу — живут ахвахцы. Вверх против течения Андийского Койсу, на южном скате Андийского хребта, на левом берегу Андийского Койсу, живут чамалалы, напротив них, на северном скате Богосского хребта, на правом берегу Андийского Койсу, живут багулалы, выше их на этой же стороне Андийского Койсу живут тиндалы (богосцы).

В верховьях Андийского Койсу живут хваршинцы. На самой границе с Грузией, в долинах рек Мотмота, Илан-хевн, Кидери, Сабакунис-хевн и Орпцхали живут дидойцы. К юго-востоку от дидойцев, в бассейне рек Хван-ор и Самбирис-хевн и их притоков, в чудной котловине, где почти все горы покрыты травянистым покровом, живут бежтинцы, гинухцы и гуззебцы.

Андо-дидойские народности входят в следующие административные районы: андейцы, ботлихцы, годоберинцы — в Ботлихский район, каратинцы и ахвахцы — в Ахвахский район, часть ахвахцев (сел. Тлянуб, Цекуб и Ратлуб) — в Кахибский район. Чамалалы, багулалы, тиндалы и хваршанцы — в Цумадинский район, дидойцы, гуззебцы, гинухцы и капучинцы — в Цунтинский район. Следует указать, что за исключением территории дидойцев, на всех остальных территориях, занимаемых андо-дидойскими народностями, они живут смешанно с аварцами. Все андо-дидойцы считаются аварцами.

Таким образом, аварская группа народностей расселена главным образом по бассейнам рек и по горным массивам, разделяющим долины этих рек.

Непосредственными соседями аварцев на юго-востоке являются лакцы. Граница их с аварцами проходит по восточному склону Турчи-Дага вверх до пределов Дюльти-Дага. Лакцы занимают долины Лакского Койсу и реки Кули. На востоке с лакцами граничат даргинцы, на юге — рутулы и агулы, на юго-западе и на западе — аварцы. В 1944 году часть лакцев переселилась в предгорье бывш. Хасавюртовского округа. В настоящее время лакцы занимают 3 административных района Дагестанской АССР, а именно: Лакский, Кулинский (в горах) и Новолакский (в предгорной зоне, западнее гор. Хасавюрта).

Соседями лакцев, живущих в горах, на востоке являются даргинцы, которые занимают горную и предгорную зону Среднего Дагестана, на северо-западе с даргинцами граничат

аварцы, на юго-западе — лакцы, на юге — лезгины и табасаранцы, на северо-востоке и на востоке — кумыки и на юго-востоке — дербентские азербайджанцы, таты и горские евреи. Районами заселения даргинцев являются: Цудахарский, Левашинский, Сергокалинский, Акушинский, Дахадаевский и часть Кайтагского района. Отдельные даргинские селения имеются в смежных районах: Карабудахкентском (Губден и Гурбуки), Буйнакском (Кадар, Карамахи, Чапкурби), Агульском (Амух и Чирах) и Гунибском (Меgeb).

Табасаранцы занимают предгорную и горную часть и территорию; непосредственно примыкающую к Приморской низменности в районе сел. Мамедкала, недалеко от Дербента. Населенные пункты их расположены как в долинах рек Рубас и Карчаг-Су, так и на Табасаранских плоскогорьях, покрытых лесными массивами, изобилующими хорошими пашнями, сенокосными лугами и фруктовыми садами. Табасаранцы составляют два административных района: Табасаранский и частично Хивский.

Весь южный Дагестан от плоскостной до альпийской зоны занимают лезгины, агулы, рутулы и цахуры. Селения их расположены в долинах рек Самура, Гюль-Геричая и Ахты-чая, а также на склонах гор Самурского хребта, на юго-востоке главного гребня Кавказского хребта, на склонах гор Базардюзю и по обоим скатам Шах-дага.

Самый высокий населенный пункт в Европе — сел. Куруш (на высоте 4000 м) принадлежит лезгинам. Часть населения сел. Куруш переселилась в Хасавюртовский район, где образовала сел. Новый Куруш. Большое число лезгин живет на правом берегу р. Самур, в пределах Кубинского и Кусарского районов Аз. ССР. В административном отношении лезгины составляют Курахский, Касумкентский, Магарамкентский, Докузпаринский и Ахтынский районы, а также частично входят в Рутульский и Хивский районы Даг. АССР, Кубинский и Кусарский районы Азербайджанской ССР.

Агулы занимают восточные отроги Самурского хребта, бассейн р. Чирах-чая. Селения агулов расположены в ущельях: Агулдере, Хушандере, Курахдере и Хлюкдере. Агулы объединены в Агульский район Даг. АССР.

Рутулы и цахуры занимают долину р. Кара Самур и верховья р. Самур, а также ближайшие к ним горы, за пределами Главного Кавказского хребта. Два селения рутулов и несколько селений цахуров расположены на территории Закавказского, Кахского и Белоканского районов Азербайджанской ССР. Рутулы и цахуры объединены в Рутульский район Даг. АССР.

Описанное нами размещение коренного населения Дагестана, за незначительными исключениями, действительно и для раннего периода истории Дагестана, так как крупного перемещения населения в Дагестане не происходило. Однако медленно, но постоянно происходил процесс выхода горцев на плоскость поодиночке или целыми семьями. Из них образовались целые кварталы в плоскостных селениях или отдельные населенные пункты.

Население Дагестана, за исключением погайцев, которые в начале XIX в. кочевали по территории северной Кумыкии и шамхальства Тарковского, мы застаем оседлыми. Данные археологических раскопок свидетельствуют, что народы Дагестана имели свои постоянные населенные пункты еще до нашей эры.

Первоначальная оседлость дагестанцев сложилась, по нашему мнению, следующим образом. Сначала крупные племена заняли относительно большие географические районы (горы и ущелья в бассейнах рек). Эти территории в свою очередь разбивались на мелкие географические районы, в которых жили отдельные роды. На территории, занятой этими родами, жили, образуя отдельные населенные пункты, патриимии (тухум, тайпа, жинс), состоящие из больших семей. С течением времени, с увеличением численности населения и количества скота, появилась необходимость в дополнительных территориях, из-за чего разгорелась борьба между отдельными родами. Необходимость защиты от нападения заставляла жителей гор основывать селения в недоступных врагу местах, а также взамен мелких населенных пунктов создавать крупные селения с оборонительными и сигнальными башнями. Эти новые селения надолго сохраняют отпечаток кровнородственных связей, так как каждая родственная группа продолжает жить компактно, занимая определенный квартал и имея общую собственность. Этот процесс образования больших селений происходил в горах Дагестана не позднее XIV—XV вв. н. э.

По мере развития производительных сил и, следовательно, общественной жизни горцев, кровнородственный принцип расселения все более и более нарушался и терял свое значение. В XIX в. мы находим только пережитки этого принципа. Везде и всюду господствует территориальный принцип расселения.

Об этническом составе населения Дагестана до середины XIX в. имелись весьма скудные сведения. На карте, составленной в штабе Кавказской Армии в 1833 г., все народности Дагестана, за исключением кумыков, названы лезгинами. С 40-х годов XIX в. начали появляться в печати более или

Менее подробные описания отдельных народностей с указанием как их численности, так и их размещения. В частности, в газете «Кавказ» появился ряд статей об аварцах, казикумухцах, акушинцах и т. д. Общего описания всех народов Дагестана, однако, не было. Впервые в 1866—1867 гг. А. В. Комаров описал 28 разных народностей и групп Дагестана¹.

Установить точно, какова была численность населения Дагестана до 80—90-х гг. XIX в. не представляется возможным ввиду отсутствия каких-либо документов об учете населения. Броневский в 1810 году писал: «Нигде в Кавказе не сделано доселе ни точного исчисления дворов, ни переписи душ»². Более того, поскольку, как мы указали выше, разные авторы различно понимали территорию Дагестана, общие данные, сообщаемые ими, не отражают картины населения всего Дагестана. До присоединения к России в обществах Дагестана не было никакого учета движения населения, почему установить хотя бы дату рождения кого-либо было делом почти невозможным. Дату смерти, обычно год смерти, писали по хиджри на надмогильных памятниках.

По данным Д. Тихонова и Ф. Симоновича, в 1796 г.³ в Дагестане без собственно лезгин (жителей б. Самурского и Кюринского округов) числилось 384 тыс. душ населения³. По сведениям же Броневского в начале XIX в. в Дагестане было 147 тыс. дворов⁴.

«Владения независимых лезгин с владением аварским, — пишет Zubov, — до 150000»⁵, а в Дагестане 210 тыс. жителей. В шамхальстве Тарковского — 40 тыс. жителей, в Акушинском и Джунгутаевском обществах вместе 45 тыс., в уцмийстве Кайтагском — 65 тыс., в Табасаране — 50 тыс., в Дербенте — 10 тыс.⁶. Таким образом, по данным Zubova, всего в Дагестане, за исключением Северной Кумыкии — было 360 тыс. жителей.

Поручик Генерального Штаба Бларамберг считал, что в 1831 г. в шамхальстве Тарковском было только 4900 дворов, в Акушинском союзе — 4000 дворов, а жителей в них обоих всего-навсего 26 тыс.; в уцмийстве Кайтагском — 15 тыс. дворов и 75 тыс. жителей. У кадия Табасаранского 3200 жителей, у майсума Табасаранского 21 тыс., в гор. Дербенте 10 тыс., в Аварском ханстве — 80 тыс., в Казикумухском

ханстве — 48 тыс. жителей¹. У Бларамберга нет сведений по ханству Мехтулинскому, по всем южно-дагестанским лезгинским обществам и по Северной Кумыкии. Вообще данные о численности населения взяты Бларамбергом и другими приблизительно, по рассказам местных жителей, и далеко не точны.

По данным, опубликованным в «Сборнике сведений о кавказских горцах» за 1868 г., под властью шамхала находилось 14 селений² в составе 5310 дымов, принадлежащих кумыкам и 346 дымов кочующих ногайцев, в коих было около 30 тыс. жителей. Под властью же мехтулинских ханов находилось около 10 селений с населением до 10 тыс. душ.

По описанию Яишника Союз Семиземелья (Апльратль) состоял в 1831 г. из следующих обществ:

Именования обществ	Число населенных пунктов, входивших в общество	Число дворов
1. Джурмут	8	290
2. Тлебалаа	5	300
3. Божву	8	630
4. Ухнада	5	185
5. Андросо	10	770
6. Таш	27	1120
7. Ащух	21	1000
8. Хуанаа	14	920
Всего	98	5215 ³

По сведениям капитана Вранкена в 1843 г. даргинцы имели 20 тыс. дворов, с. Чох состояло из 800 дворов, Согратль — 900 дворов, Ругуджа — 600 дворов. В южном Табасаране было 1000 дворов, в Самурской долине — 3000 дворов, в Кюринском владении — 144 селения и 4000 дворов, в Казикумухском ханстве — 10—12 тыс. дворов⁴.

Мочульский в 1844 г. дал описание аваро-андо-дидойских обществ, в которых он насчитал приблизительно 200 тыс. жителей⁵. Наиболее крупными населенными пунктами в Аварии, по данным Мочульского, были:

¹ А. В. Комаров. Народонаселение Дагестана. — «Записки Кавказского отделения Русского географического общества», VII, 1873.

² С. Броневский, Указ. соч., стр. 57.

³ РФДНИИИЯЛ, д. 33, л. 336.

⁴ С. Броневский, Указ. соч., т. I, стр. 58.

⁵ П. Zubov. Картина Кавказского края, ч. I, СПб. 1834, стр. 139.

⁶ Там же, ч. III, СПб., 1835, стр. 240.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, ч. 6, л. 47.

² «Сборник сведений о кавказских горцах». Выпуск I, Тифлис, 1868, стр. 70.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 414, л. 301, лл. 191—198.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. I, д. 545, лл. 6—29.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8528, ч. I, л. 100.

Хунзах	800 дворов	Балаханы	300 дворов
Гоцатль	400 »	Орота	300 »
Ботлих	400 »	Глох	400 »
Ансалта	400 »	Килатль	300 »
Тинди	400 »	Батланчи	300 »
Анди	700 »	Телетль	400 »
Мехельта	700 »	Урада	500 »
Аргвани	400 »	Согратль	400 »
Чирката	300 »	Ругуджа	600 »
Аракань	500 »	Чох	400 »
Гергебиль	400 »		

Дидойцы, по сведениям того же Мочульского, имели 1080 дворов¹, а по Н. И. Воронову, в 1866 г. дидойцы жили в 36 селениях и 2 отселках, в коих было 1025 дворов и 3165 жителей обоого пола².

По отчету дербентского губернатора за 1850 г. численность населения той части Дагестана, которая входила в Дербентское губернаторство, характеризуется следующим образом:

в гор. Дербенте было 5735 м., 6297 ж.

в Дербентском уезде 24331 м., 26220 ж. (в Дербентский уезд входил тогда город Дербент, 11 селений вокруг Дербента, Табасаран и весь Кайтаг).

в Самурском округе 28502 м., 27526 ж.

в Даргинском округе 66075 м., 68022 ж.

в Кюринском ханстве 12930 м., 12170 ж.

в Казикумухском ханстве — 19500 м., 19230 ж.

в Сургинском обществе 7980 м., 7879 ж³.

В 1840 г. засулакских кумыков числилось 32800 человек, из них проживали в сел. Аксай 16000, в сел. Эндре 14000, в сел. Костек 2800 человек⁴.

А. Берже, по данным, относящимся к 1846 и частично к 1852 г., считал, что в этот период в Дагестане было около 400 тыс. душ обоого пола⁵.

По данным штаба Кавказской Армии, опубликованным Е. И. Козубским, в 1860 г. в Дагестане числилось 513265 душ

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. II, л. 48.

² Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I, Тифлис, 1868, стр. 14—22.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 7, д. 352, л. 45.

⁴ Политический обзор Кавказа за 1840 г., ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 482, д. 136, л. 89.

⁵ А. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе «Кавказский календарь» на 1858 год, стр. 271.

обоого пола¹. По камеральному описанию А. В. Комарова, в Дагестане в 1866—1867 гг. было 449534 душ обоого пола².

Более точную картину народонаселения Дагестана дают материалы посемейной переписи, относящиеся к 1886 году. Согласно данным этой переписи население Дагестана составляло 592780 человек, т. е. на 31,9% больше, чем в 1866—1867 гг. На один двор в Дагестане в 1886 г. приходилось в среднем 4,6 душ, у татов на один двор приходилось 5,4 души. В среднем на одно селение приходилось 109 дымов, а у дидойцев только 30 дымов.

Эти данные свидетельствуют о том, что в Дагестане господствовала малая семья и существовали относительно крупные населенные пункты. На 100 душ мужского пола приходилось 95 душ женского пола. Это соотношение в известной мере характеризует тяжелое положение дагестанских женщин.

Знающих русский язык из числа мужского населения в округах был 1 человек на 1000, знающих же другие языки 1 человек на 100. Это говорит о том, что существовало довольно живое общение между иноязычными народами. Лица высшим образованием в области было только 17 человек, из коих 14 жили в городах. Со средним образованием было 149 человек, из них 87 человек жило в городах. Обучавшихся в учебных заведениях 3 разряда было 160 человек, из них 103 в гордах; 4 разряда — 385, из них 182 в городах. Домашнее образование имели 2546 человек, живших в городах. Все эти люди были, главным образом, из числа русского населения³.

Здесь мы приводим таблицу, показывающую численность народов Дагестана по данным 1886 г., с указанием числа дымов, а также удельного веса каждой народности по отношению ко всему населению Дагестана.

В этом перечне отсутствуют гинухцы. Видимо, они вошли в состав капучинцев.

№ по пор.	Наименование народностей	Количество дымов	Мужчин	Женщин	Всего	%, по отношению ко всему населен.
1	Аварцы	29005	59924	59787	119711	20,20
2	Каратинцы	1897	3616	3601	7217	1,22
3	Андийцы	1964	3800	3775	7575	1,27
4	Дидойцы	1124	2507	2337	4844	0,82

¹ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области, Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 50.

² Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья, Тифлис, 1890, стр. 1.

³ Там же, стр. VIII—XIV.

№№ по пор	Наименование народностей	Количество дымов	Мужчины	Женщины	Всего	% по отношению ко всему населен.
5	Багулады	398	732	742	1474	0,25
6	Ахвахцы	838	1743	1842	3585	0,61
7	Ботаихцы	345	676	707	1383	0,24
8	Годоберинцы	203	420	467	887	0,15
9	Чамалаалыцы	1024	2000	1889	3889	0,66
10	Тиндинцы	774	1618	1644	3262	0,55
11	Хваршинцы	338	728	678	1406	0,24
12	Гунзебцы	171	423	370	793	0,13
13	Калучинцы	484	1190	1140	2330	0,39
14	Казикумухцы (лакцы)	9723	23746	24570	48316	8,15
15	Арчинцы	203	389	415	804	0,14
16	Кайтагцы	3040	7399	6957	14356	2,42
17	Кубачинцы	507	1183	1049	2232	0,37
18	Даргинцы	24670	54370	52798	107168	18,08
19	Табасаранцы	4506	14463	13204	27667	4,66
20	Агулы	1266	3581	3240	6820	1,15
21	Кюринцы (лезгинцы)	18007	54482	48806	103288	17,42
22	Рутульцы	2259	6296	5889	11985	2,02
23	Пахуры	912	2706	2459	5165	0,87
24	Азербайджанцы	2395	7236	6461	13697	2,31
25	Кумыки	13763	32056	28780	60836	10,26
26	Ногайцы	497 киб	1408	1148	2556	0,43
27	Евреи	1156	4836	4374	9210	1,55
28	Гинухцы		не указаны			
29	Таты	666	1833	1776	3609	0,61
30	Чеченцы	189	475	435	910	0,15
31	Русские	49	3276	2145	5421	0,92
32	Поляки	9	105	61	166	0,03
33	Немцы	—	23	13	36	0,01
34	Персияне	—	5079	3945	9024	1,52
35	Армяне	2	596	458	1054	0,18
36	Грузины	1	63	31	94	0,02
		122385	304978	287802	592780	100,00

Таким образом, наиболее крупными по численности и удельному весу являлись: аварцы 20%, даргинцы 18%, лезгинцы 17%, кумыки 10,26%, лакцы 8,15% и табасаранцы 4,66%¹.

Вышеприведенные данные послужили основой для этнографической карты Дагестана, составленной Е. Кондратенко².

¹ Города и округа Дагестанской области. Статистические данные о населении Закавказского края, извлеченные из посемейных списков 1886 года. Тифлис, 1893. Раздел VI.

² Кап. календарь на 1902 г. Дагестанская область, стр. 124.

В эти данные не входят кумыки б. Хасавюртовского округа, которых, по данным Л. П. Загурского, было 31519 душ обоего пола, а всех жителей б. Хасавюртовского округа Терской области — 64913 души. Всех аварцев, включая и андоцезскую группу было 194918 душ, из них в Закатальском округе 40225 душ обоего пола, даргинцев 123756 душ обоего пола, лезгин (кюринцев) 173328, из них в Елисаветпольской губ. 4211, в Бакинской губ. 41849, всех кумыков 92357 душ обоего пола, из них в Терской области 31519¹.

По переписи 1897 года территория Дагестанской области составляла 26823,7 кв. верст. Населенных мест, включая хутора, было 2311, а сельское население насчитывало 571381 душу².

По состоянию на 1910 год в Дагестане было 681589 душ обоего пола³.

Плотность населения по отдельным округам Дагестанской области на 1 кв. версту была: по Аварскому округу 31, Андийскому 18, Гунибскому 22, Даргинскому 55, Казикумухскому 40, Кайтаго-Табасаранскому 28, Кюринскому 28, Самурскому 22.

В дореволюционной историографии господствовала концепция о позднем заселении гор Восточного Кавказа, в частности Дагестана. По поручению Московского археологического общества Д. Н. Анучин в 1882 г. производил археологическое исследование в Дагестане с целью обнаружения остатков поселений каменного века, но поиски эти не увенчались успехом. Ввиду этого Д. Н. Анучин пришел к убеждению, что горный Дагестан не является местом обитания древнего человека, так как не обнаружены орудия каменного века, у жителей нет поверий о громовой стреле и, наконец, горный Дагестан не имеет лесов. «Восточный Кавказ, — заявил Д. Н. Анучин, — в частности Дагестан, был заселен уже сравнительно поздно, именно в металлическую эпоху и народами уже имевшими домашних животных»⁴.

В 1954 году археологическая экспедиция Дагестанского филиала АН СССР во главе с Р. Мунчаевым обнаружила в горах близ сел. Чох стоянку поздненеолитического времени. Стоянка располагалась под естественным навесом на берегу

¹ Кав. календарь на 1902 г., III отдел, стр. 42—43.

² Г. М. Заикин. Населенные места Дагестана. Темир-Хан-Шура, 1917, стр. IV—V.

³ Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912, стр. 6.

⁴ Труды Московского археологического общества, вып. II, за 1883 г. протоколы, стр. 44.

реки, где обнаружены кремневые орудия, характерные для позднего неолита¹.

К середине II тысячелетия до н. э. относится описание А. П. Кругловым Кая-кентское поселение, где жилища сооружались из камня и плетеники, обмазанной глиной, где основным видом хозяйства было земледелие, о чем свидетельствуют каменные зернотерки, песты, кремневые вкладыши в серпы, находки хлебных злаков в толще глиняной обмазки печи и в глине, из которой изготовлялись сосуды².

Советские археологи установили, что горы не были изолированы от плоскостной части Дагестана, что культура древних жителей гор и плоскости Дагестана была однотипна (кайкентско-хорочевская культура).

Таким образом, накопленный археологами материал позволяет положительно решить вопрос о том, что весь Дагестан был заселен еще в период каменного века.

С концепцией о позднем заселении гор Дагестана была связана другая, не менее ошибочная концепция о том, что горцы Дагестана не являются аборигенами, что они являются пришельцами, остатками различных племен, проходивших через плоскость Дагестана в начале нашей эры. Наиболее четко эту концепцию сформулировал подполковник Буцковский, который в 1812 году писал: «Жители Кавказа суть остатки истребленных народов, разбитых ополчений и отделившихся, может быть, по не согласию проходивших через те края народов»³. Правда, еще до подполковника Буцковского, в книге «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии», о жителях Кавказа говорится, что они являются остатками разных племен, что они бежавшие шайки разбойников и разных преступников⁴.

Упомянутый выше офицер Генерального Штаба Мочульский считал, что аварцы проникли с берегов Аму-Дарьи в Персию и только в VII столетии нашей эры «были высланы Ануширваном из Персии в горы Кавказа»⁵.

Полковник Абас-кули Бакиханов писал, что в отдаленные времена различные народы переходили Кавказ с юга и обрат-

но, вели войны или искали убежища. Следовательно, жители гор Кавказа, по его мнению, также являются остатками этих народов¹.

Эта в корне ошибочная концепция предполагает, что Кавказские горы даже в начале н. э. пустовали и представляли из себя нечто вроде каравансарая, куда могли заехать и остановиться заблудившиеся и оставшие представители проходивших через Кавказ племен.

Каждый дореволюционный историкограф, писавший о народах Дагестана, считал своим долгом связать жителей гор с мнимыми предками из числа гуннов, обрив, хазар и т. д. Так, например, редактор «Дербент-наме» М. Алиханов считал лакцев и аварцев остатками гуниов. Он писал: «Для объяснения этимологии слова, принявшего в русской речи форму «Кумук», надо заметить, что горцы произносят его на букву «г» с едва слышным участием буквы «н», т. е. как «Гунмукх» и что «мукх» по-лезгински означает «страна», — отсюда «гунмукх» — страна гун или гуннов. В нагорном Дагестане, — продолжает он, — рядом с гуннами-кумухами живет большое племя аваров, бывшая столица которых носит название Хулзах, т. е. «крепость хунов», гунов»².

Такой же неправильной точки зрения придерживался М. М. Коваленский, который писал, что: «Авария — это, как мы видели, целевшая на Кавказе ветвь гуннов, имела своих ханов до прихода Абу-Муслима и сохранила свою политическую независимость целых два века спустя»³.

Говоря об аварцах Абас-Кули Бакиханов отмечает, что «одно племя его (обрыв — Х.-М. Х.) находится и поныне на Кавказских горах, имел собственный язык, обычай и владетеля»⁴.

Несколько иную позицию занимает Айдемир Чиркеевский, долго работавший переводчиком П. Услара. Он объясняет топонимику гор, например, такие названия, как Гуниб, Аргунни и т. д., вовсе не пребыванием там гуннов, а тем, что на аварском языке слово «гуни» означает — куча, стог, а гора Гуниб имеет как раз такую форму⁵. Соседнюю с ним гору аварцы называют «Седлогора» из-за сходства ее с седлом.

¹ Р. Мунчаев, К вопросу о времени заселения Дагестана, «Дагестанская правда» от 16 ноября 1954 г.

² Краткие сообщения Института истории материальной культуры, XIII, 1946, стр. 131.

³ Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей сочиненное свиты ЕИВ по квартирмейстерской части подполковником Буцковским, ЦГВИА, фонд ВУА, колл. 414, л. 300, л. 88.

⁴ Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии, СПб, 1809, стр. 525.

⁵ Мочульский И., Война на Кавказе и Дагестане, ЦГВИА, фонд ВУА 6528, ч. II, л. 71.

¹ Газета «Кавказ», 1848, № 3.

² «Дербент-наме», Тифлис, 1898, стр. 56—57.

³ М. М. Коваленский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, 1890, стр. 122.

⁴ Абас-Кули Бакиханов, Гюлистан Ирам, Баку, 1926, стр. 15.

⁵ «Кавказ», 1865, №№ 64—65.

Бесспорно, что географические названия местностям и населенным пунктам дали те постоянные жители, которые там проживали.

В 1859 году появилась работа Якуб-бека Лазарева под названием «О гуннах Дагестана». Автор этой работы отмечает, что о гуннах Дагестана писали армянские летописцы еще с III в. н. э. и подчеркивает, что «эти гунны не те, которые по византийским известиям явились в 375 году с Урала и Алтая и в соединении с донскими алапами шапав на готов, подчинили их себе, а с 449 по 454 год навели ужас на Италию и Западную Европу»¹.

В данное время не вызывает также сомнений, что дагестанские горцы ничего общего не имеют с аvaraми (обрами) южнорусских степей. Авары или обры южнорусских степей — это народы уйгурского происхождения, вторгшиеся в VI веке из Азии и проникшие в Европу до теперешней Венгрии, где они основали свое самостоятельное сильное государство, а в начале IX века их могущество было сломлено франками. Они признали власть Карла Великого и после 828 г. н. э. перестали упоминаться в современных хрониках.

Концепция о неаборигенности горцев проникла и в советскую историографию. Федяевский и Мнухин в своей работе «Дагестан» писали, что имеется предположение о происхождении аварцев от гуннов, «которые, пришедши из Азии в Европу под предводительством вождя своего Атиллы, покорили почти весь юг Европы»².

П. Гидулянов, ссылаясь на работу И. И. Пантюхова «Антропологические наблюдения на Кавказе», пытался доказать, что настоящие жители Дагестана рознятся с прежними жителями его, что прежние жители были длинноголовыми, в то время, как настоящие жители являются короткоголовыми³.

Между тем И. И. Пантюхов не делал таких абсолютных выводов в отношении жителей Дагестана. Он указывал, что «основные типы на Кавказе сохранились сравнительно лучше, чем в других странах, но и здесь, как везде, кроме смешения светлоглазых с кареглазыми, существует множество и других, происшедших от смешения нескольких самостоятельных типов, промежуточных форм»⁴.

¹ «О гуннах Дагестана», из изысканий капитана Якуб-бека Лазарева, Тифлис, 1859, стр. 2.

² Федяевский и Мнухин. Дагестан. Краткий очерк географическо-историческо-социальной жизни народов Дагестана. Темир-Хан-Шура, 1921, стр. 7—8.

³ П. Гидулянов. «Этнографическое обозрение», за 1901 г. № 1, стр. 4.

⁴ И. И. Пантюхов. Антропологические наблюдения на Кавказе. Тифлис, 1883, стр. 142.

Исследования советских антропологов опровергают мнение о разнотипности населения Дагестана. Так М. С. Акимова в статье «Антропологический тип лезгин» пишет: «В результате проведенной работы установлено, что никаких монголоидных черт во всех исследованных лезгинских группах не отмечено»¹. Обследованию подверглись кюринцы, табасараны и агулы. Более того, М. С. Акимова относит лезгин «К европейскому в широком смысле слова типу»².

Антропологическое обследование аварцев производилось в Кахибском, Хунзахском и Тляртинском районах и на основании этого М. С. Акимова и М. А. Булатова пришли к выводу, что между лезгинами, табасаранцами, агулами и аварцами существует единство антропологического типа³. А данные антропологических исследований Г. Ф. Дебеца исключают монголоидность кумыков⁴.

Этническая пестрота и многоязычие Дагестана вызвали большой интерес ученых лингвистов. В первом сравнительном словаре языков мира, составленном еще в 1787 году в Петербурге, приводятся материалы по ряду дагестанских языков. Дагестанские языки исследовались Гюльденштедтом, Клапротом и Эркертотом, правда, их исследования носили глубокий характер и не дали достаточного материала, чтобы можно было разобраться в сложной и запутанной лингвистической карте Кавказа, в частности Дагестана. И. А. Гюльденштедт даже писал, что у лезгин (он имел в виду аварцев — Х.-М. Х.) имеется язык, называемый грузинами «мацларо»⁵. В действительности такого языка в природе нет. Слово «мацларо» по-аварски значит «не знаю языка». Вероятно, у аварца спросили на каком языке он говорит, аварец же, не зная о чем его спрашивают, ответил, что он не знает языка. Этот ответ был достаточен, чтобы назвать аварский язык языком «мацларо». После Гюльденштедта многие продолжали писать, что у лезгин имеется язык «мацларо».

До 60-х годов XIX века для науки о языке Кавказ представлял собой своеобразные «джунгли». Языковеды, историки, этнографы до появления работ П. К. Услара все еще продолжали разделять заявление Страбона, что в горах Кавказа

¹ Краткие сообщения Института этнографии т. XVI, 1952, стр. 70.

² Там же, стр. 73.

³ М. С. Акимова и М. А. Булатова. К антропологии аварцев. Краткие сообщения Института этнографии, т. II, 1947, стр. 26.

⁴ Г. Ф. Дебец. Доклад на сессии ИИМК и Института этнографии АН СССР об итогах экспедиционных работ по археологии и этнографии 1953 г.

⁵ Из путешествия г-на академика Гюльденштедта, СПб, 1809, стр. 118.

около трехсот языков. Они не признавали родства между языками народов Дагестана, считали их абсолютно чуждыми друг другу, так как и в науке о языке господствовало мнение, что горцы Дагестана пришельцы, что они являются осколками различных племен.

Появление монографических работ П. К. Услара по языкам народов Кавказа одновременно означало коренной перелом в оценке горско-кавказских языков, в том числе и языков народов Дагестана. П. К. Услару принадлежит заслуга открытия кавказских семей языков. Это открытие опрокинуло существовавшее ранее мнение об отсутствии родства между языками народов Кавказа, в частности Дагестана. Из 7 капитальных монографических работ о горско-кавказских языках П. К. Услара пять посвящено языкам народов Дагестана (аварскому, лакскому, даргинскому, лезгинскому и табасаранскому).

Во всех работах П. К. Услара и в работах советских языковедов подчеркивается родство языков горцев Дагестана между собой. Языковеды Дагестанского филиала АН СССР считают, что лезгинский, табасаранский, даргинский, лакский и аварский языки имели одну общую основу, а все остальные языки горцев Дагестана составляют близкие к ним группы языков.

Таким образом, имеющиеся данные науки о языке также опровергают суждения, что народы Кавказа, в частности Дагестана, являются представителями различных племен, застрявших в горах.

Однако мы не склонны думать, что горцы были совершенно изолированы и не смешивались с другими народами. Смешение бесспорно происходило и Дагестан не представлял из себя «каменный мешок».

У древних греческих и римских, арабских, армянских и грузинских писателей и географов имеются ценнейшие указания по истории народов Дагестана. Они свидетельствуют об обитании постоянных жителей Дагестана в первые века н. э. в тех же местах, которые они населяют и сейчас.

Тщательные археологические раскопки, антропологические исследования, изучение языков в свете истории их развития и обобщение всего этого материала могут пролить яркий свет на этногенез народов Дагестана.

ГЛАВА II

ПОЛЕВОДСТВО И САДОВОДСТВО

Все народы Дагестана с незапамятных времен занимались различными отраслями сельского хозяйства и разнообразными видами ремесла. По археологическим данным, относящимся к середине II тысячелетия до н. э., жители приморской равнины Дагестана занимались земледелием и скотоводством¹.

Почвенно-климатические условия Терско-Сулакской и Прикаспийской низменностей, а также предгорной зоны, благоприятствовали широкому развитию полеводства и садоводства. Согласно описаниям путешественников и других лиц, бывавших в Дагестане, основным занятием жителей плоского и предгорного Дагестана в XVIII—XIX вв. было земледелие. Они сеяли пшеницу, ячмень, кукурузу, хлопок, рис, занимались бахчеводством, виноградарством, мареноводством и шелководством.

Сельскохозяйственные работы начинались в марте. Для обработки земли применялся большой деревянный плуг с резалом и широким железным лемехом. В такой плуг обычно впрягали 8 волов или буйволов². Ввиду того, что одному, двум и даже трем крестьянам не под силу было выставлять полное тягло, односельчане объединялись в товарищества. В записке сословно-поземельной комиссии по Кайтагу говорится, что в Терекемейском участке в плуг обыкновенно впрягают 4 пары буйволов, а так как среди поселян почти нет хозяев, которые имели бы буйволов на полный плуг, то в каждом плуге участвует несколько хозяев. Упомянутый значительный

¹ А. П. Круглов. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, т. XIII, 1946, стр. 131.

² О. Евсеевский, Указ. соч., стр. 32.

ному при распашке. Урожай (в зерне) также делится пропорционально рабочему скоту, использованному при распашке¹.

При разделе общинной земли не имевшие рабочего скота получали особые участки от 5 до 10 саб земли², либо несколько дворов (обыкновенно не более 8) получали участок, равный участку, обрабатываемому одним плугом. Такие хозяева распашивали свои участки плугами, принадлежащими другим хозяевам, и за это помогали им обрабатывать и поливать их участки, либо отдавали свои участки в аренду, за что получали $\frac{1}{3}$ часть урожая³. В северной Кумыкии, чтобы получить долю при разделе земли, надо было принимать участие в очистке и ремонте оросительного канала.

Боронование производили деревянной бороной или просто волокли связки хвороста. Прополку зерновых культур, исключая кукурузу, производили редко и недоброкачественно. Кукурузу пропалывали особыми мотыгами, у которых были длинные ручки, чтобы работнику не приходилось сильно нагибаться. Хлеб жали серпами (как мужчины, так и женщины), молотили на гумне молотильными досками, а затем мололи на водяных мельницах. В записке Д. Тихонова, Ф. Симоновича и А. Сереброва, датированной 1796 г., говорится, что жители Гамринского магала имели водяные мельницы, которые могли смолоть только две четверти зерна в сутки⁴. Перевозку грузов осуществляли на арбах, колеса которых не имели железных обручей.]

На плоскости господствовали залежная, двух- и трехпольная системы земледелия. В северной Кумыкии, частично и во владениях шамхала Тарковского и в большей степени в южной части плоскостного Дагестана, применялось искусственное орошение. Обилие пашен, хорошие географические и климатические условия плоскости и предгорья давали населению этих районов возможность производить хлеб не только для себя, но и для продажи жителям некоторых горных районов, которым вследствие малоземелья и высокой плотности населения не хватало своего хлеба.

Плоскостной Дагестан имел хорошие и обширные пахотные поля. Здесь довольно широко было развито и садоводство, особенно виноградарство. И. Гербер писал о кумыках

¹ РФДНИИЯЛ, д. 1286 (132), л. 25.

² Саб земли равняется $\frac{1}{2}$ десятины, 3 сабы составляют капан.

³ Участок, на котором была посеяна марена, оставался в пользовании хозяина до выкопки марены. Марена выкапывалась на 4-й год. При новом же разделе хозяин получал земли меньше на то количество, которое было занято под марену.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18478, л. 11.

шамхальства Тарковского, что они «имеют изрядные виноградные сады, огороды, пашни и скотоводство, также собирают много хлопчатой бумаги, которая там растет в великом множестве»¹, а о жителях Нижнего Кайтага писал, что они «имеют виноградные сады, хорошие пашни... Каркайтахы питаются земледелием и скотоводством»².

Кюринское ханство в 1811 г. было обложено хлебной податью в 3000 четвертей³; в 1818 г. эта подать была увеличена до 5000 четвертей⁴. Тот же Гербер отмечал, что тавлинцы (т. е. аварцы — Х.-М. Х.) имеют виноградные сады и занимаются скотоводством⁵.

С. Броневский писал о северной Кумыкии: «Почва земли причитается к плодороднейшим на северной стороне Кавказа; и климат здесь теплее, нежели в прочих областях того же отделения, чему служат доказательством совершенное созревание винограда в садах, множество плодовых деревьев в лесах и с успехом разводимое в полях сорочинское пшено»⁶.

О развитии мареноводства в Дагестане еще в первой половине XIX в. свидетельствуют данные о вывозе ее: «Марена вывозилась ежегодно на 40 тыс. руб. серебром в Кизляр и на 65 тыс. руб. в Астрахань, большею частью из Дербента и Баки»⁷.

На плоскости преобладающими культурами были озимая пшеница и кукуруза; сеяли и другие злаки, в частности, просо, ячмень, рис, разводили виноград, выращивали хлопок⁸. Жители Кумыкской плоскости производили большое количество хлеба, который они продавали не только горцам, но и жителям Кизляра⁹.

В Кумыкии в дельте Терека еще в первой половине XIX в. существовала ирригация для поливки посевов и садов. Правда оросительные каналы имели небольшую протяженность: Сулак-Татаур — 59 в. и Юзбаш — 35 в¹⁰.

В «Обзрении Российских владений за Кавказом» содержится подробная характеристика занятий жителей Дербента.

¹ И. П. Гербер, Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и об их состояниях в 1728 г. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, СПб, 1760, стр. 33.

² Там же, стр. 108.

³ Акты Кавказской Археологической комиссии, т. V, стр. 161.

⁴ Акты, т. VI, ч. II, стр. 36.

⁵ И. П. Гербер, Указ. соч., стр. 133.

⁶ С. Броневский, Указ. соч., ч. I, стр. 190.

⁷ О. Евоцкий, Указ. соч., стр. 57.

⁸ П. Зубов, Картина Кавказского края, ч. III, СПб, 1835, стр. 183.

⁹ Акты, т. V, стр. 37.

¹⁰ П. П. Надеждин, Кавказский край, природа и люди, Тула, 1895, стр. 63.

Они занимались полеводством, садоводством, виноградарством и мареноводством, имели лошадей, ослов и крупный рогатый скот. Из зерновых культур дербентцы селили пшеницу (1000 четвертей) и ячмень (500 четвертей)¹. Своего хлеба им не хватало, так как пахотные площади сильно сократились ввиду разведения с 1807 г. по инициативе жителя Дербента Келбалая Гусейна мареновых плантаций, которые приносили их владельцам в 5—6 раз больше дохода, чем посевы зерновых культур. Марена вытеснила посевы зерновых культур и даже садоводство и виноградарство. В 1830 году корень марены было добыто около 34000 пудов.

Сторона, прилегающая к южной стене Дербентской крепости, была покрыта виноградными садами на расстоянии 4—5 верст. В Дербенте насчитывалось 860 садов. Армяне из собственного и, видимо, приобретаемого у мусульман винограда выделяли до 30000 ведер вина и до 4000 ведер водки. Из фруктов в Дербенте выращивали персики, инжир, абрикосы; селили мак для добывания опиума². Гербер отмечал, что в Дербенте находятся «изрядные сады, особенно превосходные виноградники»³. Ботаник Ландес писал, что с двух сторон Дербента на протяжении трех верст расположены виноградные и фруктовые сады⁴.

Н. Данилевский указывал, что дербентская пшеница замечательна как величиною зерен, так и обильным урожаем, что жители сеют, кроме пшеницы, рожь, ячмень, просо, табак, разные овощи, зелень, кукурузу, полбу и сорочинское пшено⁵.

Включение плоскостного Дагестана в состав России в самом начале XIX в. положительно сказалось на хозяйственной деятельности населения этой части Дагестана. Орудия сельскохозяйственных работ стали усовершенствоваться, немало улучшилась техника обработки земли и садов, расширилась сеть оросительных каналов. В связи с новыми потребностями рынка увеличилось производство зерна для продажи. Намечалась некоторая сельскохозяйственная специализация районов Дагестана по производству зерна, марены, фруктов и мяса.

Полеводством и садоводством жители горного Дагестана занимались также искусно, как и жители равнинной части

его. Концепция о заселении гор Дагестана только в эпоху бронзы и только людьми, знавшими одно лишь кочевое скотоводство, опровергнута наукой. В горах Дагестана обнаружены предметы земледельческой культуры, относящиеся к позднему неолиту.

В далеком прошлом горы Дагестана были покрыты лесами. До наших дней сохраняются названия лесов, которых сейчас нет. Из-за вырубki леса и эрозии почвы эти леса постепенно исчезли.

Мотыжное земледелие появилось в горах в глубокой древности, еще тогда, когда плоскость Дагестана занимали кочевые племена. Хотя земельная теснота и необходимость затрачивать сверхчеловеческий труд для приспособления горных склонов под пахотные участки были серьезным препятствием в развитии земледелия, все же полеводство, а в отдельных районах и садоводство, занимали первое место в хозяйственной деятельности большинства горцев и в XIX в.

Данное утверждение противоречит традиционному взгляду, согласно которому основным занятием горцев Дагестана было скотоводство. Мы исходим из того факта, что во второй половине XIX в. более 70—80% крестьянских хозяйств в исследованных нами горных округах были безовечьными. Таким образом, большинство горцев не было связано с основным видом животноводства — овцеводством. Крупный рогатый скот в горах не занимал большого места в общем балансе животноводческого хозяйства, так как требовал стойлового содержания в течение 4—5 месяцев, для чего горцы имели слишком ограниченные возможности.

Не имея крупного зернового хозяйства и обширных сенокосов, горцы не могли содержать большое количество крупного рогатого скота. Среднее по мощности хозяйство имело 2—3 горских коровы (они были мелки и малоудойны), 2—3 головы молодняка, одного вола, одного или двух ослов. Это поголовье, разумеется, не могло быть основным источником прокормления семьи из 4—5 душ.

За исключением небольшого процента хозяйств, не имевших земли, все остальные, т. е. 80—90% хозяйств горцев занимались полеводством и садоводством и доход от этих отраслей хозяйства являлся для большинства горского населения основным источником существования. Следует, однако, отметить, что земледелие не обеспечивало горца хлебом на весь год. Недостающее количество хлеба он приобретал в плоскостных районах Дагестана и за его пределами за счет реализации скромных продуктов своего животноводства и изделий ремесла, а также личного заработка на отхожих промыслах.

¹ Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. IV, СПб. 1838, стр. 170.

² Там же, стр. 176—177.

³ И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 201.

⁴ Акты, т. II, стр. 779.

⁵ Н. Данилевский, Кавказ и его жители в нынешнем их положении, М., 1846, стр. 84.

Таким образом, доходная часть бюджета среднего горца составлялась из нескольких источников, причем первое место среди них принадлежало земледелию. Другое дело бюджет кулацких и помещичьих хозяйств овцеводов, которые сосредотачивали у себя огромные количества мелкого и крупного рогатого скота, а также земель, особенно пастбищ. Для таких хозяйств доход от животноводства служил не только источником существования, но и источником накопления богатств и эксплуатации горской бедноты. Отдельные хозяйства овцеводов имели по 15—20 тысяч овец, которые пасла целая армия наемных чабанов. Для подобных хозяйств овцеводство в горах действительно являлось основным занятием.

Трудно представить себе, как любовно и аккуратно занимались горцы земледелием. Конечно, в горах имелись земельные массивы, которые легко можно было бы приспособить под пашню, но таких земель было мало. Поэтому горцам приходилось много трудиться, чтобы использовать крутые склоны гор под посевы, создавать пахотные участки в виде террас. Лишь в результате гигантского труда многих поколений в горах Дагестана появилось террасное земледелие.

Недаром у аварского народа сложились различные сказания, говорящие о земельном голоде и о том, что горцы высоко ценили свои пахотные участки. В одном из сказаний рассказывается о том, как один трудолюбивый горец, желая выиграть время и скорее закончить работу, с вечера отправился с двумя быками и сохой в поле, куда и прибыл ночью. Раскинув бурку на земле, он улегся и заснул крепким сном. На утро он легко нашел свою соху и быков, но при самом тщательном осмотре местности не мог отыскать принадлежащей ему земли. Раздосадованный тщетными поисками, горец решил ехать обратно в аул и когда с бранью поднял с земли бурку, то тогда только заметил, что именно она и прикрывала его пахотный участок.

Поэтому парадоксально звучит утверждение З. А. Никольской о том, что овцеводы, приобретая пахотные земли, превращали их «в пастбища, ибо скотоводческое хозяйство давало больше дохода»¹. Ничего подобного в горах не происходило. Пахотные земли там ценились на вес золота, а для пастбищ они не представляли никакой ценности.

В 50-х гг. XIX в. А. Берже преувеличительно писал, что «нередко случается видеть, что горец при помощи крючков и веревок, с небольшим мешком пшеницы, прикрепленным к поясу,

имея длинное ружье на привязи и кинжал, поднимается на утесистую скалу, стараясь отыскать на ней клочок пахотной земли»¹. По свидетельству Берже жители аварского ханства сеяли ячмень, овес, просо, пшеницу, лен и коноплю, из огородных — бобы и чечевичу, а фруктовые сады имелись в долине реки Койсу².

Н. Данилевский писал, что в Аварском ханстве жители часто вынуждены были приносить землю на голые скалы и, «цепляясь по оным как серны», сеять по несколько пригоршней проса³.

В этих высказываниях и преданиях состояние земледелия в горах рисуется слишком мрачными красками и трудности, с ним связанные, гиперболизированы. В Аварии нет пахотного участка, который нельзя было бы обработать при помощи горской сохи и «цепляться по скалам» не приходится. Хупзакское плато свободно можно обрабатывать трактором.

Горцы сеяли не только просо, но и пшеницу, ячмень, кукурузу и другие культуры, в том числе технические (лен, конопля).

Никто не задает себе вопроса, чем же объяснить, что горцы с древнейших времен остаются в горах и занимаются земледелием? Почему десятина земли в горах ценится в 10—15 раз дороже чем на плоскости? Как известно в горах хороший климат и от полеводства и садоводства горцы получали неплохой доход, а поэтому испокон веков занимаются ими. Некоторые горские общества производили зерно не только для собственного потребления, но и на продажу. Так, например, садоводческий аул Голотль всегда продавал кукурузу и приобретал в обмен на нее скот. Жители селений Харахи, Гергебиль, Урада и многих других селений горного Дагестана выносили зерно на рынок. Конечно, в целом для всего населения гор своего хлеба не хватало, приходилось покупать его на плоскости, в Грузии, Азербайджане и в Терской области.

И. Воронов, описывая занятия жителей ряда вольных обществ, отмечал что даже дидойцы, живущие в высокогорной части Дагестана «сеют... ячмень, пшеницу, весьма редко — бобы; при урожае зерно дает сам 15—20»⁴. Такой урожай не получали и на лучших землях плоскостного Дагестана. Броневский писал, что горцы сеют хлеб на высоких горах, где часто встречаются обработанные поля «на весьма

¹ А. Берже. Материалы для описания Нагорного Дагестана, «Кавказский календарь» на 1859 г., стр. 251.

² Там же, стр. 261.

³ Н. Данилевский, Указ, соч., стр. 87.

⁴ Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I, 1868, стр. 13.

¹ З. А. Никольская. Пережитки патриархально-родового строя у аварцев в XVIII и в начале XIX вв. «Труды Института этнографии АН СССР», Новая серия, т. XIV, «Родовое общество», М., 1951, стр. 228.

утесистых раскатах, которые обыкновенно доставляют богатые жатвы¹. Жители селения Урада, по данным Воронова, собирали урожай зерновых в количестве 12000 сабов; на одним приходилось более 40 сабов, а на одну душу в год 12 сабов, т. е. в среднем по одному фунту зерна на одну душу в день. Гидатль издавна славился в Аварии изобилием хлеба и мяса, поэтому его называли благодатным краем.

Существует следующее предание. Один из жителей сел. Телетль пошел в Гидатль. День был дождливый, и пока он дошел до Гидатля, его овчинная шуба так намочилась, что удлинилась на пол-локтя. Телетлинец решил, что Гидатль благодатный край, содействует удлинению шубы, и укоротил ее на пол-локтя! Вскоре, в жаркий солнечный день он отправился обратно, и шуба его оказалась на пол-локтя короче, чем в Гидатле. Раздосадованный телетлинец сказал: «Насколько Гидатль благодатный, настолько наш Телетль неблагодатный».

Мочульский сообщал, что в Аварии сеют голый ячмень, просо, овес, лен, коноплю, бобы и чечевицу, что там пахотные поля удобряются и до засева вспахиваются три раза. Земля ценится дорого в том случае, если она находится около воды и удобна для хлебопашества: за десятину платят до 100 руб.² Он же сообщает, что горец обыкновенно ограничивается обработкой самого малого пространства земли, редко превосходящего то количество земли, которое в России крестьянин успевает вспахать за один день³.

Яишников отмечает, что в Антльратле, в высокогорных обществах, сеют озимую рожь, ниже — в Анцухе — пшеницу; сельскохозяйственные работы начинаются там в мае и завершаются в конце августа; своего хлеба не хватает и его покупают в Кахетии и в Белокавказской области; садов и огородов не имеют⁴. И. Дубровин писал, что койсубулишцы сеяли пшеницу, ячмень и овес, а салатавны — пшеницу, кукурузу, ячмень, просо, бобы и фасоль⁵.

Горцы высоко ценили пахотные земли и обрабатывали их с большой тщательностью. Хотя техника земледелия была примитивна (пахали деревянной сохой с железным лемехом с двумя отвалами, в которую впрягали одну пару волов); горцы искусно обрабатывали свои пахотные участки. Осенью, сейчас же после снятия урожая, поднимали зябь; ранней вес-

ной, перед яровым севом, в пахотный участок вносили большое количество удобрения (навоз, золу и пр.). Участок очищался от крупных камней.

У аварцев имеется предание: один горец отдал быка, чтобы ему очистили пахотный участок от камней, но ввиду того, что участок после этого перестал давать урожай, он вынужден был отдать еще одного быка, чтобы снова забросать участок камнями. Дело же было в том, что муляч — мелкий камень, закрывая поры, способствовал сохранению влаги в почве и нужно было удалять только крупные камни.

Террасы, поврежденные ливнями, тщательно восстанавливались. Боронование не производилось — комки земли разбивались тяжелой мотыгой.

Женщины-горянки не позволяли пахотному участку зарастать сорняками и по нескольку раз в сезон делали прополку, причем выдирали руками сорную траву с корнями. Трава эта сушилась и служила кормом для крупного рогатого скота. В результате горцы в благоприятный год получали больший урожай, чем на плоскости.

Жатву производили женщины особыми серпами. Хлеб резали у самого корня. Снопья вязали и укладывали в скирды мужчины. Дети собирали колосья так тщательно, что после них трудно было найти хотя бы один колосок. Хлеб возили в аул на осле, либо женщины сами относили хлеб и укладывали его в специальный сарай (гьор), который находился около гумна, либо же устранивали из снопов под открытым небом большие скирды (гарал), но так тщательно, что дождь не проникал во внутрь и не вредил колосьям.

В отчете начальника Гунибского округа за 1890 г. говорится, что труд по обработке поля, за исключением пахоты, всецело лежит на женщине, которая «клеет поле как мать своего ребенка»; она заботится о поливе, об уничтожении сорной травы, сама убирает хлеб; она же несет урожай на себе или везет на осле на гумно. И тут только, в молотье, принимает участие глава семейства¹.

Молотьбу хлеба производили на вычищенном и утрамбованном гумне. Снопья хлеба развязывали и расстилали по гумну, образуя круг. В молотильные доски, подбитые снизу острыми кремневыми отщепами, впрягали пару волов; для тяжести на доски клали камень или становился тот, кто погонял быков по разостланному на току хлебу. Из колосьев выпадало зерно, а солома превращалась в мякину, которая служила вперемежку с сеном кормом для крупного рогатого скота, лошадей и ослов. Зерно с мякиной собирали в кучу и мужчины веяли его, подбрасывая специальной деревянной

¹ С. Броневский. Указ, соч., ч. I, стр. 278.

² Мочульский. Война на Кавказе и в Дагестане. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. II, л. 70.

³ Мочульский. Указ, соч., ч. I, л. 103.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 414, д. 300, л. 201.

⁵ И. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, стр. 499, 501, СПб, 1871.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 3.

лопатою, причем мякина отделялась и относилась ветром, а зерно падало тут же. Зерно очищали и в мешках относили домой, а мякину тщательно собирали и отвозили в сарай. День окончания молотбы и день первой борозды отмечали как народный праздник.

На низинах, где теплее, обычно сеяли кукурузу, которая подвергалась двукратной прополке, с небольшим окучиванием вокруг каждого стебля. При этом выдирали лишние стебли, чтобы растение лучше развивалось. На поливных участках кукуруза орошалась несколько раз. Благодаря тщательной обработке отдельные стебли на хорошей земле имели по 5—6 початков кукурузы.

Когда кукуруза поспевала, стебли у корня подрезывали и собирали в кучи, затем отделяли початки от стебля и коробки. Очищенные початки собирали в мешки и отвозили на ослах в аул, а стебли отвозили на места зимней стоянки скота. Кукурузные стебли рубили на мелкие куски, размером 5—6 см, и смешивая с сеном, давали животным. Початки кукурузы после лущения зерна использовались как топливо. Зерно высушивали на солнце, а затем в специальных печах. После этого его мололи на водяных мельницах, существующих в горах с незапамятных времен.

На участке, где сеют кукурузу, обычно сажают картофель и фасоль, а по краям террас — тыкву. При этом тыква вьется по стене террасы, несколько не мешая кукурузе. По краям террас сажают также фруктовые деревья, с таким расчетом, чтобы тень их не падала на кукурузный участок.

Таким образом, горцы выращивали на одном участке кукурузу, картофель, фасоль, тыкву и фрукты. В ложбинах горцы сеяли кукурузу, пшеницу, коноплю, а повыше — просо, ячмень, овес, черные бобы, лен и т. д. Широко были распространены лук, чеснок, огурцы, морковь. Капуста, помидоры и картофель проникли в Дагестан из России во второй половине XIX в.

Как в горах, так и на плоскости, земледелие часто сочеталось с садоводством, особенно у жителей речных долин, где климатические условия наиболее благоприятствовали садоводству. Горные ущелья представляли из себя естественные парники, превращенные трудолюбием горцев в цветущие сады. Там, где поспевали персики, абрикосы, тутовник, хурма и другие сорта фруктов, требующих значительного тепла, выращивали и кукурузу, которая вытеснила пшеницу из тех мест.

Кукуруза в Дагестане проникла, видимо, не ранее XVIII в. Для нее нет местного названия — ее называли сперва пшеницей, а потом стали добавлять название места, откуда она проникла. Так, аварцы называют кукурузу «цоросоротл», что значит пшеница из Цора; т. е. из Джаро-Белокан. Кумыки

называют кукурузу «хажбудай» (будай — пшеница, а хаж от слова хаджи — посетивший Мекку), т. е. пшеница, привезенная хаджем.

В Дагестане не было такого селения, которое бы занималось только садоводством, хотя было немало селений, где оно являлось основным источником дохода.

Обилием садов известны дагестанские селения Куппа и Хаджал-Махи (по данным «Кавказского календаря» реализация фруктов дала им в 1891 г. 6000 руб.)¹. Ахты, Касумкент, Гимры, Могох, Чирката, Ашильта, Игали, Ущукуль, Араканы, Гоцатль, Гологль, Ботлих, Муни, Агвали, часть селений Салатави, Кайтага, Табасарана и другие славилась качеством и разнообразием своих фруктов. В 1891 г. только в одном Аварском округе было собрано 47312 пудов фруктов из коих продано 15829 пудов на 9238 р.² В сел. Глох и Гимры из винограда давили джабу.

Генерал-адъютант Граббе писал в 1839 г., что сады аула Чирката во время осады Ахульго простирались по Койсу и по ущелью на расстоянии 10 верст: «Лезгины, — писал далее Граббе, — имеют весьма мало пашей и лугов, а поэтому почти не занимаются хлебопашеством и скотоводством. Главное занятие их в самом быту состоит в обрабатывании садов, которые не что иное, как бесчисленное множество узких террас, обложенных каменными стенами и расположенных таким образом, чтобы удобно было их орошать посредством водопроводов из ближайших речек. Террасы эти обрабатываются весьма тщательно; по бокам они усажены фруктовыми деревьями и виноградными лозами, а середина засеивается кукурузой, которая у них заменяет другие хлебные растения, так что сад здешнего лезгина дает ему достаточно хлеба и прекрасные плоды, и поэтому составляет главное его богатство... Нельзя не изумляться этими вековыми работами многих поколений, которые трудами своими превратили огромные голые скалы в пашни и сады». Относительно же садоводства аула Чиркей Граббе в том же году писал: «Я не видел пользы в разрушении богатейшего, населеннейшего и самого промышленного аула всего Дагестана, где находится до 7000 жителей, которые разрабатывают виноградные сады, занимающие до 10 кв. верст»³.

Н. Дубровин также писал, что койсубулинцы и салатавцы занимаются садоводством в местностях, прилегающих к Сулаку, что они разводят виноград, грецкий орех, курагу, виш-

¹ «Кавказский календарь» на 1893 год, стр. 149.

² Там же, стр. 150.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6361, ч. II; лл. 65, 81.

ню, а жители сел. Зуботли и Мпатля занимаются виноделием и ежегодно вырабатывают более 200 бочек вина¹.

Можно предполагать, что в предгорных зонах Дагестана садоводство в древности было еще больше развито, чем в рассматриваемый нами период. Это доказывается существованием лесосадов по полосе, которая тянется вплоть до берегов Черного моря. Так, Н. Дубровин, касаясь Салатавии, писал: «Сосна и виноград, береза и грецкий орех, рябина и тутовое дерево, огромные дубы, чинары, липа, осина и персики — все это составляет принадлежность лесной породы Салатавий»². Изумительные лесосады Кайтаго-Табасаранского округа являются подтверждением вышесказанного.

Готлиб Шобер, касаясь предгорных лесосадов, в 1717 г. писал, что они наполнены «изрядными овощными деревьями, яблонями, грушами, кизилем, миспельми, абрикосами, персиками, шелковыми деревьями и лесным виноградом. В садах растет виноград, ягоды которого имеют до двух дюймов длины, прозрачны и почти без косточек. Вино из этого винограда едва уступает венгерскому, а когда старо походит на португальское»³.

В садах Дагестана произрастали айва, яблоня, груша, персик, абрикос, слива, хурма, миндаль, тут, грецкий орех, вишня, черешня и пр. На плоскости разводили главным образом виноград. Кусты его опирались на таркалы, на зиму их закапывали в землю. В горах виноград вьется по ветвям других деревьев, подобно хмелю, и никогда не закапывается.

Продукты садоводства и виноградарства для большинства селений плоскостного и горного Дагестана служили не только для личного потребления, но и для продажи. Товарную продукцию давали специализированные садоводческие и виноградарские селения, которых в Дагестане было немалое количество. Один Кайтаго-Табасаранский округ в 1900 г. имел 2826 садов и 473 виноградника; урожай фруктов составил 350000 пудов; было выкурено 17456 ведер вина⁴.

Разумеется, земледелие и садоводство не могло обходиться без искусственного орошения, так как в Дагестане не везде выпадает достаточное количество осадков и часто дуют восточные суховеи.

¹ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 499.

² Там же.

³ Г. Шобер. Описание теплиц святого Петра, при реке Терки находящихся, «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», 1780, сентябрь, стр. 380.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 102, л. 155.

Плоскость Дагестана, изрезанную множеством рек, можно было бы оросить почти всю, однако большая часть площадей не орошалась. Ирригация была развита в южном Дагестане и на территории северной Кумыкии, где феодалы извлекали для себя из ирригации большую выгоду, принимая подати за разрешение пользоваться водой. Многие оросительные каналы северной Кумыкии были проведены после присоединения этой территории к России. От Терека был проведен канал длиной 160 км (канал этот назывался «войсковым»). Канал «Теречный юзбаш» был проведен от сел. Ново-Терки до Аграханского залива на расстоянии 43 км. Шабуро-Вартазаровский канал тянулся от Сулака до Акташа на 120 км, Юзбашский — на 35 км, Султан-Янги-Юртовский — на 16 км, Ханский канал в Дербенте, проведенный еще в XVII в. — на 27 км, Мутергинский (от Самура) — на 21 км. В бывшем Хасавюртовском округе Терской области до революции орошалось более 50000 десятин земли. В Дагестанской области в старых границах, т. е. не считая Хасавюртовского округа, существовало более 200 оросительных каналов, длиной около 900 верст, которые орошали до 80000 десятин земли¹.

Горцы строили водопроводы по таким скалам и оврагам, что и в наше время удивляешься их мастерству. По высоким, крутым и отвесным скалам они перекидывали деревянные жолобы, по которым текла, отведенная в верховьях рек, вода. Она бросала пашни и сады, расположенные по бокам глубоких речных каньонов. «В Дагестане вода проведена, — писал Надеждин, — не в долины только, — случается видеть отводы воды еще высоко в горах. Нередко туземец ведет воду с одной высоты на другую, даже через целое ущелье, в деревянных жолобах, почти всящих на воздухе, на тонких и высоких подставках, иногда же ведет воду под землей в трубах»².

Горцы добывали воду для орошения не только путем отвода ее из рек и каптажа источников, но и путем создания у подножий гор, состоящих из мягких пород, горизонтальных колодцев. В сел. Могох, в местности Тляни, имеется такой и поныне действующий колодец. В тоннель колодца можно войти стоя, на расстоянии 5—6 метров от начала колодца имеется бассейн воды, которая по маленькому открытому каналу вытекает наружу. «Лезгины имеют, — писал Добрынин, — старинные навыки по поливному земледелию; они искусные мастера, поскольку позволяют их технические средства по проведению каналов, жолобов и др. приспособлений

¹ «Кавказский календарь» на 1893 год, статья «Дагестанская область», стр. 145—146.

² П. П. Надеждин. Указ. соч., стр. 63.

для орошения»¹. На территории ряда горных аулов обнаружены подземные водопроводы с использованием гончарных труб.

Для полноты картины деятельности жителей Дагестана в области полеводства и садоводства приведем некоторые данные о количестве пахотных земель и садов по бывшим округам Дагестанской области. Оговариваемся, что точного учета их не существовало. Площадь пахотной земли определялась количеством мерок засеваемого зерна, однако сами эти мерки не были одинаковыми для всех округов. Площадь садов определялась числом корзины собираемых плодов. Таким образом, приводимые ниже данные являются сугубо ориентировочными, приблизительными:

В 90-х гг. XIX в. в Темир-Хан-Шурином округе было 68354 десятины пахотной земли и 908 десятин садов. В среднем на 1 дым приходилось 3,7 дес. земли. В Даргинском округе было 10196 дес. пахотной земли и только 40 дес. под садами. В среднем на один дым приходилось 2,4 дес. всех земель, в том числе и пастбищ. В Аварском округе всех земель было 186294 дес., сады давали 39700 пудов фруктов. Если взять только пахотные земли и разделить на число дымов, то на 1 дым придется в среднем до 1 десятины. Площадь поливных участков в округе составляла 3200 дес., орошаемых 86 каналами, длиной до 50 верст.

В Андийском округе пахотной земли было только 7100 дес., в среднем 0,5 дес. на дым. В Гунибском округе на один дым приходилось в среднем 4,3 дес. всех земель; 32 оросительных канала длиной 180 верст здесь орошали 8.750 дес.; под садами было только 73 десятины. В Казикумухском округе на один дым приходилось в среднем 4,8 дес. всех земель, из коих пахотных — 0,6 дес., покосных — 0,4 дес.; садов не имелось.

В Кайтаго-Табасаранском округе на один дым приходилось в среднем 7,6 дес. всех земель, под садами было 2.475 дес. Всего оросительных каналов было 139 верст; они орошали 13580 десятин. В Кюринском округе на один дым приходилось в среднем 4,8 дес. всех земель, под садами было 390 дес., оросительные каналы длиной 150 верст орошали 13375 дес. земли. В Самурском округе на один дым приходилось в среднем 20,8 дес. всех земель, площадь орошаемой земли составляла 4100 дес., а длина оросительных каналов — 70 верст.

Следует указать, что данные о количестве земель Аварского и Самурского округов резко преувеличены.

¹ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926, стр. 88.

По всему Дагестану на один дым приходилось в среднем 1 дес. пахотной земли¹, а по горным округам — много меньше. В 1891 г. на одну душу в среднем приходилось хлеба:

В Темир-Хан-Шурином округе	— 0,57	четвертей
В Даргинском	— 0,14	»
В Аварском	— 0,24	»
В Андийском	— 0,33	»
В Гунибском	— 0,70	»
В Казикумухском	— 0,40	»
В Кайтаго-Табасаранском	— 0,46	»
В Кюринском	— 1,64	»
В Самурском	— 0,11	»

По всему Дагестану на 1 душу приходилось в среднем 0,54 четверти, т. е. около четырех пудов всех видов хлеба².

Характерно, что на душу населения плоскостного Темир-Хан-Шурином округа приходилось 0,54 четверти хлеба, в то время как в горном Гунибском округе приходилось 0,70 четверти хлеба.

Если учесть, что большое число крестьян было безземельным, либо малоземельным, то станет ясно, что одно земледелие физически не могло обеспечить существование трудящихся Дагестана. При этом нужно помнить, что средние данные характеризуют только общую картину, не вскрывая глубокого социального неравенства разных классов.

¹ «Кавказский календарь» на 1893 год, стр. 147.

² Там же, на 1893 год, стр. 153.

ГЛАВА III животноводство

Вторым важным и старинным занятием жителей Дагестана было животноводство.

Жители плоскостной и предгорной зоны Дагестана занимались разведением преимущественно крупного рогатого скота (быков и коров, буйволов и буйволиц), а жители горной зоны предпочитали заниматься овцеводством, однако не игнорировали и разведения крупного рогатого скота. Жители отдельных горных обществ имели большое количество и крупного рогатого скота. Во всех зонах содержали лошадей для верховой езды, а в горах разводили мулов и ослов, как выючных животных. Во всех зонах имели домашнюю птицу, в горах — кур, а на плоскости — кур, уток, гусей и индеек.

Крупный рогатый скот плоскостного Дагестана отличался от горного своей большей величиной и продуктивностью. Преимущество горного скота заключалось в его выносливости и неприхотливости к кормам, что важно в горных условиях, где скоту приходится карабкаться по крутым склонам гор и нет возможности обеспечить его достаточным количеством кормов в зимний период, продолжающийся в горах 4—5 месяцев. Продуктивность горного скота была низка, горская корова давала только 300—400 литров молока за лактационный период.

Имея прекрасные присельные пастбища и хорошие поливные сенокосы, жители плоскости и предгорья могли содержать немалое количество крупного рогатого скота. Зимой их скот находился в хуторах или в селениях и был обеспечен сеном, соломой и кукурузными стеблями, нередко и зернофуражом. С весны до глубокой осени скот содержался на подножном корму на присельных пастбищах. По обычаю кумыков любое общество имело право использовать пастбища, принадлежащие на праве частной собственности феодалам, если эти пастбища находились вблизи населенного пункта.

Та. Это право сохранялось за обществом от появления звезды Чилля (февраль) до появления звезды Турлу (август)¹.

Горные общества Дагестана имели хорошие летние пастбища, что необходимо для овцеводства, но не имели, за редкими исключениями, зимних пастбищ. Жители гор еще могли кое-как заготовить небольшие запасы кормов для крупного рогатого скота, который в зимний период находился на стойловом содержании, но не могли обеспечить кормами на зиму большое количество овец. В силу этого в горах выработалась отгонная система животноводства.

Отгонная система животноводства заключалась в следующем. В конце сентября овцы и козы, а иногда и крупный рогатый скот перегонялись на зимние пастбища, расположенные на Терско-Сулакской и Приморской низменностях Дагестана, а также на равнины Азербайджана и Грузии. Овцы жителей южного Дагестана спускались с гор на зимние пастбища Азербайджана. Овцы дидойцев и антыратльцев спускались на Прикавказские равнины. Овцы андийцев, гумбетовцев и салатавцев зимовали на кутанах Терско-Сулакской низменности, овцы лакцев, даргинцев и ряда обществ аварцев перегонялись на зимние пастбища Приморской низменности Дагестана. В перегоне овец весной в горы на альпийские пастбища, а осенью на зимние пастбища и заключается отгонная система овцеводства.

Эта система была сопряжена с рядом трудностей. Надо было арендовать зимние пастбища, причем главным образом у феодалов, которые старались получить с овцеводов возможно более высокую арендную плату. На случай суровой зимы надо было заготовить корма и иметь кошары для овец, что обходилось дорого. В период окота, стрижки и дойки надо было иметь на зимовке большое число людей. Поскольку каждый, кто имел 50—200 овец, не мог самостоятельно нести все расходы, связанные с арендой зимних пастбищ и проведенным зимовки, несколько хозяйств (обычно 10—15) составляли «кош» и все расходы распределяли между собой пропорционально количеству овец. Подобный порядок, видимо, существовал длительное время. Об этом свидетельствуют нормы адата, по которым один из членов коша выбирался удаманом, которому подчинялись все чабаны.

Ко второй половине XIX в. из орды овцеводов выделяются наиболее крупные овцеводы, которые сосредоточивают у себя основное поголовье овец и коз. Эти хозяйства приобретают летние и зимние пастбища и ставят мелкие овцеводческие хозяйства в зависимое от себя положение. Мелкие овце-

¹ Выписка из решения Дагестанского областного народного суда, дело № 109 за 1883 г. ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, опись 4; д. 3, л. 2.

воды вынуждены были на кабалыных условиях кочевать со своими отарами в кошье крупных овцеводов. В конечном счете это приводило к тому, что крестьянин, имевший небольшое количество овец, со временем становился чабаном крупного овцевода, либо окончательно разорялся. Были и такие хозяйства, которые имели небольшое количество овец и с трудом выращивали их в горах.

О заботах и выгодах, связанных с овцеводством, говорит ряд аварских поговорок: «Кто хочет работы, пусть построит мельницу, кто хочет заботы, пусть заведет стадо овец». «Когда стада соединяются, собаки дерутся, а когда стада выделяются, пастухи дерутся». «У кого нет овечьего стада, у того мяса мало, у кого нет осла, у того дров мало». «Не покупай горы, не имеющей равнины, не покупай кутана, не имеющего горы». «То, что обвилком уничтожено стадо, — это воля божья, но дряпненскую вину следует зачестить также пастуху».

Содержание крупного рогатого скота в горах резко отличалось от содержания овец и коз. Крупный рогатый скот за редким исключением зимой оставался в горах и находился на стойловом содержании. Хотя уход за скотом считался женской работой, мужчины принимали в ней участие, особенно тогда, когда скот находился на хуторе, а не в ауле. На хуторах скот оставался на ночь без всякой охраны. Один из членов семьи ежедневно ходил на хутор, чтобы кормить и поить скот, а вечером возвращался в аул.

Накануне весны каждое сельское общество подбирало общественных пастухов отдельно для каждого стада. Наем пастуха оформлялся на джамаате, что не было принято при найме чабана. Наем чабанов считался частным делом тех, кто имел овец, — они сами могли нанять чабана сообща или индивидуально. Это объясняется тем, что овцеводство интересовало абсолютное меньшинство членов джамаата, только ту его часть, которая имела овец.

Из волов и бычков составляли особое стадо, которое в мае переводилось на летние пастбища и оставалось там до осени.

Второе стадо составлялось из молочного скота. Утром, после доения, пастух ждал, пока все жители не выгонят коров, потом гнал их на присельное пастбище, а вечером пригонял обратно. Вечером коровам давали немного зеленой травы, которую приносила домой каждая женщина, возвращаясь с полевых работ. Коровы доились только два раза в день, вечером и утром.

У многих селений присельные пастбища расположены далеко от селений и ежедневный перегон молочного скота на

пастбище и обратно в аул весьма отрицательно отражался на его продуктивности. Жители отдельных обществ несной перегоняли молочный скот на горные пастбища и держали его там до осени. В этом случае пастуха не нанимали, а семья, каждая в отдельности или объединившись в группы, находилась на летних пастбищах и занималась переработкой молока на масло, сыр и творог. Доить коров мужчины считалось позором, поэтому на пастбищах за молочным скотом ухаживали женщины и дети.

Третье стадо составлялось из яловых коров и теленков. Стадо это оставалось на пастбищах и только вечером загонялось в загороженные места — рор.

Телята и ослы составляли четвертое стадо. Для них отдельного пастуха, за редкими исключениями, не нанимали, а каждый дом по очереди выделял человека, который отгонял их на присельные пастбища и вечером пригонял в аул.

Из коровьего молока горцы, за исключением келебцев и богосцев, сбивали масло. Молоко в широких гончарных сосудах отстаивалось до тех пор, пока не образовывалась сметана. Затем сметана снималась в специальные маслябойные гончарные кувшины. Через день или два масло перетапливалось. Из снятого молока делали творог, для чего кислое молоко слегка нагревалось, а из творога делали круглые комки, которые засаливали впрок. На сыворотке варили мамалыгу, сыворотку пили также как бульон с хинкалом.

Из овечьего молока обычно делали брынзу. Доением, стрижкой овец и переработкой овечьего молока в брынзу занимались исключительно женщины.

Об отгонном характере овцеводства в горах Дагестана писали многие русские этнографы, историки и военные специалисты. Так Гербер отмечал, что якушинцы и тавлинцы пригоняют около 100 000 овец на пастбища Нижнего Кайтага, «за что платят пошлину»¹. Он указывал, что лезгинцы Самурской долины имеют скот, который они меняют в Кубе на хлеб². Как видно из договора 1812 г., жители Самурской долины перегоняли на территорию быв. Кубинского ханства 55 000 овец³.

Имеется ряд свидетельств о том, что на плоскости также разводилось большое количество крупного и мелкого рогатого скота. Броневский указывал, что скота и овец у кумыков в изобилии⁴. Евецкий писал, что каракайтаги, якушинцы и джунгутаевцы приходят со своими стадами во владения

¹ И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 108.

² Там же, стр. 110.

³ ЦГИА Груз. ССР. ф. 416, оп. 1, д. 471, лл. 3—4.

⁴ С. Броневский. Указ. соч. ч. II, стр. 200.

шамхала Тарковского, рутульцы перегоняют скот в Кубинскую провинцию, а сургинцы — в Дербентскую¹. Генерал Граббе писал в 1839 г., что жители сел. Чиркей имели 150 000 овец, из числа которых он в виде контрибуции взял 40 000 голов².

По описанию Янишикова, в 1831 г. богатые двory Англи-ратля имели от 8 до 10 коров и от 3 до 4 лошадей. Однако главное место у них занимали овцы, которые на зиму перегонялись в Кахетию³.

По данным Н. Воронова, общества Тлейсерух и Мукратль, насчитывавшие 4000 человек, имели 112 000 овец, что составляет в среднем на душу 28 голов⁴. Понятно, что такое количество овец зимой невозможно было содержать в горах.

В сел. Гидатль, по описанию того же Воронова, было около 10 000 голов крупного рогатого скота, на каждый двор приходилось по 5 голов крупного рогатого скота; в сел. Урада на каждый двор приходилось по 8 овец.

Однако эти средние данные могут служить только показателем общего количества скота. Основным собственником овец являлась богатая узденская верхушка.

Какое огромное значение для овцеводов имел перегон скота на зимние пастбища видно из того, что в начале XIX в. предлагалось в качестве меры борьбы с непокорными обществами запретить им перегонять скот на плоскость⁵, или же захватить их овцепоголовье, находившееся на зимних пастбищах. Речь, в частности, шла об овцепоголовьи чанки Алибека из Хунзаха, которое паслось на кутанах князя Темирзова⁶.

По свидетельству Бларамберга андийцы, апсалтинцы и салатавцы также занимались животноводством⁷. В 1812 г. подполковник по квартирмейстерской части Буцковский писал, что андийцы имеют множество овец с отличной шерстью, что ботлихам основные средства для существования дает овцеводство⁸. Однако Ботлих известен в Дагестане и как селение, где сильно развито садоводство.

По свидетельству Мочульского богатые двory ратлубцев, келебцев, ратлу-ахвахцев в 1844 г. имели более 300 овец⁹.

¹ О. Евецкий, Указ. соч., стр. 55.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6361, ч. II, л. 82.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 414 (301), л. 201.

⁴ Н. И. Воронов, Указ. соч., стр. 29.

⁵ Акты, т. III, стр. 370.

⁶ Акты, т. II, стр. 773.

⁷ ЦГВИА ф. ВУА, д. 18502, лл. 11—116.

⁸ Подполковник Буцковский, Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии. ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 414, д. 300, л. 65.

⁹ Мочульский, Указ. соч., ч. II, л. 48.

В 1868 г. Н. Воронов указывал, что богатые телетлинцы имеют по 10 голов крупного рогатого скота и 300 овец¹.

П. Ф. Сви́дерский, работавший в 70-х годах окружным врачом в Маджалисе, писал, что южные кумыки разводят буйволов, которые высоко ценятся (один буйвол стоил 100 руб.)².

По данным «Кавказского календаря» на 1898 год в Дагестане было 2 046 457 голов скота на 125 046 дымов. На один дым приходилось:

лошадей	— 0,37
ослов и мулов	— 0,26
крупного рогатого скота	— 2,56
овец и коз	— 13,23

Если считать, что в то время одна лошадь стоила в среднем 30 руб., осел 10 руб., корова или бык — 20 руб. и баран — 3 руб., то стоимость всего поголовья скота Дагестанской области составляла 13 млн. рублей.

Поголовье скота в Дагестанской области с 1891 по 1910 г. оставалось почти стабильным. Об этом говорят следующие данные о количестве скота за ряд лет:

Вид скота	1891	1902	1910
Лошади	45854	44541	37972
Ослы	31902	36502	59155
Мулы	752	—	1011
Быки и коровы	291359	289359	323338
Буйволы и буйволицы	24504	16112	28497
Овцы	1486237	1480142	1684296
Козы	168706	207585	184014
Всего	2049314	2074241	2318283

Из отчета податного инспектора Кюринского участка, в состав которого входили Кюринский и Самурский округа, видно, что в 1907 г. в этих двух округах было 400 000 овец, от которых получено 60 000 пудов шерсти. В частности, в отдельных селениях Самурского округа по его данным было овец и коз (в тысячах):

¹ Н. Воронов, Из путешествия по Дагестану. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 3, 1870, отд. 3, стр. 5.

² П. Ф. Сви́дерский, О горах Дагестана. Петровск. 1903, стр. 19.

³ Для составления таблицы нами использованы данные статьи «Дагестанская область» в «Кавказском календаре» на 1893 г., стр. 152; Экономическая справка Карганова и Даидбекова, СПб. 1902; Обзоры Дагестанской области за 1910 и 1915 гг., изданные в Темир-Хан-Шуре в 1911 и 1916 гг.

Куруш	— 90	Сумугуль и Шилаз	— 20
Ихрек	— 30	Фий	— 155
Рутул	— 22,5		

«В перечисленных здесь селениях, — писал податный инспектор, — овцеводство получило подвornee развитие и в одном только сел. Куруш, в котором очень редко можно встретить двор, не имеющий нескольких голов овец, а в остальных селениях овцеводство находится в руках нескольких очень богатых кулаков, которые скупают как зимние, так и летние выпасы и часто в таком количестве, что перепродают их другим не без выгоды для себя. Односельчане же у них служат только пастухами»¹.

Нет никаких данных, характеризующих экономику животноводства по Дагестанской области в целом. Отрывочные материалы по отдельным округам далеко не точны и не дают полной картины доходов и расходов животноводческого хозяйства. Однако некоторые данные по Аварскому округу за 1891 г. могут дать приблизительное представление о доходности животноводства. Так, в 1891 г. было продано скота 5 863 голов на 26 833 руб. и куплено 2 338 голов на 11 033 руб. Приплод всего скота составил 35 669 голов, пало 21 749 голов. Продано шкур на 4022 руб. Шерсти собрано 2257 пудов, продано из этого количества 1352 пуда на 7825 руб. по цене 4 руб. и дороже за пуд. Насушено мяса 3725 пудов, из этого количества продано 176 пудов за 891 руб. (от 5 руб. 80 коп. до 6 руб. за пуд). В сыром виде продано мяса 838 пудов за 1676 руб. по цене 2 руб. за пуд. Таким образом, продано скота на 26 833 руб., добыто разных продуктов на 38 600 руб. и получено чистого приплода 13 920 голов².

Не имея данных о расходах по содержанию, кормлению скота и уходу за ним, нельзя выявить степень рентабельности животноводческого хозяйства в Дагестане, однако можно безошибочно сказать, что овцеводство давало крупным собственникам большие доходы. Гоцинский из Гоцо и Парзуллаевы из Чиркея имели по 15—30 тыс. голов овец. Зимние пастбища и большая часть летних принадлежали крупным овцеводам. Сосредоточение скота и пастбищ в руках крупных овцеводов в основном происходило во второй половине XIX в. и особенно в 90-х годах.

Изучение материалов посемейной переписи 1886 г. показывает, что большая часть трудового крестьянства нагорного Дагестана не была связана с основным видом горского животноводства — овцеводством. По данным переписи 1886 г.

из 2927 хозяйств Кураxского наибства Кюринского округа 63,3% хозяйств не имели ни овец, ни коз, 22,4% хозяйств не имели крупного рогатого скота, а безземельные хозяйства составляли только 8,7%. Из 3935 хозяйств Уркарахского наибства Кайтаго-Табасаранского округа 83,2% хозяйств не имели овец и 26,6% хозяйств не имели крупного рогатого скота.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. показывает, что в Дагестане в земледелии было занято 436 084 души населения, в то время как в животноводстве было занято только 14 793 души³.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. из 7359 хозяйств Аварского округа 73,3% хозяйств были безовечными⁴. Из 4860 хозяйств разных горных округов, выборочно изученных Г. Г. Гусейновым по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г., 81,7% хозяйства оказались безовечными⁵. Даже по статистическим данным 1926 г., когда происходил процесс увеличения середняцкой прослойки крестьянства, из 152 000 крестьянских хозяйств Дагестана (более 100 000 хозяйств находилось в горной части Дагестана) 107 000 хозяйств или 70,4% всех хозяйств не имели овец⁶.

По данным переписи 1897 г., по найму в сельском хозяйстве работало около 15 000 человек. Наемная сила применялась главным образом в хозяйствах крупных овцеводов; около 30 000 человек занимались ремеслом, все остальное сельское население было занято в земледелии и садоводстве. Что касается отходников, то в своем большинстве они в сезон сельскохозяйственных работ возвращались домой. Таким образом, в земледелии и садоводстве не принимало участие только 45 тыс. человек из 250—300 тыс. взрослого населения Дагестана. Можно ли после этого серьезно говорить, что в горной зоне Дагестана земледелие и садоводство играло для трудящихся второстепенную роль? Мы считаем, что нет. Основным занятием следует считать занятие подавляющего большинства населения, а таковым было в горах земледелие и садоводство.

¹ Другое дело высокогорная зона, где жители преимущественно занимались овцеводством.

¹ Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Дагестанская область, 1905, стр. 130.

² Х.-М. Жашаев, Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954, стр. 39.

³ Г. Г. Гусейнов, Национализация земли в Дагестанской АССР. Кандидатская диссертация, 1952 г.

⁴ Г. Г. Османов, Подготовка массового колхозного движения в Дагестане. Кандидатская диссертация, 1954 г., стр. 51.

¹ Отчет Кюринского податного инспектора за 1907 г. ЦГА ДАССР, ф. 79, оп. I, д. 3, лл. 72—73.

² «Кавказский крайсидарь» на 1893 г., стр. 152—153.

Горные округа — Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский и Самурский — в 1915 г. дали 3 732 288 пудов зерна, что составляет в среднем на 1 душу населения 9,8 пуда, не считая овощных и бобовых культур, а также доходов от садоводства¹.

Характерно, что в некоторых горных округах урожайность была выше, чем в округах плоскостного Дагестана. Так, например, в Аварском округе в 1901 г. урожайность зерновых культур была сам 5,8, а в Темир-Хан-Шуриинском округе — только сам 3,4², в 1907 г. урожайность в Аварском округе была сам 4,99, а в Темир-Хан-Шуриинском — сам 4,12³.

По сведениям, которые приводит Воронов в 1867 г., жители Куядинского кантона Гунибского округа в среднем на одну душу населения получили 8,5 сабов продовольственного зерна⁴.

Горцы высоко ценили пахотные участки, так как видели в них важный источник своего существования. В «Кавказском календаре» на 1886 г. о пахотных землях горной части Дагестана говорится, что в горах пахотных «земель вообще мало, в особенности в нагорной полосе области, где каждый сколько-нибудь удобный кусок обрабатывается тщательно и где ценность земли годной для садов и распахки доходит до 1200 руб. за десятину. Население очень любит богатство в виде земли и недвижимого имущества вообще»⁵.

Для жителей многих крупных населенных пунктов горного Дагестана, расположенных по долинам рек, садоводство имело огромное значение. В 1915 г. сообщалось, что все селения нагорного Дагестана, расположенные по берегам Аварского, Андийского, Гунибского и Казикумухского Койсу, занимаются главным образом садоводством и оно служит главнейшей доходной статьей населения⁶.

В ежегодных обзорах Дагестанской области отмечалось интенсивное использование горцами имеющихся у них пахотных земель. «Населенные пункты..., в которых развито садоводство, — говорится в обзоре за 1901 г., — большей частью расположены на крутых скатах ущелий, значительно выше уровня Койсу, возле ручьев боковых ущелий. Виноградники и фруктовые сады, разведенные на искусственно воздвигнутых террасах, обыкновенно спускаются от селений к Койсу и бо-

ковым ущельям, но если климатические, топографические и почвенные условия местности не препятствуют разведению садов, то разумеется террасы встречаются и выше с боков селений... Середина террас из года в год отводится под посевы кукурузы, главного и почти единственного хлеба населения этого района... Между кукурузой сеют тыквы, бобы и прочие культуры... Таким образом, узенькие полоски террас, созданные немощным трудом, заменяют собой в одно и то же время и виноградники и яблочный сад и пашню и огород»¹.

У неземледельческого населения не могли бы сложиться поговорки, связанные с земледелием. Между тем у аварцев имеются следующие поговорки: «Когда зерно наливается, колос нагибается». «Голый ячмень сей в пыли, пшеницу сей в грязи». «На крутом склоне не делай пашни, на берегу речки не строй дома». «Кто хочет разбогатеть, тот пусть сеет ячмень и держит кобылу». «Летом паши поле, а зимой топи печь». «Не гляди на цвет неба, а гляди на вид земли». «У немощного быка пахота худая». «Избавь от пашни, не получающей удобрения, избавь и от хозяйства, не имеющего пашни». Здесь хорошо показана взаимозависимость земледелия и скотоводства в горных условиях. «И бог любит поле, получившее удобрение». «Кто не посеет весной, тот осенью не пожнет». «Богатство пусть придет от пашни, а смерть пусть наступит в постели». «Если спина не нагреется летом от солнца, то зимой живот не согреется от бузы». «Не вали навоз в чужое поле». «У птицы на уме просяное поле». «Пока спина не намочит, поле не замочится» и т. д.

Основным доводом тех, которые считают, что горцы — преимущественно скотоводы, а не земледельцы, является то, что продукция животноводства продавалась на рынке горцами, в то время как хлеб они вынуждены были покупать. Тем самым делают упор на товарность данных отраслей хозяйства, забывая, что основная масса овцеводческой продукции была сосредоточена в руках кучки сельских богачей.

Следует учесть, что товарная масса той или иной отрасли хозяйства не может служить показателем того, является ли данная отрасль основным или второстепенным занятием населения. Что это так, видно из следующих данных: валовая продукция народного хозяйства Дагестана в 1913 г. в денежном выражении (в ценах 1926—27 гг.) составила 78½ млн. руб. (в червонцах). Удельный же вес валовой продукции по отраслям хозяйства в процентах составил:

¹ Обзор Дагестанской области за 1901 г., стр. 67.

¹ Обзор Дагестанской области за 1915 г., стр. 12.

² Обзор Дагестанской области за 1901 г., стр. 62.

³ Обзор Дагестанской области за 1907 г., стр. 12.

⁴ Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. «Сборник сведений о кавказских горцах», 3, 1870, стр. 17.

⁵ «Кавказский календарь» на 1886 г., стр. 203.

⁶ «Дагестанские областные ведомости», 29 марта 1915 г.

растениеводство	— 53,46	рыболовство	— 5,05
животноводство	— 40,46	охота	— 0,13
		лесное хозяйство	— 0,90

Товарная же масса в процентах характеризуется:

растениеводство	— 31	рыболовство	— 24
животноводство	— 41	охота	— 1,5

Следовательно, если исходить из товарной массы, то основным занятием жителей Дагестана нужно считать животноводство.

Товарная масса каждой отрасли хозяйства по отношению к ее валовой продукции характеризуется:

растениеводство	— 11,6	рыболовство	— 88,7
животноводство	— 21,3	охота	— 110% ¹

Вряд ли на этом основании кто-либо станет утверждать, что рыболовство или охота является основным занятием населения Дагестана.

Производство животноводства, как правило, должна была быть реализована на рынке, так как в горах преобладало товарное овцеводство. Продукция же земледелия (зерно) целиком расходовалась на пропитание самих горцев, да еще приходилось прикупать хлеб. Недостаток зерна в горах объясняется малоземельем и большой плотностью населения на удобных землях. В Дербентском районе в 1925 г. на 1 гектар удобной земли приходилось 28 человек; а в Лакском районе 134 человека. На 100 душ населения в Дербентском районе приходилось 96 га посева, а в Лакском районе — только 15 га².

Никто серьезно не исследовал вопроса о причинах большой плотности населения горного Дагестана по сравнению с плотностью населения равнинной части Дагестана. Но и без глубокого исследования можно сказать, что сохранение высокой плотности населения в горной зоне обусловлено, кроме прочих причин, экономическими причинами, т. е. возможностью существования в горах при условии сочетания разных отраслей хозяйства.

Вопрос о соотношении земледелия и животноводства в высокогорной зоне Дагестана нуждается в дополнительном изучении, поэтому мы только подчеркиваем, что даже жителям высокогорной зоны не чуждо было земледелие. Однако близость прекрасных летних пастбищ, а за перевалом Кавказского хребта и хороших зимних пастбищ благоприятствовали развитию у жителей высокогорной зоны животноводства.

Имеющиеся статистические материалы свидетельствуют, что животноводство было развито в Темир-Хан-Шурином округе больше, чем в горных Аварском и Казикумухском округах вместе взятых.

Наибольшее развитие овцеводство получило в Самурском, Темир-Хан-Шурином, Андийском и Гунибском округах. Что же касается крупного рогатого скота, то первое место по количеству занимает Темир-Хан-Шурином округ, а последние места — Казикумухский, Аварский и Самурский округа. Таким образом, где много летних пастбищ, там в основном разводили овец, а там, где имелись большие возможности для заготовки кормов на зиму — крупный рогатый скот. В «Обзоре Дагестанской области» за 1915 г. подчеркивается, что недостаток пастбищных и сенокосных мест в Аварском округе не дает возможности широко развиваться скотоводству, что сена собирается так мало, что его едва хватает на зимние месяцы лишь для домашнего рогатого скота¹.

Следует указать, что начало неправильному освещению вопроса о занятиях населения горной части Дагестана в советский период положила книга «Современный Дагестан». Авторы этой книги правильно писали, что «указать, какая именно часть населения может быть отнесена к скотоводам затруднительно, так как их сельскохозяйственная перепись, начатая в 1917 г., осталась неоконченной и кроме того большинство скотоводов занимается не исключительно разведением скота, имея также посевы или другие добавочные источники дохода»². Однако эти же авторы, через две страницы безапелляционно утверждали, что горцы являлись «кочевыми скотоводческими племенами»³. По их трактовке горцы оставались таковыми вплоть до 1925 г.

Материал сельскохозяйственной переписи 1917 г. авторы книги не использовали и все свои выводы строили на основании выборочного изучения бюджета 27 хозяйств. Многие утверждения их ошибочны. Так, например, авторы книги делят все хозяйства Дагестана на чисто земледельческие (40%), смешанные (земледельческие и скотоводческие — 42%), чисто скотоводческие (10%) и хозяйства ремесленников (8%). Подобного деления в природе не существовало. Рядовое крестьянское хозяйство Дагестана всегда сочетало земледелие и скотоводство (имеется в виду, главным образом, крупный рогатый скот. — Х.-М. Х.).

¹ Обзор Дагестанской области за 1915 г., приложение; ведомость № 6, стр. 19.

² Современный Дагестан. Махачкала, 1926, стр. 13—14.

³ Там же, стр. 16, 18.

¹ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 1—2, стр. 36.

² Там же, стр. 26.

Кроме того в книге совершенно неправильно учитывается бюджет крестьянского хозяйства, не говоря уже о том, что самый выбор объекта учета является тенденциозным, т. е. авторы руководствовались желанием придать хозяйству горцев животноподческое направление. Подобная работа могла только запутать вопрос о направлении хозяйства горцев, что и случилось на практике, когда ряд садоводческих колхозов был вынужден заниматься овцеводством.

В настоящее время партия и правительство обращают особое внимание на развитие садоводства как в горах, так и на плоскости Дагестана¹.

Изучение сельского хозяйства Дагестана показывает, как гениально В. И. Ленин в 1921 г. нацеливал коммунистов Закавказья и Дагестана на развитие там орошения². Орошение и электрификация — основа интенсивного ведения сельского хозяйства в Дагестане.

Таким образом, следует сделать вывод, что господствовавшее до настоящего времени мнение о том, что не только жители высокогорной части Дагестана, но и горной части преимущественно являлись скотоводами, а не земледельцами, ошибочно. Данные посемейной переписи 1886 г., переписи населения 1897 г. и сельскохозяйственной переписи 1917 г., приведенные нами, убедительно показывают, что жители гор в своей основной массе занимались земледелием. Животноводство у них являлось одной из важных отраслей хозяйства. Что же касается занятий жителей высокогорной или альпийской зоны, то для них животноводство, безусловно, являлось основным занятием, хотя им не было чуждо и земледелие.

Для развития земледелия, садоводства и животноводства огромное значение имело широкое общение дагестанцев во второй половине XIX века с русским населением. Дагестанцы постепенно перенимали производственные навыки и технику у работавших бок о бок с дагестанцами русских переселенцев.

Русские крестьяне-переселенцы и оседавшие в Дагестане отставные солдаты во второй половине XIX века явились проводниками более высокой земледельческой культуры. В Дагестан завозятся и внедряются в сельскохозяйственное производство картофель, помидоры, свекла, лучшие сорта плодов и винограда, племенные производители крупного рогатого скота и овец, организуются плодово-виноградный питомник, пока-зательные участки по травосеянию, производятся опыты по рациональному кормлению скота. На плоскости и в приморской полосе, начиная с 90-х годов XIX в., внедряются желез-

ные плуги и бороны, жатвенные и другие сельскохозяйственные машины. Увеличивается численность агрономического персонала, создается ветеринарная служба, организуется школа садоводства, овощеводства и виноградарства.

Следующая таблица характеризует степень заселения Дагестана русскими переселенцами:

Именование населенных пунктов	По списку насел. мест 1889 г. всего населен.	По Кавказск. календарю* 1910 г. данные на 1904 г.	По Записку на 1917 г.
сел. Ишкарты	27	69	52
» Алексеевка	нет	283	311
слоб. Чир.Юрт	404	663	876
сел. Преображенка	нет	219	249
сел. Царедаровка	нет	1035	1001
сел. Ново-Александровка	нет	501	974
сел. Ново-Покровка	нет	132	81
сел. Ново-Николаевка	нет	нет	403
хут. Еремеевка	нет	нет	257
» Казаев	нет	87	25
» Нечлаев	нет	39	548
» Темиров	нет	нет	74
» Шумановка	нет	нет	35
уроч. Дешлагар	248	612	1033

Перечисленные мероприятия по повышению агротехники сельскохозяйственного производства незначительны по своим масштабам, тем не менее они имели определенное значение для развития сельского хозяйства.

К сожалению, ввиду неразработанности материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г., мы не располагаем конкретными данными, свидетельствующими о прогрессе сельского хозяйства всего Дагестана в результате его присоединения к России. Однако мы имеем данные по Хасавюртовскому округу, которые ярко показывают огромную разницу между состоянием сельского хозяйства там в первой половине XIX в. и в начале XX в. В первой половине XIX в. жители Хасавюртовского округа знали только деревянный плуг, молотильные доски и арбу без железного обруча. При этом под посевы использовались незначительные массивы земель. Перепись 1917 г. показала, что в сельском хозяйстве Хасавюртовского округа имеется:

¹ А. Д. Д а н и я л о в, Необходимое условие правильного использования природных и трудовых ресурсов. «Правда», 1957, 24 апреля.

² В. И. Л е н и н, Соч., т. 3, стр. 296.

плугов однолемешных	— 3296	веялок	— 282
плугов многолемешных	— 423	косилок	— 85
сеялок	— 51	опрыскивателей	— 18
жнеек	— 323	соломорезок	— 16
молотилок	— 116	дробилок	— 18
		конных траблей	— 560 ¹

Жители указанного округа имели под посевами более 25 000 дес.; они стали сеять новые для округа технические и кормовые культуры. Аналогичный процесс происходил в сельском хозяйстве всей равнинной части Дагестана. Житель сел. Касумкент открыл склад железных плугов. В 1904 г. были выпущены 6 жатвенных машин². Что же касается горной части Дагестана, то как уже сказано, там развивалось товарное овцеводство, которое было сосредоточено в руках крупных овцеводов. Но в горах развивалось не только товарное садоводство, по долинам рек стало интенсивно развиваться садоводство, в состав сельскохозяйственных культур вошли картофель, свекла и морковь.

¹ Губернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. По 52 губерниям и областям. М., 1921, стр. 205.

² Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912, стр. 17.

ГЛАВА IV

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Необеспеченность пашнями, низкая продуктивность скотоводства и большая плотность населения заставляли трудящихся горцев искать дополнительные источники дохода. Такими источниками были кустарные промыслы и отходничество. Кустарные изделия не только обеспечивали нужды горцев в одежде, обуви, предметах домашнего обихода, сельскохозяйственном инвентаре, холодном и даже огнестрельном оружии, но и приносили значительные доходы, коими горцы в известной мере покрывали расходы на приобретение продуктов питания, главным образом хлеба.

Господствующей формой кустарной промышленности в Дагестане в начале XIX в. являлась домашняя промышленность, которую В. И. Ленин характеризовал как «переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»¹. В Дагестане крестьяне из поколения в поколение занимались домашними промыслами в свободное от сельскохозяйственной работы время, а свободное время у крестьян было много не только потому, что сезон сельскохозяйственных работ в горах начинается только в мае и завершается в конце сентября, но и потому, что карликовое хозяйство горца не могло занять всех трудоспособных членов семьи. Это являлось «естественной основой для соединения земледелия с подсобными сельскими промыслами»².

Наряду с этим, еще задолго до XIX в. в Дагестане выделялись ремесленные и кустарные центры, где ремесленники и кустари работали не только и не столько для собственных нужд, сколько на рынок (Кубачи, Амузги, Гочатль, Сулейкент, Унцукуль, Кумух, Балхар, Анджи, Микрах, Ахты, Карадах, Салта, Карата и др.). Особенно высокого развития достигли в Дагестане кузнечное, оружейное, медное и серебряное дело, ковровое производство и производство кавказского сукна и наплечных бурок. Некоторые дагестанские

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4-е, стр. 285.

² К. Маркс, Капитал, т. 2, 1951, стр. 238.

ремесленные и кустарные изделия распространялись не только по Дагестану, но и по всему Кавказу. Наконец, изделия отдельных селений, в частности ювелирные изделия кубачинцев, пользовались известностью и далеко за пределами Кавказа. В Кубачах и в ряде других селений домашняя промышленность отделилась от земледелия и превратилась в ремесло.

Кустарную промышленность Дагестана можно разделить на 3 главные отрасли:

1. Обработка шерсти.
2. Обработка металла.
3. Обработка дерева, кожи и глины.

Эти отрасли кустарной промышленности были развиты в большей или меньшей степени во всем Дагестане. Каждый народ, точнее каждый округ, славился каким-нибудь родом производства. Во многих отраслях кустарной промышленности горцы достигли совершенства и приобрели широкую известность, хотя техника оставалась примитивной. Изделия дагестанских кустарей отличались прочностью и тщательной отделкой.

Кустарным промыслом занимались как мужчины, так и женщины. По охвату населения кустарным промыслом и по разнообразию производимых изделий Дагестан занимал первое место на Северном Кавказе. «Высшее и наибольшее развитие кустарной промышленности, — писал Маргграф, — оказывается в Дагестане, занимающем не более 1/10 части всего пространства занятого остальными тремя... областями» Северного Кавказа (Герской, Кубанской и Ставропольской—Х.-М. Х.). «В Дагестанской области встречаются, — указывал он далее, — все роды кавказских изделий и производство имеет там большею частью чисто промысловый характер»¹.

В Дагестане производилось более 40 видов кустарных изделий. Здесь изготовлялось все, что необходимо человеку в жизни. Дагестанцы носили одежду, обувь и головные уборы, изготовленные из домостканного холста, сукна и шелка, овчин и кож собственного производства. Дагестанцы изготовляли весь необходимый им сельскохозяйственный инвентарь, земледельческие орудия из металла и дерева, предметы домашнего обихода, холодное и огнестрельное оружие. Широко было развито производство ковров и других художественных изделий высокого качества.

Изготавливались шелковые и бумажные ткани. В рапорте ген. Савельева от 11 мая 1796 г. на имя главнокомандующего

¹ О. В. Маргграф, Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа, М., 1882, стр. XV—XVI.

Персидской экспедицией ген. Зубова говорится, что в Дербенте было 30 шелкоткацких и 115 бумагопрядильных фабрик¹.

В 30-х годах XIX в. в Дербенте существовало производство шелковой материи и бязи, а также обработка металла. Шелк вырабатывался на 40 станах; на каждом стане работало 4 рабочих, которые получали в день по 40 коп. Бязь производилась на 115 станах. Все эти 155 станов по производству шелка и бязи принадлежали 65 хозяевам. 4 медника, имевшие у себя 12 работников, производили медные котлы, подносы, кувшины, чашки и пр. Медь они покупали в Кизляре и Астрахани по 7 руб. за пуд, а готовые изделия продавали из расчета 16 руб. за пуд. В городе работало 11 кузнецов с 19 мехами. Город имел также 8 мукомольных водяных мельниц².

Из этих данных видно, что город Дербент был в указанное время центром обрабатывающей промышленности. Кустарная промышленность была разбросана по всему Дагестану.

Мочульский отмечал, что жители Келебского общества делали из шерсти некрашенные сукна, а дидойцы — шерстяную обувь³. Яшиников писал, что жители Антльратля делали из шерсти шали, некрашенные сукна, ковры и паласы⁴. Урахины занимались прядением и ткацким конопля⁵. Н. Дубровин писал, что андийцы производили бурки, келебцы — сукна, войлок и шерстяную обувь, дидойцы — деревянную посуду, лацки — разные серебряные изделия, салтинцы обрабатывали кожу, араканцы и ушцукульцы — дерево, чохцы и согратлинцы производили серебряные изделия и т. д.⁶

Остановимся на главных видах кустарного производства.

§ 1. Обработка шерсти. Развитию шерстеобрабатывающих промыслов способствовало наличие в Дагестане большого количества овец. Из шерсти производилось кавказское сукно, наплечные бурки, ковры, сумахи, паласы, различные ткани, арбабаш и хурджины (переметные сумы), попоны, войлок, чувалы, мешки, шерстяная обувь, чулки, носки, веревки, головные платки.

¹ П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа, СПб, 1869 г., ч. III, стр. 285.

² Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. 4, стр. 178—180.

³ Мочульский, Указ. соч., ч. II, л. 48.

⁴ Яшиников, Указ. соч., л. 201.

⁵ Владимир Вильер де Лиль-Адам, «Две недели в Даргинском округе» (Путевые заметки). Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 8, примечание к стр. 9.

⁶ Н. Дубровин, Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 503—514.

Производство сукон было развито преимущественно в Андийском, Аварском, Кайтаго-Табасаранском, Казикумухском и Даргинском округах, частично в Гунибском округе. Из материалов переписи 1886 г. видно, что в сел. Ансалта производили кроме бурок паласы, в сел. Муни — около 100 кусков сукна, в сел. Карата — 200 кусков тонкого белого сукна, в сел. Кванада — 100 и в сел. Тлоподода — 200 кусков¹.

В селениях Акуша, Кутиша, Мекеге, Улуая, Муги, Усиша, Ходжал-Махи и Цудахар выделялись исключительно тонкие и мягкие сукна из верблюжьей шерсти, которая в большом количестве закупалась в Астрахани². 12 аршин сукна из верблюжьей шерсти стоили 200 рублей³. Маргрэф указывал, что в 80-х годах XIX в. в Дагестане было произведено бурок и бурочных изделий на 475 000 руб., арбабашей — на 275 000 руб., суконного товара — на 200 700 руб.⁴.

В селениях Вихли, Цовкра, Кунди, Кая, Чукни, Арчи, Карата, Арчо, Тинди, Анчик, Хелет-люри и почти во всех селениях Келебского общества вырабатывались сукна естественного цвета шерсти, в том числе и совершенно белые, которые шли на изготовление верхней одежды, особенно черкесок.

Производство ковров, сумахов, паласов, мешков, чулок, носков и т. д. было распространено повсеместно. Однако центром коврового производства являлся южный Дагестан, особенно селения Микрах, Тепи-Пиркент, Ахты, Рутул, Гильяр, Магарамкент, Курах, Капир, Зизик, Куркент и др. В Темир-Хан-Шуринском округе делали арбабаши, в селениях Казанци и Гелли делали высокого качества паласы.

Наплечные бурки изготавливались в Андийском, Гунибском и Самурском округах. Главными центрами производства наплечных бурок являлись селения Анди, Ансалта, Рикуани, Шодрода, Гагатль и Ботлих.

Изготовлением шерстяных изделий занимались преимущественно женщины. По переписи 1886 года в сел. Анди (82 хозяйства) 126 женщины занимались преимущественно производством бурок, а в сел. Гагатль (59 хозяйства) — 76 женщин⁵. Буцковский в 1812 г. писал, что андийцы, имея множество овец с отличной шерстью, занимаются преимущественно «вы-

дельванием бурок, кои по всему Кавказу за лучшие славятся»¹.

О широком распространении среди даргинцев производства пенькового материала свидетельствует тот факт, что в кодексе удмия Рустема, датируемого началом XVII в., пеньковая ткань, по-даргински «хабцалднку», служит мерилом ценности, выполняя функцию денег. В одной статье этого кодекса, например, говорится: «Тому, кто поймает вора, тысяча кари (мера длины, равная 1 1/2 вершков — X.-M. X.) хабцалднку и сто кари беку с пойманного вора»². В кодексе Умма-хана Аварского таким мерилом служат овцы³.

Производство мешков и паласов из пенькового материала было развито и в ряде селений Аварии.

Можно с уверенностью сказать, что в Дагестане не было ни одного селения, где бы женщины не изготавливали каких-нибудь предметов из шерсти, начиная от высококачественных ворсовых ковров и сумахов и кончая шерстяными веревками.

Сведения, собранные нами в сел. Ансалта, свидетельствуют, что производством бурок занимались только женщины в свободное от сельскохозяйственных работ время. Каждая женщина готовила шерсть (мытьё, расческа и крашение) в одиночку, а обкатку бурки производили вдвоем—втроем. Обычно женщины делали это в порядке взаимопомощи. Однако такой способ производства бурок постепенно уступал место крупному бурочному производству с применением наемной рабочей силы. В сел. Ансалта были скупщики, которые не только скупали готовые бурки для продажи, но и допуская самого производителя даже на местные базары, но и закупали шерсть и раздавали ее женщинам для чистки и крашения. Затем в нескольких домах своих близких родственников скупщики открыли мастерские по производству бурок. При этом бурочницы работали за плату. Некоторые из них не имели связи с сельским хозяйством и жили на одной мизерной заработной плате.

Такая мастерская по производству бурок была организована, например, скупщиком Нурмагомед-Хаджи в 90-х годах XIX в. В его мастерской постоянно работали за плату многие бедные бурочницы. Подобные мастерские были организованы и в других селениях (Анди, Гагатль и т. д.). Однако произ-

¹ Дагестанская область, Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья, Тифлис, 1890, стр. 139.

² Обзоры Дагестанской области: за 1902 г., стр. 30; за 1903 г., стр. 72; за 1904 г., стр. 31; за 1913 г., стр. 21.

³ ЦГА ДАССР, ф. 72, оп. 2, д. 10, л. 38.

⁴ О. В. Маргрэф, Указ, соч., стр. 283.

⁵ Дагестанская область, Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья, Тифлис, 1890, стр. 135—137.

¹ Буцковский, ЦГВИА, ф. -ВУА, кол. 414, д. 300, л. 66.

² Текст Кодекса Рустема приложен к статье (А. В. Комарова, Адагы ы судопроизводство по ним, «Сборник сведений о кавказских горцах», I, 1868, стр. 81.

³ X.-M. Хашаев, Кодекс законов Умма-хана Аварского (Справедливого). М., 1948.

водство отдельных бурочниц еще окончательно не было ликвидировано, так как не все они были охвачены мастерскими мелких промышленников.

В. И. Ленин указывал, что «отличие капиталистической мастерской от мастерской мелкого промышленника состоит сначала только в числе одновременно занимаемых рабочих»¹. Таким образом, проникновение элементов капитализма в кустарное производство Дагестана в конце XIX в. является фактом. Процесс перехода торгового капитала в отдельных отраслях производства в промышленный капитал начался, возникла капиталистическая работа на дому. Это были, однако, только элементы промышленного капитализма, господствующим оставалось мелкотоварное производство.

§ 2. Обработка металла. Из металлообрабатывающих промыслов самым старинным является оружейный. История оружейного производства в Дагестане уходит вглубь веков. Центром этого производства было сел. Урбуган (по-даргински), или Зирехгеран (по-персидски — кольчужники), или Кубачи (то же самое по-турецки). Высокое качество кубачинских изделий признавалось всеми писавшими об искусстве кубачинцев².

В дореволюционной литературе о кубачинцах существовало два мнения. По одному мнению, культура кубачинцев была целиком заимствована у персов и в ней нет ничего самобытного. Другое мнение сводилось к тому, что кубачинцы по происхождению «франки», которые привезли эту культуру с собой. Таким образом, и в том, и в другом случае отрицалась самобытность кубачинской культуры. Это было не случайно — тогда считали, что горцы стоят на низком уровне общественного развития, что у них нет своей культуры, а поэтому нельзя признать за ними самостоятельного искусства высокохудожественной обработки металла.

Советские ученые, и прежде всего Е. М. Шиллинг, доказали несостоятельность этих мнений и самобытность кубачинской культуры, истоки которой уходят в I тысячелетие до н. э. Е. М. Шиллингу принадлежит огромная заслуга в изучении искусства дагестанских ремесленников и кустарей. Он

написал ряд ценных работ по истории, орнаменту и технике производства дагестанских ремесленников, в первую очередь кубачинцев¹.

Арабские географы писали о кубачинцах, как о мастерах оружейного дела². Абу-Хамид Андалузи, живший в XII в., указывал, что «кубачинцы занимаются только изготовлением всякого рода оружия: кольчуг, шлемов, мечей, копий, луков; пожей, кинжалов и разной медной посуды, у них нет ни пашни, ни садов»³. Д. Н. Анучин подсчитал, что в 1882 году из 504 хозяйств кубачинцев только 8 занимались земледелием⁴. Проф. Б. Ф. Добрынин писал, что кубачинцы известны, как оружейники еще со времен сасанидов⁵.

И. Г. Гербер отмечал высокое мастерство кубачинцев. Он писал, что кубачинцы изготовляют самые лучшие серебряные изделия, хорошие сабли, панцири, которые славятся не только в Дагестане, но и в Персии и Турции, что их оружие с большой охотой покупают⁶.

Неизвестный автор писал в 1804 году о кубачинцах: «Все жители сии, жены их, сыновья и дочери, достигшие десятилетнего возраста, суть ремесленники. Мужчины занимаются деланием панцирей, ружей, пистолетов, кинжалов, пожей, конских и оружейных приборов, также и женских поясов из золота и серебра, равномерно заводят на серебро золотую, а на железо золотую и серебряную насечку черни, в чем пособствуют им малолетние их дети и самые жены, хотя они последние большею частью упражняются в тканье самых лучших в горах сукоп и холстов»⁷.

¹ Е. М. Шиллинг написал следующие работы: «Кубачи» — Пятигорск, 1937 г.; «Дагестанские кустари» — Центральный музей народоискусства, М., 1926 г.; «Орнаментальное искусство Дагестана» — журнал «Народное творчество», № 1, М., 1937 г.; «Мастера резца и наковальни» в том же журнале; «Кубачинская серебряная доска с выгравированным текстом» — Советская этнография, 1938 г., № 4—5; «Кубачинцы и их культура», — Историко-этнографические этюды, М.-Л., 1948 г.; «Изобразительное искусство народов горного Дагестана» — Статья в докладах и сообщениях исторического факультета МГУ, М., 1950 г.; «Унцукуль» — журнал «Народное творчество» № 5, 1937 г.

² Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. 38, стр. 52.

³ Д. Н. Анучин, «Отчет о поездке в Дагестан», Известия ИРГО, т. XX, вып. 4, СПб, 1884, стр. 357—449, Академик Фрош, «О народе Кавказском кубачи», журнал Министерства народного просвещения № 8, за 1840 г. Г а с а н А л к а д а р и, «Асари Дагестан», Махачкала, 1929 г., стр. 16.

⁴ Д. Н. Анучин, Указ, соч., стр. 424.

⁵ Б. Ф. Добрынин, Указ, соч., стр. III, Г. Алкдары — «Асари Дагестан», Махачкала, 1929, стр. 16.

⁶ И. Г. Гербер, Указ, соч., стр. 45.

⁷ Краткое описание кавказских народов и побережных персидских горцев. ЦГАДА, фонд Ермоловых, д. 319, лл. 5—6.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 308.

² Писали о кубачинцах многие, в частности: И. Г. Гербер, Я. Рейнегс, С. Броневский; Ю. Клапрот, Кастильон, Гамба, И. Н. Берззи, Френ, Б. А. Дорь, Д. Н. Анучин, А. Берже, О. В. Марграф, И. Орбали, А. А. Иссен, А. А. Миллер, Е. И. Крупнов, Н. Баклаев, А. С. Башкиров и многие другие.

Рейнегс работу кубачинцев сравнивал по качеству с работами мастеров Аусбурга и Карлсбада. Он писал: «На юго-запад от Каракайтака живет 1200 семейств одного племени, которые называют себя кубачами и которые относятся к числу старейших обитателей Кавказа. Все, даже самые дикие народы Кавказа, относятся к этому племени с особым уважением. Кавказские владетельные князья оставляют на хранение у этого народа палишки (мушкетеры), или свои сокровища. Кубачинцы вежливы, спокойны, трудолюбивы: они очень ловкие и зажиточные люди, знающие персидский язык... Большая часть их занята торговлей, они также известные мастера, которые выделывают ружья, пистолеты, сабли, ножи и панцири. Их работа из золота и серебра кузнечная очень похожа на работу Аусбурга и Карлсбада. Так как ни Персия, ни Анатолия не имеют таких умелых мастеров, их изделия всюду находят спрос и дорогую оценку. Такими же ценными являются и вышивки золотом и серебром, производимые их женами, которые, кроме того, ткнут еще красивые ковры, производят войлочные плащи и шерстяные ткани, служащие обычно для одежды их мужей. Полеводство у них совершенно в забросе. Они сеют немного и получают немного. Садоводство также не имеет большого значения. Все, что им нужно для питания, они получают по весьма дешевым ценам от соседних племен. Еще менее они занимаются животноводством. Их домашние животные только козы и лошади»¹.

С изобретением огнестрельного оружия кубачинцам пришлось менять свою специальность. Они прекратили производство кольчуг, панцирей, щитов и др. предметов защитного вооружения и стали заниматься производством огнестрельного оружия. В конце XVIII в. Умма-хан Аварский написал следующее письмо кубачинцу Кадн-Хаджи-Адда с просьбой заказать вооружение для шести воинов: «Вы всегда мои поручения лучше всех исполняли, ценю достоинство друзей, посылаю 700 руб. серебра с едущим, этим письмом Гасан Эфенди и рабом моим Иса. За эти деньги прошу купить на 6 человек полное вооружение со всеми принадлежностями, не исключая и пистолетов. Оправа оружия должна быть сделана серебром и иным по вашему искусству. Ремни должны быть сделаны с кольцами и полукольцами. За оставшиеся деньги купите шали, количество скажут мои люди или одну шаль, лучше которой нет у Вас и у нас, даже лучше той, которую вы покупали мне раньше. Кроме того, отделайте этот писто-

лет из этого золота, приделайте к нему рукоятку и ударник, стоимость оплатите из этих же денег»¹.

Кубачи долгое время были центром производства огнестрельного оружия в Дагестане. Но в связи с появлением оружия заводской выделки, кубачинцам пришлось опять менять свою специальность — они переключились на производство холодного оружия для удовлетворения нужд не только жителей Дагестана, но и всего Кавказа, особенно казачьих волжских частей и кавказских национальных воинских формирований. Кубачинцы стали производить кинжалы и шашки, портупен и пояса к ним, газыри, украшения верховой сбруи и седел, предметы женского и мужского туалета:

Е. М. Шилинг правильно отметил, что старой и очень характерной для Дагестана чертой является специализация производств по аулам². Эта специализация в области металлообрабатывающего производства коснулась многих селений, в частности группы селений, лежащих вокруг Кубачей. Так, в сел. Амузги изготовлялись клинки, которые для монтировки и окончательной отделки поступали в Кубачи. В Харбуке делались стволы для огнестрельного оружия, а затем холодное оружие. Жители сел. Кара-Корейша специализировались на выжигании древесного угля для кубачинских и амузгинских мастеров.

Специализация по аулам особенно развилась в Казикумухском округе, являвшемся вторым металлообрабатывающим центром Дагестана. Жители Кумуха стали преимущественно серебряниками и ювелирами, жители Табахлы, Ури и Валгах — лудильщиками и шкелпровщиками, жители Хури — мастерами по обработке меди, хурукрияцы — часовыми мастерами и ювелирами, шовкрияцы и гукрияцы — мастерами по сапожному делу, жители селения Паласма и Кермушан — шорниками, вихлиныцы — суконщиками, ахарцы и шалиныцы — камешниками и плотниками. Жители сел. Унчукатль были мастерами по металлу. Они делали разные предметы для украшения седел, уздечек и кавказских поясов. Вихлиныцы были мастерами по выделке паласов и сукон, балхарцы — мастерами по производству гончарной посуды, жители селений Хути, Унчукатль, Курки — портными, жители сел. Ку-ма — пекарями и кулицарами.

¹ Подлинник этого письма, как и многих других писем аварских ханов, хранится у учителя математики Аранинской средней школы Хунзахского района Мансура Гайдарбекова из сел. Гиничутль, того же района; перевод сделан с арабского текста.

² Е. М. Шилинг. Кубачи. Пятигорск, 1937, стр. 32.

¹ Е. М. Шилинг. Кубачи. Пятигорск, 1937, стр. 17—18.

По переписи 1886 г. в Казикумухском округе было учтено 2513 ремесленников, в том числе сапожников 418; каменщиков 214, медников 947, кузнецов 276, серебряков 608¹ и др.

Лакские кустары работали не только у себя дома, снабжая базары Дагестана своими прекрасными изделиями, они уезжали в разные города России и за ее пределы. Работали они в большинстве случаев в одиночку, имея при себе подмастерье (мальчика 14—15 лет). В редких случаях 2—3 мастера соединялись в компании. К 90-м годам XIX в. отдельные кустары разбогатели и открыли во Владикавказе, Тифлисе, Астрахани, Ташкенте и других городах крупные мастерские с применением наемного труда.

Большинство лакских кустарей на лето приезжало домой, а осенью опять разъезжалось. Но многие лакские кустары совершенно оторвались от сельского хозяйства, постоянно жили в городах.

В художественной обработке металла лакские мастера не уступали кубачинским. Они так же хорошо владели гравировкой, филигранью, чернением и насечкой, как и кубачинцы. Серьги, брошки, браслеты и другие предметы женского туалета они украшали драгоценными камнями.

Значительное развитие получило ремесло и в Даргинском округе. Здесь в 1886 г. было учтено 750 ремесленников.

Кузнечное и слесарное производство, выделка холодного оружия и земледельческих орудий из металла были развиты повсеместно. Выделкой пожей, щипцов, молотков, топоров, подков занимались кустары из селения Куяда, Гагатль и многих других². Всего в начале 80-х годов XIX в. в Дагестане было произведено оружия, медной посуды и серебряных изделий на 500 тыс. рублей³.

Знание ремесла в народе ценилось высоко и горцы старались овладеть им. Аварская народная поговорка гласит: «Хутор можно проесть, а ремесло никогда».

Значительное распространение получило в Дагестане производство клинков. Кроме Амузги, Харбука и Лакки клинки изготовлялись в Карахе мастером Тлебеласулавым, в сел. Чиркей — Пахрудином, в сел. Араканы — Магома Гитиндвасовым, в Гидатле — Гидатля Магомой (бывшим артиллеристом и литейщиком ядер у Шамиля; он же делал парезные пистолеты). Самыми лучшими клинками считались клинки

¹ Дагестанская область, Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков Закавказья, Тифлис, 1890, стр. 161.

² «Кавказский календарь» на 1893 г., стр. 156.

³ О. В. Маргграф, Указ, соч. стр. 238.

мастера из В. Казаница Базалая и его учеников: Казахбия и Джалалдина. Клинки Базалая и других известных мастеров вывозились в Россию в большом количестве, а на Кавказе составляли драгоценные остатки времени расцвета оружейного дела.

Производство холодного оружия было развито и в сел. Икра Кюринского округа. В отчете Дербентского губернатора за 1850 г. говорится: «После марены замечательны выделка азиатского оружия в Дербентском уезде и в Кюринском ханстве». Это производство получило в Дагестане столь широкое развитие, что накануне первой империалистической войны в сел. Н. Казанищи было организовано специальное предприятие по изготовлению кинжалов.

Высокого качества изделий достигли не только кубачинские, казикумухские и другие оружейники, но и ювелиры. Они вырабатывали изделия из серебра, украшенные художественной резьбой и сложными, тонко выполненными рисунками чернью, филигранью и позолотой. В 1894 г. в Гунибском и Даргинском округах было учтено 106 мастеров по серебру⁴.

Художественные изделия дагестанских мастеров-златокузнецов, серебряников, ювелиров, гравировщиков, чеканщиков и оружейников пользовались заслуженной славой. Они высоко ценились не только внутри страны, но и за ее пределами⁵.

На краевой выставке промышленности и сельского хозяйства в 1889 г. в Тбилиси изделия дагестанских кустарей получили высокую оценку. Из 757 экспонатов кустарных изделий Кавказа 175 принадлежало дагестанцам, из 106 присужденных всем экспонатам кустарных изделий награды дагестанцы получили 46⁴. На Всероссийской выставке кустарной промышленности в Петербурге в 1902 г. кустары-дагестанцы также были награждены медалями за художественную ценность и техническое совершенство представленных экспонатов⁵.

Среди ремесленников металлообрабатывающего производства, так же как и среди ремесленников других отраслей, произошли серьезные социальные изменения. Разбогатевшие ремесленники, занимавшиеся обработкой металла, в 90-х годах XIX в., в отличие от ремесленников, занятых в бурочном,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 5, д. 372, л. 17.

² ЦГА ДАССР, ф. 72, оп. 2, д. 1, л. 8.

³ Е. М. Шилин и Г. Указ, соч., стр. 20.

⁴ Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в 1889 г., КК на 1890 г., стр. 57, 74.

⁵ Обзор Дагестанской области за 1903 г., стр. 70.

суконном и ковровом производстве, выезжали в разные города России и организовывали крупные мастерские с применением наемной рабочей силы. Е. М. Шиллинг пишет, что владельцы этих мастерских эксплуатировали своих бедных односельчан¹.

Выше говорилось о кооперировании труда ремесленников узких специальностей для изготовления готовой вещи, в частности для производства холодного оружия. Кооперировались кузнец, делавший клинок, монтировщик, изготовлявший ножны, рукоятки и наконечники, гравировщик, выполнявший художественную отделку оружия².

Для производства огнестрельного оружия кооперировались: ствольник, мастер по изготовлению замков, сборщик и гравировщик³. Даже изготовление одного только ствола проходило через несколько рук — один мастер изготовлял ствол вчерне, другой занимался нарезкой ствола, третий шлифовкой и отделкой⁴.

Д. Н. Анучин также обратил внимание на разделение труда среди ремесленников. Он указывает, что клинки изготовлялись в Амузгах, стволы в Харбуке, монтировалось же оружие в Кубачах⁵. Подобная специализация свидетельствует о высокой степени развития ремесленного производства.

§ 3. Обработка дерева, кожи и глины. Обработкой дерева, кожи и глины в Дагестане, видимо, занимались повсеместно. Однако в связи с увеличением выработки сельскохозяйственного инвентаря и посуды из металла, а также увеличением заводской выработки кожи, эти отрасли кустарного производства к концу XIX в. локализовались в отдельных населенных пунктах Дагестана.

Обработка дерева применялась в прошлом в самых разнообразных формах, начиная с изготовления деревянной конструкции для дома и до производства деревянных ложек и вилок.

Г. Я. Мовчан совершенно правильно отмечает в своей статье «Из архитектурного наследия аварского народа», что в строительстве домов в горах самую важную роль играет деревянная конструкция⁶. Отделка частей деревянной конструкции дома — пола, потолка, опорных столбов и балок, дверей и окон, а также шкафа-ларя (цагура), — требовала знания плотничьего ремесла. Касаясь качества обработки деревянных конструкций дома и с. Тидиб, Г. Я. Мовчан

пишет: «Техническое качество работ — безукоризненное: разбивка правильная, углы прямые, плоскости ровные, поверхности гладкие. Все элементы выработаны топором и соединяются друг с другом без помощи других материалов (металла, клея и т. п.)»¹.

Следует иметь в виду, что речь идет об обработке дерева в XIV—XV вв., к каковому времени относится строительство описанного Г. Я. Мовчаном дома. Опорные столбы этого дома и фасад ларя (цагура) были украшены замечательной геометрической резьбой. На столбах и на ларе было обнаружено 34 различных узора. Подобные же узоры имеются на деревянных изделиях и более позднего происхождения.

Деревянные кровати, диваны, стулья и люльки украшались резьбой. Корыта разных размеров, солонки, чесночные ступки, друшлаки, ложки, вилки и прочая кухонная посуда делались из дерева. Станки для ковроткачества и суконного производства, а также необходимые для них инструменты изготовлялись из дерева. Из дерева же делалась посуда для измерения зерна и фруктов — саба, сах, половинки саха и четвертинки саха. Весь сельскохозяйственный инвентарь: соха, молотильные доски, лопаты и многие другие, делались из дерева, только отдельные детали в роде железного лемеха делались из железа. Основные части музыкальных инструментов (ландур, чагана, чагур, зурна и круг жергена) также делались из дерева, причем многие из них украшались орнаментированной резьбой.

Дидойцы делали из дерева разную посуду, корыта, ульи, а из ветвей — корзины и все это продавали в Сигнахе, Телаве и других местах Кахетии². Унцукульские мастера, достигшие высокого уровня художественной обработки дерева во второй половине XIX в., до этого занимались производством кухонной посуды и домашней утвари³. Унцукульские мастера довели художественную обработку дерева до совершенства. Они стали производить из дерева (а также из железа и рога) изделия, украшенные серебряной инкрустацией: трубки, хлысты, палки, подсвечники, ножи, пепельницы, пудреницы, мундштуки, чернильные приборы и т. д. Унцукульцы снабжали своей продукцией рынки Дагестана и курортные города Северного Кавказа. Они экспонировали ее на различных выставках. Магомед Юсупов из сел. Унцукуль ездил в Америку

¹ Е. М. Шиллинг, Указ. соч., стр. 17.

² О. В. Маргграф, Указ. соч., стр. 210.

³ Там же, стр. 210—211.

⁴ Там же, стр. 212.

⁵ Д. Н. Анучин, Указ. соч., стр. 426.

⁶ «Советская этнография», 1947, 4, стр. 186—208.

¹ «Советская этнография», 1947, 4, стр. 191.

² Мочульский, Указ. соч., ч. II, л. 48.

³ В. П. Пожидасв, Деревообделочное производство в ауле Унцукуль. Историко-этнографический очерк, Махачкала, 1931, стр. 13.

И наладил там производство разных изделий из дерева. Домой он вернулся в 1914 г. и вскоре умер¹.

Выделкой овчин и кож для местного потребления жители Дагестана занимались издавна. Шубы, шапки, ичиги, чувячки и башмаки, различного рода сумки, ремни и пояса делались из овчин, кож и сафьяна, которые изготовлялись в Дагестане почти повсеместно. Наибольшее развитие получило шорное дело в Кайтаго-Табасаранском, Даргинском, Гунибском и в Темир-Хан-Шурином округах.

Сапожное и башмачное производство в значительной мере было развито в Даргинском и Кавикумухском округах, где жители ряда селений жили в основном доходами от этого ремесла. Дагестанские кустари открывали сапожные и шорные мастерские в городах и селениях Терской области и Азербайджана, причем владельцы больших мастерских применяли наемный труд.

Гончарные изделия производились в аулах Балхар (Даргинский округ), Сулев-Кент (Кайтаго-Табасаранский округ), Испик и Джули (Кюринский округ). В 1903 г. начальник Гунибского округа в своем отчете писал: «Жители Корзда, Годода, Сальты занимаются выделкой кож»². Телеглинцы — «хорошие каменщики» — писал Н. Воронов³.

В 1900 г. в Кайтаго-Табасаранском округе было 1374 кустарей и ремесленников⁴. В Гунибском округе в 1903 г. насчитывалось 1375 кустарей и ремесленников 12 специальностей, которые выработали изделий на 22 222 руб⁵. В 1891 г. кустари Даргинского округа выручили от продажи своих изделий 26 000 руб.⁶ Кустари Аварского округа в том же году выработали изделий на 13 989 руб. В 1901 г. всех учтенных ремесленников было 16 673 чел., а через 7 лет, в 1910 г. — 23 490 чел.⁷ В 1913 г. в Дагестане числилось 30,4 тыс. ремесленников⁸. В 1915 г. в кустарных промыслах всех видов было занято 132,5 тыс. человек.

Число кустарей в Дагестане в 1915 г. и выработка их изделий показаны в следующей таблице:

Наименование промыслов	Число занятых лиц (тыс. чел.)	В %/о к общему числу	Выработка продукции (в тыс. руб.)	В %/о к общей выработке
Суконный	68,0	51,3	952,0	14,9
Ковровый	40,0	30,2	2000,0	31,3
Трикотажный	7,0	5,3	147,0	2,3
Бурочный	5,0	3,6	600,0	9,4
Медно-лудильный	3,5	2,7	157,5	2,5
Художественно-ювелирный	3,3	2,5	990,0	15,5
Слесарно-кузнечный	2,0	1,5	400,0	6,3
Сапожный	1,5	1,2	450,0	7,0
Кожевенный	1,4	1,1	420,0	6,6
Деревообделочный	0,6	0,4	240,0	3,7
Гончарный	0,2	0,2	36,0	0,5
Всего:	132,5	100,0	6392,6	100,0

Из этой таблицы видно, что большинство кустарей работало в шерстеобрабатывающих промыслах.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что ремесло играло большую роль в экономике горцев Дагестана. Если стоимость всего поголовья скота по рыночным ценам в 1913 г. составляла 13 млн. руб., то годовая продукция кустарей стоила более 6 млн. руб. Из этого можно сделать вывод, что кустарная промышленность Дагестана была высоко развита и являлась одной из важных доходных статей в бюджете горцев.

Рыболовство, пчеловодство, охота, горный промысел и отходничество.

а) Незначительная часть населения плоскостного Дагестана занималась рыболовством как подсобным промыслом. Рыболовные места по берегу Каспийского моря от устья Терека до Самура принадлежали феодальным владельцам, которые отдавали их на откуп. Так шамхал Тарковский Абу-Муслихан заключил в 1837 г. контракт с коллежским ассессором Давыдовым о сдаче на откуп рыболовных промыслов, начиная от Аграханского залива и до реки Самур (исключая дербентские подгорные воды) за 4000 руб. в год⁹.

Промышленное рыболовство получило развитие позже, когда стала возможна отправка рыбопродуктов во внутренние губернии России, т. е. после проведения железной дороги через территорию Дагестана.

¹ И. Р. Нахшунгов. Прогрессивное влияние России на экономику Дагестана. Кандидатская диссертация, 1954, стр. 195.

² ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 15.

¹ В. П. Пожидаев, Указ. соч., стр. 17.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 3.

³ Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 3, 1870, стр. 5.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 102, л. 155.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 72, оп. 2, д. 10, л. 45.

⁶ «Кавказский календарь» на 1893 г., стр. 157.

⁷ Обзор Дагестанской области за 1902 и 1911 гг.

⁸ Обзор Дагестанской области за 1913 г., приложение № 7.

Пчеловодство в Дагестане было известно везде. Пчелы содержались в ульях, сплетенных из хвороста и обмазанных глиной. Однако пчеловодством занимались только отдельные лица. Даже в крупном селении можно было найти только 4—5 хозяйств, имеющих пчел. Мед ценился паравне с маслом и пчеловоды получали немалый доход от продажи меда.

Охотничий промысел был слабо развит в Дагестане и лишь отдельные любители занимались охотой. В горах охотились на тура, серну, дикую козу, медведя, куньфу, лису (чернобурую), барсука, горную индейку и куропатку; на плоскости — на оленя, джейрана, дикого кабана, фазана, куропатку.

Соль добывали из соляных озер, расположенных на территории шамхала Тарковского и уцмня Кайтагского. Кроме того, в Андийском округе в селениях Н. Эхело и Кванхидатль добывали соль путем вываривания.

Дагестанцы умели изготовлять порох. Об этом имеется много сообщений. Военный министр Чернышов интересовался, каким путем горцы достают порох. Генерал-адъютант Граббе в начале 1841 г. сообщил ему следующее: «Во всяком почти значительном ауле есть люди, которые делают порох и хотя в малом количестве, но достаточном однако и для употребления горцев, и потому, что они берегут свои заряды. Селитру для пороха добывают они из известных им трав, серу же из осадков серных источников»¹. 23 октября 1841 г. генерал Головин сообщил военному министру, что жители сел. Хоточ производят для продажи порох, а сера в изобилии добывается в сел. Могох (Чабти-Могох — Х.-М. Х.) и в сел. Чирката². Мочульский писал, что тиндичцы делают порох сами, оружие получают от куядинцев и харбукецев, свинец из Тарков³. О. Евецкий отмечал, что «осетины и дагестанцы выделывают для своих надобностей изрядное количество пороха и пуль; пули делают из железа и кизилового дерева, обвертывают они последние свинцом»⁴.

Селитру добывали в селениях Марага, Карчаг, Ничирас⁵. В селениях Могох, Гоцатль и Гоцо добывали серу и производили порох⁶. Жители селения Чиркаты добывали серу для производства пороха. В 1891 г. на Чиркатынском серном заводе было добыто более 20 000 пудов серы, которая была продана в Баку за 21 000 руб.⁷ В районе Молла-кент, Чумлы,

Янгикент, в местностях Сиртляр, Курляр, Хапкой добывали железную руду и делали необходимые для местного хозяйства земледельческие орудия¹.

Отдельные месторождения каменного угля, торфа, меди, свинца, серебра были известны населению и разрабатывались кустарным способом. На территории Кайтагского уцмня были нефтяные колодцы, из которых жители брали сырую нефть для освещения.

б) Отходничество. Недостаток в средствах к существованию вынуждал жителей Дагестана отыскивать их на стороне. Аварская поговорка гласит: «Бедный человек ради сахара зерна горы переваливает»².

Начиная с осени, после уборки хлеба, многочисленные отряды горцев расходились по городам и селам Кавказа и Закавказья, отыскивая себе заработок во всех отраслях труда. В экономически более обеспеченных районах Северного Кавказа и Закавказья, а также на плоскости Дагестана горцы работали пастухами, косарями, землекопами, садовыми работниками и т. д. Горцы, звавшие ремесло, переходили со своими инструментами из аула в аул, или устраивали мелкие мастерские в городах и селлах.

Кроме того большое число горцев сопровождало скот на зимние кутаны. Здесь часть горцев, незанятая непосредственно уходом за скотом, работала в ближайших к кутанам селениях в качестве батраков, домашней прислуги и пр.

Отходничество в той форме, в какой мы застаем его в первой половине XIX в., вероятно существовало и раньше, так как экономическая необеспеченность, являющаяся основной причиной отходничества, имела место и раньше. Ошибаются те, кто считает, что отходничество появилось только после присоединения Дагестана к России. Вместе с тем нет сомнения, что отходничество стало сильнее развиваться в пореформенный период, особенно в 80—90-х годах XIX в., в связи с расслоением крестьянства Дагестана.

В письме начальника Кавказской области к военному министру от 10 апреля 1841 г. говорится: «Из всех мест по Кавказской области наибольшее стечение мирных горцев бывает в городе Кизляре, где занимают они сбытом своих произведений, а также работами в садах и при береговых укреплениях реки Терека. Горцы приходят туда с весны и остаются до осени. Число их простирается от 10 до 22 000, иногда и более»³. В отчете Дербентского губернатора за

¹ ЦГВИА, ф. 36, оп. 30/286, связка 840, д. 58, лл. 3—4.

² Там же, л. 5.

³ Мочульский И., Указ. соч., ч. II, л. 55.

⁴ О. Евецкий Указ. соч., стр. 68.

⁵ Акты, т. VII, стр. 518.

⁶ «Кавказский календарь» на 1893 г., стр. 159.

⁷ Там же.

¹ «Кавказский календарь» на 1893 г., стр. 160.

² Сах — мера объема; в нем вмещается 6 фунтов зерна.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 424, л. 1.

1850 г. сообщается, что «весенние работы на маренниках привлекают сюда из магорных обществ до 25 000 человек»¹.

В 1891 г. было выдано на отлучку 45 386 билетов, а в предреволюционные годы в отходничество уходило более 90 000 человек, главным образом мужчин. Приводимая здесь таблица показывает численность отходников по округам.

Название округов	Число отходников в 1913-1915 гг.	В %/о к итогу	Пашни на 1 душу населен. (в дес.)	Скота на 1 душу населен. (в голов)	Отходников на тыс. жителей
Дварский	3286	3,5	0,18	3,7	87
Анди́йский	9375	10,0	0,14	3,8	156
Гунибский	15963	17,1	0,15	5,3	228
Даргинский	11763	12,0	0,22	2,2	129
Казикумухский	12069	13,0	0,15	3,3	220
Кюринский	8 600	9,2	0,45	2,1	104
Кайтаго-Табасаранский	3828	4,1	0,36	2,8	63
Самурский	23189	24,9	0,14	7,8	327
Темир-Хан-Шури́нский	5240	5,6	0,22	4,4	87
Итого по Дагестану	93313	100,0	0,22	3,9	1552

Основным фактором, вызывавшим отходничество, было малоземелье. В Гунибском и Самурском округах в среднем на душу населения приходилось в первом — 5,3, а во втором — 7,8 головы скота, несмотря на это больше всего отходников приходится на долю именно этих двух округов; так как в обоих округах не хватало земли. Более 70% населения эти округов вовсе не имело овец и коз (они были сосредоточены в руках кулаков-овцеводов).

Следует отметить, что отходничество первой половины XIX в. нельзя сравнивать по своему значению с отходничеством 80—90-х годов XIX в., так как условия мест, куда уходили горцы на заработки, и условия их труда там резко изменились в связи с проникновением капиталистических отношений и втягиванием Кавказа в общероссийский капиталистический рынок.

Усиление завоза в Дагестан товаров фабрично-заводской промышленности, особенно во второй половине XIX в., привело к падению производства некоторых видов изделий кустарной промышленности и к сокращению числа занятых в ней лиц, главным образом, мужчин. Однако фактический материал не позволяет согласиться с утверждением П. И. Лященко

о том, что в Дагестане к началу нашего века под влиянием капиталистической конкуренции падала также выработка ковров и оружия, исчезало производство бурок. Наоборот, расширение рынков сбыта в пореформенный период привело к дальнейшему увеличению производства как ковров и палачных бурок, так и художественных изделий из благородных металлов и дерева, не встречавших конкуренции со стороны фабрично-заводской промышленности, а также холодного оружия, отличавшегося высоким качеством и художественной отделкой¹.

Для содействия росту производства этих изделий в Дагестане в начале XX века были организованы музей кустарной промышленности и ковровая учебно-показательная мастерская, были приняты меры к внедрению в производство лучших образцов изделий и к снабжению кустарей усовершенствованными инструментами. Однако эти меры были незначительны и не могли дать больших результатов. Наиболее существенным являлось то, что вместе с ростом ряда промыслов усилился процесс общественного разделения труда — отделения промышленности от земледелия, а также зарождения и развития более высоких форм промышленности.

В пореформенный период, особенно в 90-х годах XIX в., крестьянская домашняя промышленность и ремесло перерастали в мелкотоварное производство, а последнее в отдельных отраслях — в простую кооперацию и раздаточную мануфактуру. Дагестан не знал или почти не знал распространенной в России и особенно в Западной Европе формы мануфактуры, для которой помимо прочих ее признаков (разделение труда на базе ручной техники, массовое производство, оптовые закупки сырья и сбыт продукции, низведение трудящихся на положение наемных рабочих, известное сочетание постоянного и переменного капитала), характерна концентрация наемных рабочих в специальных помещениях.

В металлообрабатывающем, шерстеобрабатывающем, художественно-ювелирном и некоторых других промыслах, по мере усиления спроса на их продукцию, происходило дальнейшее разделение труда между производителями и выделение новых специальностей. Не только отдельные изделия, но и их составные части вырабатывались обособленными производителями, специализировавшимися на их изготовлении и проживавшими даже в разных аулах. Как было сказано выше, в производстве кинжалов и шашек кооперировались мастера нескольких профессий.

¹ ЦГИАА, ф. 1268, оп. 5, д. 372, л. 17.

² И. Р. Нахшонов, Указ. соч., стр. 230.

¹ П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. 2, М., 1948, стр. 565—566.

Разделение труда и кооперирование мастеров смежных специальностей, необходимое для выпуска готовой продукции, было бы невозможно без скупщиков-посредников, которые располагали необходимыми средствами. Капиталистическая работа на дому усиливала процесс классового расслоения кустарей, процесс выделения небольшой эксплуататорской верхушки скупщиков и промышленников-предпринимателей, с одной стороны, и массы производителей, работавших на этих предпринимателей у себя на дому или в мастерской у предпринимателя — с другой.

Изъятие у крестьян части общественных земель казной, освобождение рабов и отдельных слоев зависимых крестьян, развитие товарно-денежных отношений, рост массовой дифференциации привели к вытеснению определенных кругов крестьян из сферы сельскохозяйственного производства. Увеличение ввоза товаров фабрично-заводской промышленности из центральных районов страны и падение в связи с этим цен на многие виды изделий местной кустарной промышленности привели к дальнейшему увеличению количества свободных рук в деревне. В то же время местная фабрично-заводская промышленность находилась на таком низком уровне, что не могла обеспечить работой и десятой доли высвобождавшихся в деревне рабочих рук.

Указанные обстоятельства, а также установление после окончания военных действий на Кавказе прочных связей Дагестана с другими районами страны вызвали усиленный отлив мужского населения на заработки за пределы области.

Отходничество, ставшее возможным в широких размерах в Дагестане лишь после его присоединения к России, было в высшей степени прогрессивным явлением: «Перекочевыванья, — указывал В. И. Ленин, — означают создание подвижности населения. Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам «обрастать мхом», которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивно думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге и на севере, и в земледелии и в промышленности, и в столице и в захолустьи»¹.

Отходничество являлось одним из основных путей ликвидации многовековой изолированности народностей Дагестана от культурного мира. Оно способствовало расширению умственного кругозора и классового сознания отходника, воспитывало в нем чувство пролетарского интернационализма и

уважения к великому русскому народу, помогало трудящемуся горцу быстрее порвать феодальные и патриархальные путы, ставило женщину в более самостоятельное положение. Отходничество способствовало повышению культурного уровня не только самих отходников, но и населения тех аулов и округов, откуда они выходили и куда возвращались. Наиболее прогрессивной стороной отходничества являлось то, что отходники вовлекались в общественно-политическую жизнь страны и несли революционные идеи в гущу трудящихся масс Дагестана.

Рыболовство, пчеловодство, охота и горный промысел не получили в Дагестане большого распространения. Только в 90-х годах XIX века, после проведения железной дороги на территории Дагестана рыболовство стало быстро развиваться. С этого же времени в Дагестане возникают капиталистические предприятия рыбной, консервной и хлопчатобумажной промышленности.

instituteofhistory.ru

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 212.

ГЛАВА V

ДОРОГИ И ТОРГОВЛЯ

§ 1. Дороги. Обзор состояния экономики Дагестана в XIX веке приводит к коренному пересмотру установившегося в старой литературе взгляда на Дагестан, как на «каменный мешок», как на страну, абсолютно изолированную от внешнего мира.

Мы констатировали выше наличие значительного общественного разделения труда в Дагестане, существование с давних времен торговых связей с народами Закавказья, Северного Кавказа, с Кизляром и Астраханью (по морю и по суше), ежегодный уход из Дагестана на заработки большого числа отходников. Кроме того следует указать, что система отгонного животноводства была связана с необходимостью общения значительной части населения Дагестана с иноязычными народами, жившими в Закавказье и на Северном Кавказе. В силу этих причин каждый сотый дагестанец, по данным посемейной переписи 1886 г., знал один из языков соседних народов.

Все это говорит о том, что Дагестан не являлся «каменным мешком», а представлял собой страну, которая была в значительной мере экономически и политически связана с соседними народами. Другое дело, что географические условия Дагестана затрудняли эти связи, а с рядом высокогорных районов, ввиду снежных заносов и обвалов, в зимний период вовсе прекращалась связь. Вместе с тем, как правило, и в горном Дагестане существовали дороги, связывавшие населенные пункты между собой. Правда, это были не колесные дороги, а просто тропинки, по которым, однако, свободно могли продвигаться нагруженные лошади и ослы.

Хозяйство в горах в начале XIX в. являлось, в основном, натуральным, что в известной мере определяло и состояние дорог горного Дагестана. На плоскости же Дагестана существовали колесные дороги.

В первой половине XIX в., когда в ряде горных районов Дагестана происходили военные действия, тропинки были приведены в неспособное состояние, так как бездорожье усиливало оборонеспособность горцев.

В 50-х годах XIX в. А. Берже и Н. Дубровин правильно указывали на отсутствие в горном Дагестане благоустроенных дорог¹. Однако до начала активных военных действий дороги здесь находились в проезде состоянии. Так, в записке об Аварском ханстве экспедиции, посланной в Аварию в 1828 г., говорится, что экспедиция ехала из сел. Эндери по маршруту Хубар — Зубутль — Чирката — Цатаних — Хунзах. При этом в сел. Чирката экспедиция проехала по деревянному мосту, проложенному через реку Андийское Койсу². Автор записки указывает, что кроме этой дороги имеются еще более удобные дороги в Аварию: через Салатаню по маршруту Аргуани — Ихали — Хунзах и через Джунгутай по маршруту Аймаки — Гергебиль — Гочатль — Хунзах³.

Мочульский дал подробную характеристику горным дорогам Дагестана. Он писал, что дороги в горах проложены по гребням хребтов и удобны от мая до октября. Дороги же из Темир-Хан-Шуры всегда проходимы⁴.

Горцы уделяли большое внимание дорожному строительству. Забота о дорогах была обязанностью сельской общины (джамаата); ремонт дорог или устройство новых дорог начинали по решению джамаата. Для проведения дорог по крутым склонам гор требовалось много сил и средств, приходилось делать подпорные стены, сооружать через узкие и крутые ущелья мосты, а для подъема в гору или на выступы в скале устраивать из каменных плит лестницы. Следы старых дорог лежат на груди многих скалов и утесов, напоминая о титанической работе наших предков, которые, борясь с суровой природой гор, прокладывали дороги для общения не только между собой, но и для выхода из гор на широкие просторы плоскостного Дагестана, Северного Кавказа и Закавказья.

Известны старинные дороги, связывавшие горный Дагестан с Северным Кавказом и Закавказьем. Таковы дороги: 1) через Ахты, Нуха до Баку; 2) через Казикумух в Закаталы; 3) через Бежта в Кахетию; 4) через Анди в Харачой, в Терскую область; 5) через Чирката, Аргуани, Н. Буртунай в Хасавюрт; 6) через Гимры, В. и Н. Каранай в Темир-Хан-Шуру; 7) через Аймаки, Джунгутай в Темир-Хан-Шуру; 8) через Аракань в Джунгутай; 9) через Леваши, Джунгутай в Темир-Хан-Шуру; 10) через Леваши, Дешлагар, Каякент в Дербент; 11) через Кумух, Хосрек, Касумкент в Дербент;

¹ «Кавказский календарь» на 1859 г., стр. 251; Н. Дубровин, Указ., соч., т. I, кн. 1, стр. 16.

² Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. III, стр. 188.

³ Там же, стр. 190—191.

⁴ Мочульский, Указ., соч., ч. II, л. 24.

12) через Уркарах, Маджалис в Дербент; 13) Дербент — Ахты — Нуха; 14) Ахты — Куба — Старая Шемаха — Баку и т. д.

Большие работы по дорожному строительству в приморском Дагестане были начаты сейчас же после присоединения Дагестана к России. Там был проложен почтовый тракт, соединивший Дагестан с главными почтовыми трактами Терской области и Бакинской губернии. Тракт этот имел в длину 271 версту и проходил через Чир-Юрт, Кумтуркалу, Темир-Хан-Шуру, Карабудахкент до Дербента. На протяжении этого тракта было построено 15 почтовых станций с помещениями для этапных команд и постов военных частей. На станциях содержалась 91 тройка почтовых лошадей. Эти станции обходились государству в 51 622 руб. в год. В 1868 г. этот почтовый тракт из военного ведомства был передан в ведение Кавказского почтового округа.

В 30-х годах XIX в. было начато строительство стратегических дорог в горы силами войсковых частей и местного населения. На этих дорогах позднее возникли укрепления Ахты, Кумух, Гуниб, Карадах, Хунзах, Ботлих, Чиркей и др. Дороги эти находились в ведении военного ведомства. По окончании Кавказской войны они также поступили в ведение отдела путей сообщения Кавказского почтового округа и содержались за счет государства. Протяженность их к началу XX в. составила 443 версты.

В 60-х годах XIX в. было начато строительство дороги в Темир-Хан-Шуру через Атлыбуюн, так как дорога через Кумтуркала была неудобна, а разливы р. Озень иногда совершенно прекращали связь с Темир-Хан-Шурой. В этот же период дорожный отдел при губернаторе Дагестана и само население начало строительство дорог экономического значения, которые проводились в густо населенных местностях. Длина этих дорог составляла 352 версты; содержались они за счет земских средств. Все остальные дороги длиной 4500 верст и тропы длиной 3500 верст содержались за счет натуральной дорожной повинности населения¹.

Ахтынская военная дорога, проведенная в 40-х годах XIX в., соединила Дагестан с Азербайджаном через горы по сокращенному маршруту. Житель сел. Хнов мулла Али Халафат-Оглы в 1847 г. был награжден золотой медалью за то, что он в течение трех лет усердно работал на Ахтынской дороге².

Большинство шоссейных дорог в горы было проложено в 60-х годах XIX в. Так, от Порт-Петровска до Гуниба была

¹ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, 3-4, стр. 49-50.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 696, лл. 1-3.

проведена дорога — протяженностью 144 версты. В 1867 г. в Гунибе было открыто почтовое отделение, имевшее на этой дороге 7 почтовых станций от Салтинского моста до Карадаха, далее через Голотль до границы Грузии и от Карадахского моста через Хунзах, Тлох до Ботлиха. Кроме того, строились дороги от Ишикартов через Бузну до Ушцукуля — 16 верст, от Ушцукуля на Цатаних, Хунзах — 14 верст, от грузинского селения Сабубе навстречу Аваро-Кавказской дороге до Кадорского перевала — 18 верст, от Ашмьлтинских гор на Гумбет — 7 верст. Всего 309 верст.

В эти же годы силами населения были построены колесные дороги: от Дешлагара через Башлы до Маджалиса и от Маджалиса до Великента на расстоянии 55 верст, от Дербента до Хучи — 32 верст, от Кураха до Ричи — 77 верст, от Ахтов до Кубы — 36 верст, от Ахтов до Теплых вод — 7 верст, от Зан до Хунзаха — 17 верст, от Анди до границ Терской области — 9 верст. Всего жителями было построено 432 версты дорог.

За этот же период были построены железные, каменные и деревянные мосты через горные реки: Салтинский железный арочной системы мост через Кара-Койсу; Преображенский железный арочной системы мост через Андийское Койсу; деревянный мост взамен старого у сел. Тлох; каменный мост в Гунибе через Кара-Койсу; Каменный мост через Казикумухское Койсу у сел. Цудахар; деревянный мост у сел. Голотль¹.

К концу XIX в. многие деревянные мосты были заменены железными мостами, в частности у сел. Аракань, Голотль и Тлох.

Относительно дорог горного Дагестана Н. Воронов в 1868 г. писал: «Нужно видеть дагестанские пути сообщения, нужно всмотреться во все естественные преграды, положенные здесь природою для разобщения людей, — и, однако, люди общаются здесь не в пример легче, чем, например, живущие в наших равнинных или степных деревнях русские поселяне, не нуждающиеся даже и в дорогах, потому что поле и дорога равно проходимы. Здесь не то: здесь всякий переход из аула в аул, от общества в общество—своего рода подвиг, риск и во всяком случае большой труд, а между тем, общение замечательное. Вести, новости разносятся в горах с изумительной скоростью, и приказания начальства, власти, исполняются здесь так же быстро, как бы страна перекрещивалась телеграфными проволоками»².

¹ Отчет об управлении Дагестанской областью с 1 сентября 1863 г. по 1 октября 1869 г., Темир-Хан-Шура, 1869, стр. 51-61.

² Н. Воронов, Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис, 1870, вып. III, стр. 19.

В горный Дагестан, в частности в Аварию, были проведены следующие дороги: Порт-Петровск — Темир-Хан-Шура — Левашин — Хаджал-Махи — Салтинский мост — Гуниб, — протяженностью 144 версты; Гуниб — через Георгиевский мост — Карадах — вдоль Аварского Койсу до сел. Сабуэ в Грузии — более 200 верст; Карадах — через Хуизах и Ботлих до г. Грозного; от Темир-Хан-Шуры через Аркаские горы — Аракань — Красный мост — Чалда — Гоцатль — до Хуизаха.

В 70—80-х годах только в одной Аварии была построена 431 верста шоссейных и грунтовых дорог и на 50 верст тропинки переделаны в колесные дороги¹. В 1891 г. на дорожных работах было занято 345 321 человек и 755 подвод. На взрывных работах за этот год был израсходован 291 пуд пороха².

В 1914 г. во всем Дагестане было 795 км грунтовых и шоссейных дорог³. Огромная работа была проведена по строительству мостов, надолбов и подпорных стен на дорогах. К 1915 г. имелось мостов с пролетом более 5 саж. — 29, менее 5 саж — 33, железобетонных — 6, рельсовых — 19, каменных — 8 и деревянных — 59, каменных водосточных сооружений, заменявших мосты, — 431, каменных надолбов — 3140, подпорных каменных стен — 26 572, тоннелей — 12⁴.

В 1915 г. было закончено строительство железобетонного моста через Ахты-чай, который соединял Лучекский участок Самурского округа со ст. Белиджи. Строительство железобетонных мостов в Дагестане проводила Екатеринбургская фирма. Ею, в частности, построены мосты через Самур с пролетом 15 саж., через Усухчай с пролетом 12,2 саж., Кумухский мост с пролетом 13 саж. и др.⁵ Дороги способствовали усилению экономических связей населения Дагестана, содействовали внедрению колесного транспорта (арба, фургон, фаэтон, тачанка и т. д.) не только на плоскости, но и в горах.

Исключительно большое хозяйственное оживление произошло в Дагестане после открытия железнодорожной магистрали. В 1893 г. Владикавказская железная дорога была доведена до Порт-Петровска, а в 1897 г. — до Дербента. В августе 1899 г. была открыта железная дорога Дербент — Баку. В 1915 г. было закончено строительство Темир-Хан-Шуриной ветки железной дороги.

В связи с развитием транспорта увеличилось производство вина, консервов, рыбопродуктов и других товаров. Так, производство вина возросло с 100,8 тыс. ведер в 1879 г. до 1483 тыс. ведер в 1903 г.¹ Добыча сельди по сравнению с 1893 г. увеличилась в 1907 г. в 26 раз². Арендная плата за рыболовные участки с 650 руб. в 1892 г. поднялась до 69 023 руб. в 1905 г.³

Отправка грузов со станций дагестанского участка железной дороги в 1902 г. составила 407 000 центнеров против 21 000 центнеров в 1895 г.⁴ В 1903 г. только со станции Дербент было отправлено 13 000 центнеров консервов, а в 1916 г. — 50 000 центнеров консервов. Соответственно увеличился и завоз товаров в Дагестан. Из всего этого видно, какое огромное значение имело проведение железной дороги по территории Дагестана. С этого момента особенно заметно стала развиваться капиталистическая промышленность и как результат этого стало увеличиваться число городских жителей.

Неоценимое значение имело также проведение по всему Дагестану шоссейных и грунтовых дорог, а также строительство капитальных железных, железобетонных и деревянных мостов через бурные горные реки. Эти дороги способствовали усилению экономических связей народов Дагестана как между собой, так и между соседними народами, так как по колесным дорогам можно было легко попасть по сокращенным маршрутам из горного Дагестана в Терскую область, Закавказье и на плоскость Дагестана. Это в свою очередь приводило к стиранию локальных экономических особенностей и втягивало Дагестан в русло экономического развития всей империи.

Развитие дорог в Дагестане сопровождалось созданием сети почтово-телеграфных учреждений, которых в 1915 г. в Дагестане насчитывалось 18 с 44 почтовыми ящиками. В этих учреждениях работало 113 почтовых чиновников и 95 служителей. Все округа Дагестана имели телеграфную и телефонную связь с областным центром Темир-Хан-Шурай.

Пример дорожного строительства в Дагестане в XIX в. является ярким свидетельством, а сами дороги убедительным вещественным доказательством прогрессивного значения присоединения Дагестана к России.

§ 2. Торговля. К сожалению, о состоянии торговли в Дагестане в XIX в. мы не имеем разработанных статистических

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 83, л. 21.

² «Кавказский календарь» на 1893 г., стр. 165.

³ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 3—4, стр. 49.

⁴ Обзор Дагестанской области за 1915 г., стр. 33.

⁵ «Дагестанские областные ведомости», 1915, № 20.

¹ И. Р. Нахшуров. Указ. раб., л. 295.

² Обзор Дагестанской области за 1908 г., стр. 41—42.

³ И. Р. Нахшуров. Указ. раб., л. 296.

⁴ Обзор Дагестанской области за 1908 г., стр. 42.

материалов. Ввиду этого нам пришлось по-крупницам собирать материал, характеризующий состояние внешней и внутренней торговли Дагестана; нами использованы высказывания различных исследователей и переписка гражданских и военных чиновников, в коей характеризуется торговля Дагестана. Нам удалось также обнаружить ряд архивных документов, проливающих свет на этот вопрос.

Главным торговым центром Дагестана с раннего средневековья был Дербент. Ал Истархи писал, что Баб-уль-Аббас (Дербент) больше Ардебиля, служит портом Серира и других стран кяфиров, что из него вывозится полотняная одежда, что там происходит оживленная торговля, в частности, рабами. Это свое торговое значение Дербент сохранял всегда, то угасая, то расцветая, в зависимости от внешних и внутренних факторов.

Торговые связи народов Кавказа, в том числе и Дагестана, с русским народом уходят вглубь веков. Еще Киевская Русь и княжество Тмутаракань поддерживали эти связи с народами Кавказа и, в частности, западного побережья Каспия. В. О. Ключевский писал, что в первой половине IX в. н. э. русские «выходят в Каспийское море, проникают на юго-восточные берега его и даже провозят свои товары на верблюдах до Багдада»¹. В XV в. в Дагестане побывал А. Никитин, ехавший в Индию на одном из двух торговых судов, которые потерпели аварию близ города Дербента².

С присоединением Кавкази и Астрахани к России открылся волжско-каспийский торговый путь. Сухопутная дорога из Астрахани в Закавказье также проходила через территорию Дагестана. Таким образом, с этого времени Дагестан вошел в орбиту торговых сношений России с Востоком.

Приведем следующие указания о торговле в Дагестане в XVIII и начале XIX вв.

И. Г. Гербер писал, что жители с. Тарки отправляют купечество в Персию и в Россию, что в Дагестане имеет место торговля рабами. Гербер отмечает, что в Дербенте находилось много персидских, грузинских, армянских и индийских купцов³. В 1770 г. было дано указание не пропускать в дагестанские селения тех купцов, которые приезжают за рабами⁴.

Будучи заинтересована в вовлечении кавказских народов в экономическую связь с Россией Екатерина II в 1762 г. издала указ об освобождении от пошлин товаров, провозимых от

горских народов¹, а в 1765 г. было «сделано постановление, чтобы кабардинцы и кумыки не платили пошлин ни при продаже собственных произведений и скота, ни при покупке товаров в Кизляре»².

Из дела о плене академика Гмелина кайтагским уцмием Эмир-Гамзой видно, что в этот период происходила оживленная торговля России с Дагестаном. В рапорте мурзы Канбулата Шикдякова от 27 февраля 1774 г. на имя кизлярского коменданта Терского войска говорится: «До приезда моего еще к уцмию отправившихся отсюда для торга в Дербент с товаром здешних жителей тезиков (купцов — Х.-М. Х.) Аличея Мамет Сеннова, Сейхана и Арсланбека Аджихановых и Кумачая захватил хайдацкой уцмий в баранту имеющиеся при них товары, семя капселирского три пуда, краски брусковой 12 пудов, отобрав запечатал своею и тезика Аличея печатями»³.

Указ Сенату от 2 января 1799 г. предусматривает значительное развитие торговли между Россией и азиатскими народами через Астраханский порт и через Кизлярскую, Моздокскую, Оренбургскую и другие таможи. В указе рекомендуется торговать железом (листовым, полосным, сортовым), а также инструментами, медью и другими товарами «во всяком отливном мастерстве»⁴.

В 1810 г. Комитет Министров утвердил специальное положение о развитии торговли с горскими народами. По этому положению предусматривалось создание меновых дворов по Кавказской линии⁵.

7 ноября 1810 г. исполняющий должность пакгаузного инспектора Дербентской таможенной заставы сообщал о прибытии из нагорного Дагестана товара на 8 вьюках. В его же рапорте от 4 декабря 1810 г. говорится о привозе коломенским купцом Шалошиновым разных товаров, в том числе хлопчатобумажных⁶. Имеется журнальная запись чиновника Дербентской таможенной заставы от 6 октября 1810 г. о вывозе в Баку 40 пудов меди в ломе дербентским жителем Мешади Расулом; трех мест разного товара в Кубу — губденским жителем Амзаковым; 170 ведер вина в Астрахань — жителем Кизляра⁷. Зафиксирована просьба дербентского жителя о разрешении ему вывоза товаров в Кизляр⁸.

¹ П. Г. Бутков, Указ, соч., ч. III, стр. 123.

² Там же, стр. 104, 106.

³ «Известия Кавказского историко-археологического института», т. III, 1925, стр. 142.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 17.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1/68, д. 575, л. 43.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 7.

⁷ Там же, д. 2, л. 14.

⁸ Там же, л. 33.

¹ В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, М., 1937, стр. 122.

² А. Никитин, Хождение за три моря, М., 1950, стр. 10.

³ И. Г. Гербер, Указ, соч., стр. 33; С. Броневский, Указ, соч., стр. 313.

⁴ П. Г. Бутков, Указ, соч., ч. I, стр. 28.

В ведомости Дербентской таможенной заставы за 1813 г. имеются данные о вывозе из Дагестана большого количества бурок, овчин, шафрана, паласов, тулупов и других товаров¹. 14 мая 1814 г. Дербентская таможенная застава выдала свидетельство дербентским купцам о получении от них торговых пошлин за провоз товаров морем в Астрахань².

Об усилении торговли Дагестана с Кизляром и Астраханью свидетельствует тот факт, что 26 ноября 1814 г. министр финансов дал указание Дербентской таможенной заставе выдавать без ограничения свидетельства купечеству на провоз товаров в Астрахань³.

Жители гор не стояли в стороне от происходившей на плоскости Дагестана торговли. К ним пропикали купцы и сами горцы выезжали с товаром как на плоскость, так и за пределы Дагестана. Интересный документ представляет собой письмо Умма-хана Аварского, относящееся к концу XVIII в. Из этого письма видно, что евреи, прибывшие в Аварию с товаром, были ограблены на территории Андалальского общества. Умма-хан писал Андалальскому обществу: «Вы были друзьями моими, но житель сел. Мегеб Мирза причинил большой ущерб моему имуществу и моим гостям евреям. Среди исламистов небывалый случай убийства еврея и ограбление. Относительно крови мы разберемся после моего возвращения из поездки. Имущества возвращено на 250 руб. меньше, чем было ограблено. Если подобный случай был бы со стороны моих людей, то я бы быстро разрешил этот вопрос. По этому поводу едет к вам Максуд Кади; примите меры к удовлетворению ограбленных»⁴.

За пределы Дагестана, в Кизляр, Астрахань, Нуху, Шемаху, Тифлис дагестанцы вывозили сухофрукты, орехи, сукна, бурки, ковры и холодное оружие; в частности в Грузию вывозили «в весьма большом количестве сукно разных доброт..., большей частью темных цветов, на одежду всех обитателей Грузии; шерстяные бурки в таком же количестве, оружие всякого рода в серебряной оправе с позолотой и без оной, попоны шерстяные для лошадей и покрывала для выюков; шкуры купьи и лисьи, воск и шелк сырец»⁵. В Дагестан ввозили хлеб, рис, нефть, черные и цветные металлы, хлопчатобумажные и шерстяные ткани русского производства, оружие огнестрельное, а также предметы роскоши и пряности⁶.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 20, оп. 1, д. 4, лл. 144—146.

² Там же, лл. 174—175.

³ Там же, л. 206.

⁴ Подлинник письма находится у Мансура Гайдарбекова из сел. Гиничуль Хунзахского района.

⁵ Акты, т. 5, стр. 334.

⁶ С. Броневский, Указ, соч., стр. 231.

О значительном развитии дагестанской торговли в начале XIX в. свидетельствуют данные о Дербенте. Здесь было 420 лавок, принадлежащих 80 торговцам, 3 караван-сарая. Торговлей с другими городами занимались 25 человек. Хождение имели голландские червонцы, русские серебряные рубли, мелкие медные деньги и ассигнации, а также ширванские и кубинские абазы.

Большой помехой в развитии торговли Дагестана была его феодальная раздробленность. Торговля была сопряжена с большими расходами, так как владетель, через территорию которого надо было проехать с товаром, взимал так называемый рахтарный сбор (торговую пошлину). Так, чтобы доставить товар сухим путем из Дербента до Кизляра надо было платить рахтарный сбор в Дербенте, Тарках и Казииорте в следующих размерах: с одной арбы товаров (от 40 до 50 пудов) в Дербенте 2 руб. 50 коп., в Тарках 5 руб. 20 коп., в Казииорте 3 руб. серебром. Сверх того, во владениях шамхала Тарковского с каждого тая шелка еще по 2 руб., а в Дербенте по 1 руб. серебром. В Тарках взыскивали с одного пуда капцелярного семени 60 коп., с одного верблюда — 1 руб., с одной лошади и одной головы крупного рогатого скота — по 50 коп., с барана 5 коп. За прием арбы до Кизляра надо было заплатить около 10 руб. Таким образом, сухопутная торговля вызвала накладные расходы с одного пуда товара от 3 руб. до 3 руб. 20 коп. Морской фрахт обходился только в 1 руб. 40 коп. серебром, но частые штормы и неудобство дербентской гавани мешали морской торговле.

По данным С. Броневского в 1807 г. из Дербента и Ширвана в Кизляр было вывезено вина, риса, орехов, свежих и сушеных фруктов, меда, масла, рыбы, марены и других товаров на сумму 181 564 руб., а в гор. Астрахань — на сумму 1 073 390 руб. Ввезено товаров из этих городов в Дагестан и в Ширван: из Кизляра на 160 028 руб., из Астрахани на 476 212 руб.¹ Из Дербента вывозили в Кубу и Баку кожи и уксус, шелковые и бумажные материи, вино и водку, в Ширван — табак, воск, овчинные тулупы.

Русские ситцы, нанки и другие хлопчатобумажные товары, сахар, чай, посуда, металлические изделия, сундуки находили много потребителей в Дагестане. Жители Дагестана, в частности кумыки до начала 1799 г. пользовались правом беспошлинной торговли в Кизляре. По данным Кизлярской таможни за 1799 г. была собрана торговая пошлина на сумму 4801 руб., в том числе серебряной монетой 4440 руб.²

¹ С. Броневский, Указ, соч. 2, стр. 454—457.

² Акты, т. I, стр. 757.

Об оживленных торговых связях дагестанских горцев с грузинами свидетельствует письмо Ковалевского к генерал-лейтенанту Кноррингу от 13 июля 1802 г. Письмо это гласит: «Посылаемый от в. пр. из Кахетии в горы к лезгинским народам нарочный на днях оттуда возвратился и доставил на имя мое от анцухских, капучинских и карахских народов письма, в коих, изъявляя о готовности своей пребывать в мире и соседственной дружбе с обывателями здешними, просят они о позволении производить попрежнему торговлю свою с Грузиею, для чего и отправили они уже один караван на границы; с другой стороны здешнее купечество и ремесленники изделий, коими производилась прежде торговля с лезгинцами, чрез пресечения сей отрасли претерпевающие по оборотам своим, с пользою коммерции их и следственно казенною сопряженным, чувствительную расстройку, повторяя убедительнейшая свои о том представления, неотступно просят позволить лезгинцам производить торг по-прежнему в Грузию»¹.

Один из аварских феодалов, Алисканди, обратился в 1802 г. к Цицианову с просьбой пожаловать ему вид с печатью, чтобы жители обществ Хунз, Баклолал и Каралал могли ездить в Грузию для торговли, как и прежде². В 1807 г. Султан-Ахмед-хан Аварский просил Гудовича разрешить беспешинную торговлю с Грузией, на что был получен отрицательный ответ³. В 1809 г. многие общества Аварии (Согратлы, Маали, Шодрога, Ботлих, Анди и др.), признавая себя подданными России, просили разрешения на торговлю в Грузии и различных местах России⁴.

Какое огромное хозяйственное значение имела для горцев торговля (наряду с отгонным животноводством) видно из того, что князь Орбелиани предложил, как меру борьбы с непокорными горцами, запретить им торговлю, перегон скота на плоскость и продажу им хлеба⁵, т. е. установить блокаду.

Генерал Тормасов, вместо того, чтобы использовать стремление отдельных дагестанских обществ сблизиться с Россией, поставил их в полную зависимость от аварского хана, которому было предоставлено право выдачи билетов на торговлю⁶. Тормасов требовал объяснений от генерал-майора Ивелича 3-го, почему он выдал билет 98 индийцам, которые отправились в Грузию для продажи бурок⁷.

Иную политику проводил Ртищев. В 1812 г. в ответ на просьбу Ансалтинского общества разрешить ездить в Грузию по торговым делам, Ртищев не только дал разрешение, но и сообщил, что предоставит «всевозможные выгоды наравне с теми, каковыми пользуются российские подданные»¹.

Отношение к торговле горцев вновь изменилось с назначением на Кавказ Ермолова. Вместо того, чтобы воспользоваться тягой горцев к торговле со своими соседями и желанием их принять русское подданство, Ермолов свою личную обиду на отдельных феодальных владетелей распространил на все местное население и, объективно, отталкивал его от России. Многие «вольные общества» Аварии в этот период, действуя фактически самостоятельно, старались наладить торговые связи с Россией. Однако обида Ермолова на аварского хана лишала их этой возможности. Ермолов приказал князю Эрстову не разрешать аварцам проезда в Кахетию и в Нуху, захватывать все их товары и прочее имущество и считать все это собственностью тех, кто представит начальству захваченных². Вельяминову было велено поступить так же, если аварцы окажутся в Шемахинском ханстве³. 18 ноября 1818 г. Ермолов сообщил генерал-майору Дельпоцо, что он отменяет данное анцухцам разрешение производить торг в пределах Грузии. Причиной, побудившей Ермолова принять эту меру, был слух, что анцухцы поддерживают грузинского царевича Александра⁴. В 1822 г. Ермолов дал Мадатову указание запретить армянам и евреям производить торг с аварцами⁵. В 1823 г. Ермолов приказал генералу Грекову не пропускать аварцев и индийцев на кумыкскую плоскость⁶.

После запрещения торговли с Грузией дидойцы 19 июня 1821 г. писали в Грузию, что они находятся в унынии вследствие того, что их караванам запрещено ходить в Грузию. Дидойцы писали, что грузины и они «как спина и брюхо», и просили сохранить добрососедские отношения, как сохраняли их предки.

По свидетельству генерала Клюки фон Клугенау в 1841 г. было арестовано 400 андалальцев, отправившихся по торговым делам за пределы Дагестана⁷.

Хотя по военным соображениям Ермолов и запретил торговлю горцев с соседними народами, в то же время он принимал меры к усилению закавказской торговли. По ходатай-

¹ Акты, т. I, стр. 660.

² Акты, т. II, стр. 755.

³ Акты, т. III, стр. 376.

⁴ Акты, т. IV, стр. 599 — 601.

⁵ Акты, т. III, стр. 370.

⁶ Акты, т. IV, стр. 601.

⁷ Там же.

¹ Акты, т. V, стр. 614.

² Акты, т. VI, ч. II, стр. 26.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 29.

⁶ Там же, стр. 30.

⁷ Кавказский сборник, т. 32, стр. 453.

ству Ермолова в 1821 г. был разрешен беспошлинный провоз товаров через Закавказский край из Европы в Азию и обратно, сроком на 10 лет. Эта мера вызвала значительный приток европейских и азиатских товаров в Закавказье и общее оживление торговли. Однако в 1831 г. беспошлинный провоз товаров был запрещен. В связи с этим образовался новый торговый путь из Трапезунда через Эрзерум в Тавриз, минуя Закавказье. Внешняя торговля Закавказья заметно уменьшилась. Московские фабриканты, желавшие расширения торговых связей, особенно с Персией, добились в 1846 г. возобновления беспошлинной торговли. Но это не дало ожидаемых результатов, так как европейские капиталисты, не желавшие уступать своего влияния на Персию, всячески препятствовали расширению закавказской внешней торговли¹.

Блокада горцев, начатая Ермоловым, в конечном счете привела к разрыву торговых связей многих обществ. Ермолов совершенно необдуманно навязал аварскому народу чаику Сурхай-хана, не пользовавшегося авторитетом, и требовал, чтобы выезжающие для торговли имели билеты от Сурхай-хана.

В рапорте начальника штаба Кавказского корпуса генерал-майора Вельяминова на имя командующего корпусом от 7 июня 1821 г. говорится, что «среди едущих в города России для торговли акушинцев с документами Зухум Кади, находятся и аварцы без билетов, с печатью Сурхай-хана Аварского. Предлагается не пропускать без билетов ни акушинцев, ни аварцев»². На местах поняли это указание так, что и акушинцы должны иметь билеты от Сурхай-хана. Это видно из рапорта Фитдагского коменданта подполковника Высоцкого о том, что в Старую Шемаху приехали 7 акушинских лезгин и привезли для продажи шесть выюков лезгинского сукна по билету акушинского кадия, и что они были арестованы, так как у них не было билета с печатью Сурхай-хана³. Ошибка эта была исправлена лишь после того, как акушинцы просидели два месяца в тюрьме, причем были конфискованы их товары.

О торговых связях горцев с Закавказьем говорит также рапорт советника казенной экспедиции при верховном Грузинском правителе ассессора Очкина. В 1829 г. он писал: «Относительно принятия татаринном Али-Аскером в свой караван-сарай приезжих лезгин, не допуская их в казенный караван-сарай, исправляющий должность казенного комиссара донес мне, что, действительно, прибывшие в город Елисаветполь

в 1827 году лезгинские караваны были помещены в татарский караван-сарай, якобы принадлежащий тамошней мечети. В связи с этим с октября 1828 года по январь 1829 года казенный караван-сарай якобы потерпел убыток в 120 руб. серебром»⁴.

Генерал Ситягин писал 28 августа 1828 г. Паскевичу: «Аварцы, будучи народом бедным, терпящим нужду в самых первых потребностях жизни и будучи окружены, подобно им, бедными соседями, не могут доставать необходимейших для себя вещей иначе, как в областях наших и между народами, нам подвластными, обменивая оные на некоторые собственные произведения; без такового обмена и без торговли в наших владениях аварцы существовать не могут»⁵.

Крупным торговым и экономическим центром для всего Кавказа и Закавказья в первой половине XIX в. был Кизляр. Он вел торговлю, с одной стороны, с Нижегородской, Екатеринбургской, Харьковской и другими губерниями, а с другой стороны, с горскими народами. В 30-х годах XIX в. из 9000 жителей Кизляра более 1000 были купцы. В 1834 г. в Кизляре было продано русских и персидских товаров на 1130 тыс. рублей, в том числе хлопчатобумажных тканей на 829,5 тыс. рублей⁶.

Нами обнаружен документ о торговых связях горцев с г. Кизляром в начале 40-х годов. Это составленная жандармским подполковником Прянишниковым «Ведомость огнестрельному оружию, товарам, съестным припасам, фруктам и прочим предметам, привезенным мирными горцами в 1842 году на продажу в город Кизляр:

Ружей	— 1363	Кошмы с войлоком	— 140
Пистолетов	— 870	Платьев шерстяных	— 23
Замков ружейных и пистолетов	— 1144	Трубок деревянных	— 2806
Кинжалов	1537	Газырей	— 220
Огнив	— 265	Каменьев диких	— 28
Ножей	— 109	Кувшинов медных	— 290
Ножниц	— 260	Глиняной посуды	— 32
Набрусов роговых	— 190	Делового леса	арбы — 1541 шт.

¹ ЦГИАА, ф. 1268, оп. 10, д. 110, л. 55.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 963, л. 1.

³ Там же, л. 4.

⁴ ЦГИАА, ф. 24, оп. 24-1, д. 211, л. 15.
⁵ Акты, т. VII, стр. 509.
⁶ Путевые заметки из Астрахани в Баку. Журнал Министерства внутренних дел, ч. 29, 1835, стр. 12-19.

Патронов деревяшых	— 80 пачек	Уголья	— 96 арб
Чехлов ружейных	— 142	Таркалов	— 1670 арб
Черкесок суконных	— 762	Дров	— 980 арб
Сукна	— 1398 концов	Плотов по р. Терек	— 57
Поясов ременных	— 2284	Муки и пшеницы	— 1289 мешков
Чунык	— 288 пар	Сорочинского пшена	— 848 мешков
Бурок	— 486	Ячменя	— 118
Шуб овчинных	— 1128	Муки	— 89
Шапок	— 453	Чеснока	— 129
Курпеев	— 495	Черемши	— 160
Шкур лисьих	— 346	Рыбы сушеной	— 121 пуд
Сафьянов выделашых	— 5697	Вязиги	— 5
Плетей кожаных	— 340	Икры паюсной	— 9 бочек и 5 тумачков
Седел	— 38	Меду	— 60 пудов
Кож воловьих	— 146	Клею рыбьего	— 7 пудов
Масла коровьего	— 49 пудов	Фруктов разного рода	— 390 арб
Кож овчинных	— 1520	Мешков свежих и сухих фруктов	— 3104
Краски марены	— 265 кип		
Птиц разных	— 2949		
Лошадей	— 17		

В 1842 г. было привезено мирными горцами в г. Кизляр под извозом вещей и товаров и под съездом их самих: лошадей 1399, быков 10 949.

Подписал: корпуса жандармов подполковник Припишков¹.

Ниже приводится «Ведомость товарам иностранного происхождения, привезенным мирными горцами в 1842 г. в г. Кизляр».

¹ ЦГАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 424, лл. 9—10.

Шелковые изделия:

Аладжи	— 1078 шт.	Платков	— 468
Тафты	— 32	Канаусу	— 6

Бумажные изделия:

Бязь	— 13836 штук	Бурмету	— 5370
Кумачу	— 1498	Одеял	— 1841
Ситцу	— 1514	Выбойки	— 1878
Дарай	— 375	Калаш-кару	— 210
Скатертей	— 100	Пестряди	— 34
Копров шерстяных	— 153		

В примечании к этой ведомости говорится, что товары эти привезены горцами северного Дагестана, преимущественно тарковскими жителями¹.

Амир-Аджи-Юртовская таможенная застава находилась на территории северного Дагестана и дагестанские товары в Кизляр проходили через нее. В 1844 г. через эту заставу было провезено в Кизляр:

Сорочинского пшена	— 35 чувалов (крупные мешки)	Шашек	— 11
Ружей	— 185 шт.	Медных кувшинов	— 26
Кинжалов	— 239	Чариков	— 75 пар
Отверток	— 90	Марены	— 21 чувал
Ножей	— 30	Сандалового дерева	— 1 пуд
Сафьянов	— 6721	Плетей	— 13 штук
Шапок	— 241	Невыдел. воловьих кож	— 53
Ноговиц	— 6 пар	Икры паюсной	— 7 пуд
Газырей	— 139		30 ф.
Шуб овечьих	— 30 шт.	Кишмиша	— 15 пудов
Зипунов	— 172		
Поясов	— 1347		
Сукна	— 550 пар 64 конца		
Шкур заячьих	— 219		
» лисьих	— 1487		

¹ ЦГАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 424, л. 8.

Шкур пол- чьих	— 31	Алибухари	— 5 пудов
Шкур ко- зьих	— 2740	Абрикосов	— 3 пуда
» бара- ньих	— 2050	Чернослива	— 2 пуда
» кунных	— 58	Башмаков	— 145 пар
» коша- ньих	— 110	Замков ру- жейных	— 300 штук
Воску	— 9 п. 17 ф.	Айвы	— 3 чувала
Шаровар	— 14	Сушен. дынь	— 1 чувал
Руж. чехлов (или пузырей)	— 29	Курпеев	— 10 штук
Паласов	— 67	Шангалия	— 1 чувал
Ножниц	— 195 штук	Глиняной по- суды	— 3 арбы
Яблок	— 5	Бурок	— 61
	чувалов	Жел. газырей	— 60 шт.
Башлыков	— 6 ¹	Хозов	— 94

Горские товары встречаются в ведомостях почти всех за-
став. Так, например, через Червленную карантинную заставу
проходит: сукна 338 концов, черкесок 448, шапок 3 штуки,
бурок 175 и т. д.

Наместник Кавказа Воронцов в 1845 г. писал: «Будучи
уверен, что торговля есть одна из ближайших и действитель-
ных мер к сближению нашему с горцами и к упрочению на-
ших сношений... я еще в 1837 году, после обзора моего Во-
сточного берега Черного моря, имел счастье повергнуть на
выс. государя императора воззрение некоторые общие мои
идеи на счет торговли с горцами»².

Воронцов стоял за расширение торговых связей с горца-
ми. Он сообщал, что от горцев Кавказа на обмен и продажу
в меновые дворы поступили: лес, мед, воск, бурки, войлоки,
самодельные сукна, конские уборы, серебряные мелкие изде-
лия, масло, сало, овчины, шкуры диких зверей, скот, соломен-
ные циновки, фрукты и т. д.³

В 1855 г. было ликвидировано Управление для надзора за
меновою торговлей и введено откупное содержание меновых
дворов⁴.

В 20-х годах XIX в. из Дербента стала вывозиться маре-
на, которая отличалась хорошим качеством. О. Евецкий

писал, что марена вывозится ежегодно на 40 000 руб. серебром
в Киалар и на 65 000 руб. серебром в Астрахань¹. По данным
«Кавказского календаря» в 1850 г. в Дербенте было собрано
58 000 пудов марены и для ее обработки привлекалось до
20 000 горцев².

Мареноводство было начато и в шамхальстве Тарковском³.

По данным отчета дербентского военного губернатора вы-
воз марены, сушеной груши и грецкого ореха через дербент-
ский порт в пудах с 1845 по 1854 гг. характеризуется:

Годы	Марена	Груша сушеная	Орех грецкий
1845	80250	7196	9045
1846	64764	15624	17305
1847	41397	28816	19049
1848	44791	5080	9609 ^{1/2}
1849	66254	6828	4583
1850	72632	7200	14881
1851	79305	16487	24457
1852	141138	9057	14702
1853	131307	16664	3155
1854	130396	30340	47038 ⁴

Реализация марены в 1845 г. дала 32 008 руб., в 1846 г. —
259 697, в 1850 г. — 399 476 руб.⁵. В 1854 г. на рейде в Дер-
бенте и Низобате было 218 судов. Ими вывезено 130 396 пу-
дов марены, 30 304 пуда грецкого ореха, 1034 пуда рыбы и
58 696 ведер вина⁶. Между тем в 1843 г. через дербентский
порт проходило только 36 судов с грузом на 80 980 руб.
(хлеб, металлы, металлические изделия, фарфор и т. д.).

В отчете за 1850 г. дербентский губернатор писал: «Глав-
ный предмет вывоза составляет марена, которая направляет-
ся через Астрахань на Нижегородскую ярмарку и в Москву.
Марены вывезено в прошлом году 72 632 пуда на сумму
399 476 руб. Цена на марену на месте была от 5 р. 25 коп. до
6 руб. серебром за пуд. Предметы же ввоза составляют кро-
ме ковров, привозимых из Персии, получаемые из Астрахани
не только красные и бакалейные товары, но даже многие
огородные овощи, производством которых мусульмане не
занимаются. Внутренняя торговля мелочна и незначительна и
состоит в обмене разных родов хлеба, плодов, тканей местно-
го производства и прочее»⁷.

¹ О. Евецкий И. Указ. соч., стр. 37.

² «Кавказский календарь» на 1851 г., стр. 323.

³ И. Борезин, Указ. соч., ч. I, стр. 65.

⁴ Отчет дербентского военного губернатора за 1854 г. ЦГИАЛ,
ф. 1268, оп. 8, д. 200, л. 36.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, л. 372, л. 55.

⁶ Там же, оп. 8, л. 200, л. 5.

⁷ Там же, оп. 8, д. 372, л. 17.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 424, л. 101.

² Там же, д. 782-а, л. 1.

³ Там же, л. 8.

⁴ Там же, л. 106.

В 1850—1852 гг. железо и железные изделия привозились в Дагестан из России через Астрахань морем до Дербента. Ежегодно в Дербент поступало до 10 000 пудов железа. Продавать железо разрешалось только мирным горцам и не более 10 пудов в одни руки. В Порт-Петровск поступало железа 2500 пудов в деле и 1200 пудов вне дела, а также чугуна до 300 пудов¹.

В 60-х годах увеличился вывоз фруктов. Если в 1848 г. было вывезено только 9609 пудов фруктов, то уже в 1864 г. вывезено 25 136 пудов.

Ввоз и вывоз товаров через Петровскую карантинно-таможенную заставу в 60-е годы XIX в. характеризуется следующими данными (в рублях)².

Годы	Ввоз	Вывоз
1864	1348544	122108
1865	1198482	79226
1866	1301930	6074
1867	1504750	31670
1868	1711744	186644
1869	2218989	194201
1870	2218989	294201

Как видно из отчета начальника Дагестанской области за 1863—1869 гг. через дербентский порт было привезено товаров на 4 691 636 руб. и вывезено на 88 610 917 рублей. В 1891 г. из Дагестана было вывезено разного товара в количестве 666 100 пудов. Привезено товаров в Дагестан из Астрахани и Баку в количестве 1 336 412 пуда, главным образом мануфактура, бакалейные товары, лес, железные, чугунные и стеклянные изделия³.

В Дагестане находился нефтеперевалочный пункт, через который было отправлено в 1900 г. нефти 2 953 806 пудов, керосина 19 849 114 пудов, газового масла 1 743 363 пуда, минерального масла 248 884 пуда, неочищенного дистиллата 153 365 пудов, мазута 3 178 421 пуд, бензина 11 260 пудов⁴. Правда, эти данные в целом не могут быть показательными для Дагестана, так как через Порт-Петровск проходили транзитные товары. Однако это свидетельствует о расширении торговли и увеличении грузооборота на территории Дагестана.

¹ Н. Дюкраси, «О торговле железом в Закавказском крае». «Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества», кн. 2, 1853, стр. 48.

² Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871, стр. 8—9.

³ «Кавказский календарь» на 1893 г., стр. 161.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 83, л. 23.

Касаясь внутренней торговли в горах Дагестана следует указать, что в начале XIX в. она была слабо развита и в основе своей носила меновой характер. При наличии общественного разделения труда нельзя было обходиться без торговли. Как мы видели, большинство горцев не имели овец, но ни одна семья горца не могла обходиться без овчин на шапки и шубы, каждой семье, которая не имела овец, приходилось покупать овчины или приобретать их в обмен на зерно или фрукты. Кустарная промышленность по обработке шерсти не могла обходиться без шерсти, кустари покупали ее на рынке или обменивали на свои изделия. Крестьяне не обходились также и без сельскохозяйственных орудий и других предметов кустарной промышленности. Разносная торговля, господствовавшая в горах вплоть до второй половины XIX в. зиждилась в основе своей на обмене фабричных и кустарных изделий, особенно мануфактуры, на продукты животноводства, главным образом масло, сыр, а также шерсть. Эти продукты торговцы продавали в городах втридорога.

Мерилом ценности в разных частях Дагестана служили овцы, локоть холста или саба зерна. Так, по кодексу Уммахана мерилом ценности служит овца, по кодексу Кайтагского уцмня — локоть холста (хабцалдну), а во многих селениях — саба зерна.

Кроме Дербента в Дагестане пользовались известностью в начале XIX в. торговые центры: сел. Эндери, Аракань, Чох, Согратль, Казикумух, Цудахар, Анди, Акуша и др. «На бурки, — писал Дубровин, — андийцы ведут свою меновую торговлю. Ежегодно съезжаются туда торговцы, которые, закупая гуртом андийские бурки, отправляют их на лишню и в Тифлис, а андийцам взамен их продают красный товар, железо, оружие, соль и кукуруау»¹.

Большим тормозом в развитии торговли являлись феодальные торговые пошлины, так называемые рахтарные сборы. В 1831 г. эти рахтарные сборы были заменены в Закавказье таможенными сборами, в связи с чем было организовано Закавказское таможенное управление². Военный министр писал 20 ноября 1837 г. министру финансов о необходимости уничтожить рахтарные сборы и в Дагестане. Барон Розен дал указание ежегодно выплачивать шамхалу Тарковскому взамен его доходов от рахтарного сбора 5000 руб. серебром, султану Елисуйскому — 600 руб. серебром³.

¹ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 500.

² Акты, т. VII, стр. 153.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 59, л. 3.

В 1841 г. генерал Ключи фон Клугенау писал, что некоторые горцы производят всю свою торговлю с андалальцами и казкумухцами через Гидатлинский мост и что захват этого моста принудит горцев покориться¹. По свидетельству Мочульского чамалалы и горцы западного Дагестана занимались торговлей; предметами их торговли являлись бурки, оружие (кинжалы), шерстяные ткани, шерсть, масло, сыр, кожа и мыло. Соль они получали из сел. Кванхидатль или же из шамхальства Тарковского, железо из Грузии, торговыми центрами в горах являлись Хунзах и Кумух². «На восточном Кавказе, — писал А. Берже, — андалальцы отличались предприимчивостью и в давнее время служили главными проводниками нашей торговли с горцами. Андия славилась своими бурками и производством особенного, чрезвычайно мягкого сукна»³.

«Свинец, олово и медь, — писал Мочульский, — горцы покупают у евреев в Тарках, Дербенте, Кубе и во владениях союзных ханств. Оружие делается... во владении Казкумухском. Кинжалы куются во всех главных селениях, в особенности в Акуше»⁴.

Н. Дубровин сообщает, что в начале XIX в. Андия являлась большим торговым рынком, куда свободно приезжал каждый торговец и даже мог там остаться на жительство. Предметами торговли являлись лошади, оружие из Кубачи, из Персии и Турции. Существовал торг людьми, так же как и в сел. Эндери. Андийские бурки славилась не только в Дагестане, но и за пределами его. Андийцы в год выделывали до 8000 бурок, каждая бурка стоила от 3 до 12 руб.⁵

Из отчета за 1843 г. начальника Каспийской области, в состав которой входила и часть Дагестана, видно, что крупные базары в области были только в 20 пунктах с оборотом 363 610 руб. серебром. Торговлю он разбивает на 5 разрядов:

1 с оборотом	160 000 руб. серебром
2 »	до 70 000 »
3 »	до 30 000 »
4 »	до 10 000 »
5 »	до 5 000 »

Главными товарами внутренней торговли являлись шелк, хлопчатобумажные ткани, рис, хлеб, фрукты, марена, кожи,

¹ «Кавказский сборник» т. 32, стр. 453.

² Мочульский. Указ. соч., ч. I, стр. 115.

³ А. Берже. Очерк «Кавказ», — «Живописная Россия», т. IX за 1883 г., стр. 82.

⁴ Мочульский. Война на Кавказе и Дагестан, ЦГВИА, ф. ВУА д. 6528, ч. I, л. 83.

⁵ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 500.

ковры, паласы, попоны, переметные сумки, простые сукна, бязь, медная посуда, ружья, кинжалы, ножи, сабли, пистолеты, земледельческие орудия, шелковые и полушелковые материи, шали, мерлушка, лезгинские сукна и бурки. Из России привозили железо, железные изделия, строительные материалы, квасцы и другие минералы, из Тифлиса — бакалейные товары и посуду¹.

Если в районах Дагестана, которые входили в состав России, торговля развивалась нормально, то в районах, охваченных военными действиями, она все больше и больше падала.

В 50-х годах XIX в. наряду с Дербентом на плоскости большое торговое значение приобрели Порт-Петровск и Темир-Хан-Шура. В 1857 г. в Темир-Хан-Шуре 117 строений и 108 лавок принадлежали торговцам².

Из отчета дербентского градоначальника за 1864 г. видно, что оборотный капитал в Дербенте уже составлял 8 млн. руб. серебром. Ввиду отсутствия кредитных учреждений, ростовщики давали торговцам ссуды, получая высокий процент (24 на 100).

В 1864 г. в Дербенте было произведено разных местных изделий и готовой марены на 1 066 053 руб. За этот же год было ввезено в Дербент товаров на 51 997 руб. В Дербент пришло 230 судов, принадлежавших компании «Кавказ и Меркурий». В связи с разразившимся хлопчатобумажным кризисом и открытием ализарина цены на марену в 1864 г. упали. В то же время повысились цены на фрукты, так, например, в 1848 г. пуд груш в Дербенте стоил только 30 коп., а в 1864 г. — 1 руб. 20 коп. Пуд грецких орехов в 1858 г. стоил 55 коп., а в 1864 г. 1 руб. 26 коп. в 1857—1859 гг. пуд марены стоил от 7 до 9 руб., а в 1864 г. только 4 рубля. Производство марены за каких-нибудь 3—4 года резко упало. Мареноводы разорились, попытка поддержать их предоставлением им кредита не увенчалась успехом³.

После прекращения военных действий торговля постепенно проникала во все селения Дагестана, ремесленники и кустаря стали все больше производить товаров как для реализации на внутренних рынках, так и для вывоза за пределы Дагестана. Продукты земледелия, особенно скотоводства и садоводства, стали поступать на рынок. Предметом торговли стала и земля. Земля на одну сабу посева ($\frac{1}{12}$ десятины) в 1864 г. в нагорном Дагестане стоила 30—50 руб., покосный участок на 100 выюков сена стоил 70—75 руб. В южном

¹ ЦГИАА, ф. 1268, оп. 1, д. 650, л. 19.

² Е. И. Козубский. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 19, Тифлис, 1894, стр. 41. Акты, т. 12, стр. 415.

³ ЦГИАА, ф. 1268, оп. 10, д. 31, лл. 438—463.

Дагестане $\frac{1}{12}$ часть десятины стоила 50 руб. В раятских селениях южного Дагестана земля на 1 сабу стоила только 3 рубля. В южной части Кюринского округа 1 десятина стоила до 200 руб.

Меновая торговля стала уступать денежной, расширилась существовавшая в горах разносная торговля, в крупных населенных пунктах открылись базары, в окружных центрах и слободах, где были сосредоточены воинские части, открылись постоянные магазины. «В каждом пятом или десятом селении Дагестана, — писал О. В. Маргграф, — еженедельно по пятницам открываются многолюдные базары. Из земледельческих и садовых округов привозят семена на посев, фрукты, пеньковые изделия; женщины выносят свои сукна, ковры, наласы, готовые черкески, а другие — шелковые и металлические ленты; медники сидят со своей посудой, оружейники разложили кинжалы, шашки, винтовки, пистолеты; овцеводы пригнали на продажу стада овец. Все меняют, — покупают, — продают»¹.

Эта характеристика вполне соответствовала дагестанской действительности начала 80-х годов XIX в. По переписи 1886 г. в одном Даргинском округе было 186 торговцев, большинство которых вели разносную торговлю². Не меньше их было и в других округах. Аварская пословица гласит: «Болезнь в аул приходит или в вьюках торговца или в кожаной торбе нищего».

О появлении скупщиков бурок в сел. Ансалта Андийского округа нам рассказал председатель колхоза Нурмагомед Бурзиев.

Кустари-бурочники из этого селения первоначально выделяли из своей среды наиболее опытных и предприимчивых людей и поручали им продажу своих бурок, за что платили от каждой бурки условленное вознаграждение. Те, которые специализировались на торговле бурками, стали заниматься скупкой бурок в целях извлечения прибыли. Таким образом, появилась группа людей, которая занималась исключительно скупкой и продажей бурок. На этих операциях многие богатели, но и нередко разорялись, так как поездки в далекие края были связаны с риском нападения грабителей или конфискацией всего товара в той стране, куда он доставлялся.

Когда скупщик разорялся и превращался в несостоятельного должника, об этом объявляли всем жителям селения. При этом соблюдался определенный церемониал: на годекан

¹ О. В. Маргграф. Очерки кустарной промышленности Северного Кавказа. М., 1882, стр. XXXV—XXXVI.

² Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков. Тифлис, 1890, стр. 81.

(место сбора джамаата) собирался народ, которому эл (лицо, исполняющее решение джамаата или указание старшины — Х.-М. Х.), объявлял, что такой-то житель сделался несостоятельным должником, разорился. Объявление сопровождалось барабанным боем.

Все те, кому разорившийся скупщик был должен, приходили в его дом и распределяли, вернее захватывали все его имущество, а дом подвергали разрушению; сам должник навсегда покидал селение со своим семейством. Существовавшие подобного адата подтверждаются тем, что на аварском языке слова «бить в барабан» получили переносный смысл и стали означать разорение или крупное несчастье в личной жизни. Однако адат этот бытовал не в XIX в., а раньше — в XVIII.

В 1900 г. в городах Дагестана было 7 складов вина и спирта, 37 репсковых погребов (кроме того в селениях было еще 8). Погребов для продажи виноградных вин в городах было 5, в селениях — 2, трактиров в городах — 35, духанов в городах — 68, и в селениях — 17. Питейный доход в этот год составил 255 712 руб., на 51 802 руб. больше, чем в 1899 г., табачный доход — 138 540 руб., нефтяной доход — 11 482 р. (против 172 302 руб. в 1899 г., что объясняется отсутствием запаса керосина на складе в этом году).

Фруктово-виноградо-водочных заводов было: усовершенствованных — 3, неусовершенствованных — 33, из коих действовали 25 заводов, где было выкурено вина на 683 540 руб. Пивоваренных заводов было 3, из них один в Порт-Петровске и два в Темир-Хан-Шуре; выварено пива 95 013 ведер (на 8115 руб. акциза). Табачные плантации были на 36 дес., собрано табаку первого сорта 300 пудов, низшего — 1649. Табачных фабрик в Порт-Петровске было 2.

В Порт-Петровске были следующие торговно-промышленные предприятия: трактирные заведения, склады вина, сахара, пекарни, молочные лавки, пивная лавка, железный и скобяной магазин, кондитерские и булочные, часовых дел мастера, мануфактурный магазин, аптекарский магазин, завод искусственных минеральных вод, пароходные общества «Лебедь», «Кавказ и Меркурий», склад лесных материалов, нортняжные и сапожные мастерские, парикмахерские, репсковый погреб, мучная и бакалейная торговля, мастерские золотых дел мастеров, керосиновые резервуары, постоянный двор, магазины галантерей и обуви, ресторан, рыбный промысел (в самом городе) с 15 рабочими, мебелированные комнаты и т. д. — всего 238.

В городе Темир-Хан-Шуре было 285 торгово-промышленных предприятий и заведений с годовым оборотом от 2000 до 10 000 руб.¹. В апреле 1890 г. здесь было продано:

пшеничной муки	— 3475 пудов
кукурузной муки	— 972 »
овса	— 2780 »
ячменя	— 2015 »
пшеницы	— 405 »
кукурузы	— 470 »
желтого пшена	— 140 » ² .

В 1895 г. были выданы торговые свидетельства по городу Темир-Хан-Шуре: купцам 2-й гильдии 78 годовых и 4 полугодовых, билетов на выезд, годовых 97 и полугодовых 5, на мелочный торг было выдано свидетельств годовых — 179, полугодовых — 19, билетов на выезд годовых — 90, полугодовых — 6³.

В 1891 г. ежедневные базары бывали в следующих селениях Дагестана: в Н. Джумугтае, Чир-Юрте, Губдене, Левашах, Уллуая, Акушах, Урара, Мекегах, Цудахаре, Хаджал-Махах, Балкаре и Урахи Даргинского округа, в Хунзахе и Унцукуле Аварского округа, в Гунибе, Карадахе, Гергебле, Чохе и Согратле Гунибского округа, в Кумухе, Кули и Кая Казикумухского округа, в Маджалисе, Кубачах, Дашлагаре и Харбуке Кайтаго-Табасаранского округа, в Касумкенте и Курахе Кюринского округа, в городах Темир-Хан-Шуре, Дербенте и Порт-Петровске.

Среднегодовой оборот Хунзахского базара в 90 г. XIX в. по приблизительным данным составлял 50 000 руб.⁴.

В 1891 г. по округам было выдано 913 торговых свидетельств, в том числе по Темир-Хан-Шуринскому округу 128, по Даргинскому — 44, Аварскому — 33, Андийскому — 27, Гунибскому — 51, Казикумухскому — 191, Кайтаго-Табасаранскому — 229, Кюринскому — 103, Самурскому — 107, на отлучку из Дагестана по торговым делам выдано 386 билетов⁵.

В 1899 г. в Гунибском округе выбрано 109 торговых свидетельств⁶. В 1900 г. в Казикумухском округе было выбрано 182 торговых свидетельства, большинство на разносную торговлю⁷.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 71, оп. 2, д. 6, ал. 1—58, 59—118.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 18, л. 7.

³ ЦГА ДАССР, ф. 71, оп. 2, д. 8, л. 58.

⁴ «Кавказский календарь» на 1893 г., стр. 161.

⁵ Там же.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 153.

⁷ Там же.

В 1892 г. житель сел. Гишичуть М. Омаров открыл духан и мелочную торговлю в укреплении Карадах с суммой оборота 500 руб. Там же была лавка отставного фельдфебеля О. Я. Букася с оборотом 300 руб. В ауле Гергебиль были открыты 3 лавки мелочной торговли. В самом Гунибе было 3 магазина, один из них имел оборот в 10 000 рублей. В селениях Чох, Согратль, у Салтинского моста и в других местах открылись магазины и лавки по торговле мануфактурой и другими товарами¹.

Перепись населения 1897 г. в Дагестане дала следующие материалы о видах торговли и количестве занятых в ней лиц и членов их семей:

Виды торговли	Было занято в торговле		Члены семьи	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Торговля вообще	894	35	1086	1772
Живым скотом	30	2	49	76
Зерновыми продуктами	15	3	5	11
Остальными продуктами сельского хозяйства	777	51	730	1272
Предметами домашнего обихода	49	3	27	28
Строительными материалами и топливом	18	1	13	22
Металлическими товарами, машинами и оружием	10	—	11	18
Тканями и предметами одежды	390	19	634	1364
Кожами, мехами и проч.	40	2	58	106
Предметами роскоши, науки, искусства и культа и т. п.	7	—	12	8
Остальными предметами	67	14	68	95
Разносной и разносной торговлей	98	5	119	236
Всего	2395	135	2812	5008²

Таким образом, 10 350 душ населения или 1,8% наличного населения Дагестана имело отношение к торговле.

На рынках Казикумухского и Гунибского округов в 1903 г. были следующие цены: в Казикумухском пуд пшеницы стоил 1 руб. 30 коп., пуд овса — 1 руб., ячменя — 1 руб., магара — 1 руб. 10 коп., бобов — 1 руб. 20 коп.; в Гунибском — пуд масла — 10 руб., кожа — 90 коп., войлок — 2 руб. 50 коп., курица — 15 — 25 коп., лошадь — 40 руб.,

¹ ЦГА ДАССР, ф. 72, оп. 2, д. 1, л. 8.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., Дагестанская область, 1905, стр. 188.

осел — 10 руб., мул — 50 руб., бык — 30 руб.; корова — 15 руб., баран — 5 руб., коза — 3 руб.¹

В 1898 г. в Казикумухском округе было 36 лавок по торговле мануфактурой. В самом селении Кумух образовался крупный торговый дом Нурадиновых, являвшихся дагестанскими миллионерами². В 1899 г. в Гунибском округе существовало 30 лавок по торговле разными товарами, а в Казикумухе 37 с максимальным оборотом каждой в 5000 руб.³. В 1902 г. по Аварскому округу выбрано 163 торговых свидетельства, из них II разряда 12 годовых, III разряда 10 годовых, IV разряда; в Андийском округе выбрано 108 торговых свидетельств⁴.

В городах Дагестана в 1894 г. было 375 лавок⁵.

В 1907 г. в Аварском округе было 83 торгово-промышленных предприятий, из коих 11 при слободе у крепости Хунзах. В Андийском округе в том же году выбрано 108 торговых свидетельств, из коих на разносную торговлю 46⁶. В Казикумухском округе выдано 182 торговых свидетельства, из них на разносную торговлю 113⁷.

К 1915 г. сел. Ахты превратилось в крупный торговый центр, в нем жило 6623 души обоого пола и было 113 лавок, в том числе 16 мануфактурных. За этот год на Ахтынском базаре для продажи забито скота 3668 голов (крупного и мелкого), продано шерсти более 20 000 пудов на 140 000 руб., сыра 1182 пуда — на 8410 руб., скота на 110 500 руб., зерна — 200 000 пудов. От продажи скота и продукции сельского хозяйства было выручено 300 500 руб.⁸. В Кюринском округе в 1915 г. было выбрано 270 торговых свидетельств⁹. Если в 1886 г. в Дагестане купцов было только 267 чел., то в 1913 г. их стало 740 чел.; если в 1892 г. по Дагестану было выбрано только 1680 торговых свидетельств, то в 1911 г. — 3465.

Начиная с 60-х годов XIX в. усилилась купля и продажа земли. В 1898 г. в Порт-Петровске было открыто агентство Донского Земельного банка по ссудам под залог недвижимого имущества¹⁰.

В 1910 г. посетило Петровский порт судов:

	Пришло	Ушло
Паровых	1551	1537
Военных и казенных	3	3
Парусных и барж	201	192
Итого	1752	1732
Грузооборот составил: вывоз		23 089 155 пудов
ввоз		18 290 265 »
на сумму		84 513 672 руб. ¹

Из всего сказанного можно сделать вывод, что присоединение Дагестана к России способствовало не только росту и расширению торговли, но и изменению ее характера: из меновой в начале XIX в. она к концу XIX в. превратилась в денежную. Более того, торговлей стали заниматься не только городские жители, но и жители сельских местностей. В Дагестане возникло крупное купечество, которое сосредоточило в своих руках большой капитал, стало приобретать земельные массивы в целях извлечения капиталистической земельной ренты.

Итоги всеобщей переписи населения 1897 г. характеризуют занятия населения Дагестана следующим образом (в проц.):

Виды занятий	Лица самодеятельные			Все население		
	муж.	жен.	обоого пола ¹	муж.	жен.	обоого пола
Сельское хоз.	72,91	49,84	69,0	70,68	79,47	79,08
Горный промысел	0,17	0,09	0,17	0,19	0,19	0,19
Обработывающая промышленность	5,02	16,20	6,54	5,01	6,58	5,81
Передвижение и сообщения	1,18	0,08	1,03	0,81	0,59	0,70
Торговля	2,15	1,45	2,05	2,09	2,02	2,05
Административно-сословная и общественная служба	1,38	0,45	1,25	1,22	1,09	1,10
Свободные профессии	0,02	—	0,02	0,01	0,01	0,01
Вооруженные силы	8,02	—	5,19	2,83	0,18	1,49
Деятельность и служба частная, прислуга и поденщики	6,74	10,91	7,31	5,85	5,98	5,91

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 69, л. 206.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 71, оп. 2, д. 10, лл. 37, 42.

² ЦГА ДАССР, ф. 72, оп. 2, д. 4, лл. 1—7.

³ ЦГА ДАССР, ф. 72, оп. 2, д. 5, лл. 1—9.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 73, оп. 1, д. 8, л. 29.

⁵ Е. Козубский и. Памятная книжка Дагестанской области, 1905, стр. 158.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 73, оп. 1, д. 8, лл. 28—29.

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 112.

⁸ ЦГА ДАССР, ф. 79, оп. 3, д. 5, л. 22.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 79, оп. 3, д. 5, л. 23.

¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 60, л. 10.

Виды занятий	Лица самостоятельные			Все население		
	муж.	жен.	обоих пола	муж.	жен.	обоих пола
Личные и обес- печ. сред. со- держания от казны и част- ных лиц	2,67	11,01	3,81	1,78	1,83	1,81
Неопределен- ные занятия	1,74	9,97	3,87	1,52	2,06	1,79
В %/о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Данные этой таблицы свидетельствуют, что главным занятием населения Дагестана к концу XIX в. являлось сельское хозяйство: полеводство, садоводство и животноводство.

Второе место по занятости населения принадлежало поденщикам. В категорию поденщиков видимо входили постоянные и сезонные рабочие, батраки из числа беднейших крестьян.

На третьем месте стоит обрабатывающая промышленность, главным образом, обработка шерсти, металла и дерева.

Приведенные выше цифры свидетельствуют также о значительном общественном разделении труда в Дагестане.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., Дагестанская область, 1905, стр. VI.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Касаясь занятий населения Дагестана, следует констатировать, что при общем низком уровне развития производительных сил страны в первой половине XIX в. в относительно лучшем состоянии находилась экономика плоскостной части и прилегающей к ней территории предгорной зоны.

Уровень социально-экономического развития соответствовала техника ведения сельского хозяйства. В полеводческом хозяйстве народов Дагестана первое место занимало возделывание зерновых культур (пшеницы, ячменя, проса, кукурузы, риса). Кроме зерновых культур здесь выращивались плоды, овощи, виноград, шафран, шелковица, лен, хлопок и марона. В горном Дагестане, исключая высокогорные его районы, земледелие преобладало над животноводством.

Русские крестьяне-переселенцы и русские солдаты, осевшие в Дагестане, особенно во второй половине XIX в., являлись проводниками более высокой земледельческой культуры. Завозятся и внедряются в сельскохозяйственное производство картофель, помидоры, свекла, лучшие сорта плодов и винограда, племенные производители крупного рогатого скота и овец, организуются плодово-виноградные питомники, показательные участки по травосеянию, ведутся опыты по рациональному кормлению скота.

На плоскости и в приморской полосе, начиная с 90-х годов XIX в., внедряются железные плуги и бороны, жатвенные и другие сельскохозяйственные машины, включая молотилки. Увеличивается численность агрономического персонала, создается ветеринарная служба, организуется школа садоводства, овощеводства и виноградарства.

Второй важной отраслью сельского хозяйства являлось животноводство, особенно овцеводство. Значительная часть овец и некоторая часть поголовья других видов скота из горного Дагестана перегонялись на зимние пастбища, расположенные как в самой области, так и за ее пределами.

Ввиду ограниченности пахотных земель в горах и тяжелых условий для животноводства, доходы от этих отраслей хозяйства не обеспечивали жизнь населения. В связи с этим большое распространение здесь получили «кустарные»

промыслы, доходы от которых составляли значительную часть бюджета и обеспечивали нужды крестьянского хозяйства. Во второй половине XIX в. происходил процесс отрыва домашних промыслов от земледелия и превращения их в ремесло.

Из природных ископаемых кустарным способом разрабатывались месторождения нефти и соли в приморской полосе, селитры и серы для производства пороха — в горной части. В районе Карабудахкента в небольшом количестве добывали железную руду.

Изъятие казной и захват помещиками у крестьян части общинных земель, освобождение рабов и отдельных слоев зависимых крестьян, развитие товарно-денежных отношений и рост классовой дифференциации привели к вытеснению определенных кругов крестьян из сферы сельскохозяйственного производства. Усиление ввоза товаров фабрично-заводской промышленности из центральных районов страны и падение в связи с этим цен на многие виды изделий местной кустарной промышленности и снижение заработков кустарей привели к дальнейшему увеличению количества свободных рук в деревне. Фабрично-заводская промышленность Дагестана находилась на таком низком уровне, что не могла обеспечить работой и десятой доли высвобождавшихся в деревне рабочих рук.

Указанные обстоятельства и установление после окончания военных действий прочных связей Дагестана с другими районами империи вызвали усиленный отлив мужского населения на заработки за пределы области. Число отходников, составлявшее в 80-х годах XIX столетия примерно 40 000 человек, возросло в начале текущего века до 90 000 человек, состаряя более половины трудоспособного мужского населения, главным образом, горной части Дагестана.

Отходничество, развивавшееся в 90-х годах XIX в., было в высшей степени прогрессивным явлением. Оно способствовало расширению умственного кругозора и классового сознания отходника, воспитывало в нем чувство пролетарского интернационализма, помогало трудящемуся горцу быстрее порвать феодальные и патриархальные путы. Оно способствовало повышению культурного уровня не только самих отходников, но и населения тех аулов и округов, откуда они выходили и куда возвращались. Наиболее прогрессивной стороной отходничества являлось вовлечение отходников в промышленную и общественно-политическую жизнь страны и распространение ими революционных идей среди трудящихся масс Дагестана.

Развитие товарного хозяйства, усиление экономических связей между Дагестаном и центральными районами России и соображения стратегического порядка вызвали необходимость сооружения дорог внутри области и коренного улучше-

ния водного и сухопутного транспорта, способного приобщить ее к хозяйственным центрам страны. Проведение железнодорожной линии на территории Дагестана, сооружение морских пристаней (в Дербенте, порта в Петровске и строительство дорог, связавших горные округа между собою и с плоскостью, сыграло огромную роль в деле развития торговли в Дагестане. Если в Дагестане, в особенности в горной его части, в первой половине XIX в. преобладала натуральная форма хозяйства и меновая торговля, то происходившее здесь во второй половине XIX в. общественное разделение труда и возникновение товарного производства привели к денежной торговле, к усилению торговых связей как внутри области, так и с соседями.

Основными предметами вывоза из Дагестана до 90-х годов XIX в. служили скот и шерсть, марица и шафран, сухофрукты и орехи, шерстяные сукна и бурки, ковры, сумахи и паласы, холодное оружие. В Дагестан ввозили главным образом хлеб, рис, черные и цветные металлы, хлопчатобумажные ткани и бакалейные товары. Торговля в пределах самого Дагестана производилась, как правило, на еженедельных базарах.

По мере укрепления политических и экономических позиций царизма на Кавказе, Дагестан втягивался в орбиту капиталистического развития России. Под стимулирующим воздействием более развитых в центральных районах производственных отношений быстрее росли производительные силы области, более интенсивно вызревали элементы капитализма.

Хозяйство Дагестана все больше превращается в составную часть всего народного хозяйства России и занимает определенное место в системе территориального разделения общественного труда в стране. С конца XIX столетия, наряду со скотом, шерстью и кожевенным сырьем, плодами, виноградом и овощами, возрастает вывоз из Дагестана рыбы, консервов, вина, бязи, художественных изделий из благородных металлов и дерева.

Разложение натурального хозяйства, развитие транспорта, расширение рынка, повышение техники земледелия, связанное с применением привозных сельскохозяйственных орудий, — все это усилило процесс перерастания местного купеческого капитала в промышленный и способствовало привлечению капитала извне. В результате в Дагестане были созданы предприятия винодельческой, рыбной, консервной, деревообрабатывающей, металлообрабатывающей, текстильной, нефтяной и некоторых других отраслей промышленности.

Развитие промышленности, транспорта и торговли и организация в связи с этим кредитных учреждений сопровождалась

формированием рабочего класса и местной национальной буржуазии в городах и кулачества в деревне. Однако капиталистический способ производства не представлял здесь победившую и господствующую формацию. В городах в промышленности доминировали капиталистические отношения, а в сельском хозяйстве равнинной части Дагестана только начинал развиваться капиталистический уклад. В горной части Дагестана в крупных овцеводческих хозяйствах и в кустарных промыслах, особенно в районах их наибольшего распространения, также возникали капиталистические отношения.

К началу первой русской революции 1905—1907 гг. эксплуатация рабочих в городах и зависимых крестьян в деревнях неизмеримо усилилась. В 1905—1907 гг. рабочие организовывали политические забастовки, в ряде районов Дагестана имели место выступления крестьян против феодального гнета беков, доходившие до вооруженного столкновения с регулярными частями царских войск, ограждавших беков от народного гнева. Как забастовки рабочих, так и крестьянские выступления в этот период проходили под руководством большевиков, в числе которых были и представители дагестанских народностей.

Только 12 июля 1913 года были освобождены 70 000 душ населения Дагестана от феодальной зависимости. «Освобождение» было проведено с большой выгодой для беков, они в течение 1913—1915 гг. получили от казны около 300 000 руб. выкупной платы, которую освобожденные крестьяне должны были вносить в казну в течение 20 лет равными долями. В руках беков еще оставались лучшие земли и в большом количестве. Принятие закона об «освобождении» крестьян было продиктовано революционными выступлениями рабочих и крестьян против царизма, с одной стороны, и желанием царского правительства путем выгодной для дагестанских феодалов реформы притупить остроту классовой борьбы трудящихся, которая могла перерасти во всеобщее восстание против существующего строя.

Однако аграрный вопрос в Дагестане, как и везде в России, был разрешен только Великой Октябрьской социалистической революцией.

78
79
80

